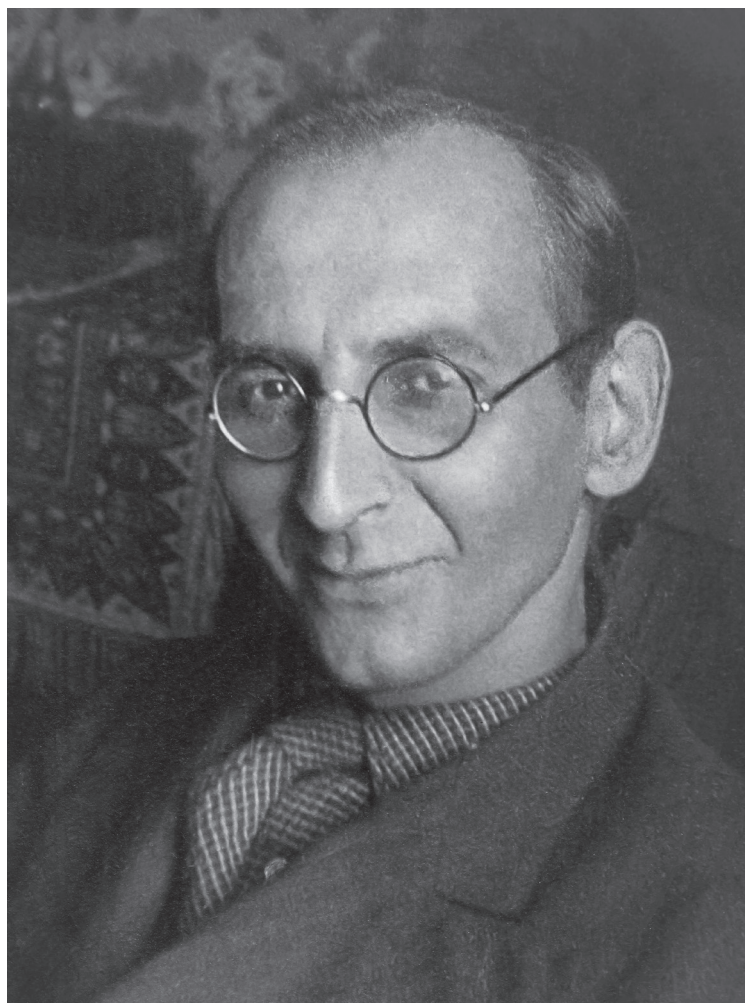

Литературное
наследие
Алтая

Dr. Kodurov

Управление Алтайского края по культуре и архивному делу
Алтайская краевая универсальная научная библиотека
им. В.Я. Шишкова

Дмитрий Кобяков

Барнаул · 2018

ББК 84(2Рос-Рус)6

К – 559

16+

*Издание подготовлено по заказу
и при финансовой поддержке
Правительства Алтайского края
в рамках Губернаторского издательского проекта*

Редактор-составитель С.А. Мансков
Художественный оформитель А.Н. Шелепов

Кобяков, Д.Ю.

К – 559 Дмитрий Кобяков / [ред.-сост. С.А. Мансков] / Упр. Алт. края по культуре
и арх. делу, Алт. краев. универс. науч. б-ка им. В.Я. Шишкова. — Барнаул; Москва:
Красногорский полиграфический комбинат, 2018. — 224 , илл.

Дмитрий Юрьевич Кобяков (1898–1978), проживший трудную, насыщенную жизнь, известен более как этимолог, слово толкователь. А между тем, у него немало стихов, статей, прозаических произведений. Рукописи писателя долгое время хранились в личном фонде Государственного архива Алтайского края и ждали своего часа. В этом издании собрано многое из того, что ранее нигде опубликовано не было.

Первая из книг новой серии «Литературное наследие Алтая», посвященная творчеству Д.Ю. Кобякова, рассчитана на широкий круг читателей.

ISBN 978-5-4465-2010-7

ББК 84(2Рос-Рус)6

© Д.Ю. Кобяков, 2018
© С.А. Мансков, 2018
© А.Н. Шелепов, 2018
© КГБУ «Алтайская краевая универсальная
научная библиотека им. В.Я. Шишкова», 2018

Барнаульский эмигрант

«В Барнауле Кобякова не любили» — фраза, которая с некоторым сожалением звучит об этом человеке из разных уст. Действительно, поэт «парижской ноты», масон, участник французского Сопротивления, носитель элитарной филологической культуры, знакомый Ивана Бунина и Александра Куприна выглядел инопланетянином в столице Алтая в начале шестидесятых годов. Светлый французский плащ, черный берет не мог не вызывать недоумение у коллег по первому месту работы — тресту «Сибэлектромонтаж». Владение древнегреческим, латынью, европейскими языками, близость к кругу большой литературы, объемность взгляда на русскую культуру сразу проводили незримую границу между ним и местными функционерами из Союза писателей. Публичные выступления мемуарного характера о литературной жизни Праги, Белграда, Парижа вызывали защитную реакцию. В писательском сообществе после вечеров Кобякова говорили: «Врет он все это, но врёт интересно». А главный партийный начальник Александр Георгиев, по словам самого литератора, говорил: «Старика надо устроить в дом престарелых», то есть в богадельню — по старому, на «махан».

Поначалу Дмитрий Юрьевич еще искал справедливости — писал письма, отправлял запросы, удивлялся невежеству, активно пытался публиковаться, называл барнаульцев «туземцами». Такие попытки изменения собственной судьбы тоже вызывали неприятие власть предержащих. Именно по этой причине его публикации в Барнауле были фрагментарны и оставались в рамках научно-просветительского филологического пространства. Три книги «Бессмертный дар», «Приключения слов» и «Слова и люди» позволили увидеть в нем ученого, но скрыли от читателя поэта, прозаика и мемуариста. Появление Кобякова в провинциальном пространстве вызывало еще и страх. На филологической кафедре Педагогического института помнили недавнюю сталинскую борьбу с безродными космополитами, а партийное руководство краевых газет и издательства было идеологически безупречно. А тут белоэмигрант!

При всем этом непохожесть и инобытие Кобякова позволили создать новый, может быть, единственный центр интеллектуального притяжения: в квартиру №28 на улице 40 лет Октября за книгами и впечатлениями шли журналисты Юрий Масалов и Анатолий Муравлев, литературовед Виктория Дубровская, художник Александр Потапов, поэт Владимир Башунов.

В Барнаул Дмитрий Юрьевич Кобяков в возрасте шестидесяти лет попал в 1958 году как репатриант. Это слово латинского происхождения буквально означает «возвращение на родину». Но вернуться пришлось не в родную Москву или Тифлис, где прошло детство, а в далекий неизвестный Барнаул. Уж очень наши края были удобны для ассимиляции эмигрантов в новом советском мире.

Каноническую биографию Кобякова составить сложно, так как реальные события революции, гражданской войны, эмиграции подавались автором через призмы официального признания. Хотелось стать частью советского мира, что давало возможность публикаций, славы.

Из короткой биографической справки в сборнике «Поэты пражского скита» узнаем, что среднее образование получено в Тифлисе. После революции там же в журнале «Арс», редактируемом одним из основателей «Цеха поэтов» Сергеем Городецким, опубликованы первые стихотворные опыты. Здесь же выходят стихи в коллективном сборнике «Фантастический кабачок», где «коллегами по тому» становятся Давид Бурлюк, Велимир Хлебников и некоторые другие.

Следующий этап биографии обозначен вехами: Одесса, вступление в комсомол, подвиги по заготовке дров в духе Павки Корчагина, создание первого рабочего киноуниверситета Советской России и выборы в ректоры этой новой структуры.

Грипп «испанка», выкосивший в начале XX века 5% населения планеты, не обошел и молодого Кобякова. «Во время моей болезни Крым был оставлен красным. Затем начались решительные бои с Врангелем и полный разгром его. Бежавшие из Крыма белые забирали с собой всех раненых и больных, увезли и меня. Очутился я за границей, где прожил много лет, но все время оставался комсомольцем в душе». Другая точка зрения была опубликована в фундаментальном собрании «Поэты пражского скита»: «Эваку-

ировался из Крыма в 1920 г. в чине подпоручика Феодосийского офицерского полка».

В эмиграции юного Кобякова бросало и географически, и ментально. Все эмигрантское сообщество было «растянуто» между двумя полюсами, где на одном видели своей главной задачей миссию сохранения всего русского, а на другом мечтали «сменить вехи» и вернуться домой. У молодого человека, стоявшего на распутье, эти векторы совместились. Все 20-е годы Дмитрий Юрьевич писал стихи и получал образование: философия в Любляне, медицина в Белграде, юриспруденция в Праге, филология в Сорбонне, электротехника в Русском народном университете. Исторический аспект отечественной лингвистики на склоне лет вытеснил большинство других интересов. С французского периода и до конца жизни Кобяков занимается историей происхождения и значения слов. Русский язык становится основой самоидентификации, когда, сохраняя родную речь, ты сохраняешь и Родину в себе. При этом не было неприятия нового советского и всегда оставалось желание вернуться.

В начале двадцатых годов в эмиграции издавалось больше газет, альманахов и журналов, чем в Советской России. Все социальные слои дореволюционного российского общества оказались на чужбине, и было необходимо иметь прессу, чтобы формировать новое/старое общественное сознание. Кроме того, пресса стала главной площадкой для реализации среди соотечественников. Кобяков пробует себя в переводах, издает сборник стихов «Осколки». В Югославии он переводит поэму А. Блока «Двенадцать» на сербский язык, пишет короткие биографии сербских поэтов и публикует в первом и единственном номере журнала «Медуза». Власть, опасаясь пропаганды большевизма, закрывает журнал и с подозрением смотрит на переводчика. Через Австрию молодой литератор отправляется в Прагу, которая является одной из столиц русской эмиграции. Здесь вступает в поэтическое объединение «Скит». Из Праги с юридического факультета в 1925 году перебирается в Париж, где знакомится с А.М. Ремизовым, И.А. Буниным, А.И. Куприным и многими другими. Начинается полноценная журнальная жизнь. Открывает собственный журнал «Ухват», где публикуются Саша Чёрный, Михаил Осоргин, иллюстрации готовит Юрий Анненков. Три первых парижских

года дали три сборника стихов: «Керамика» (1925), «Вешняк» (1926), «Горечь» (1927).

Поэтическое наследие Кобякова представлено в четырех дошедших до нас книгах. Первоначальное подведение итогов произошло в «Чаше», изданной в Париже в 1936 году. В сборник вошли старые и новые стихи. В этом поэтическом собрании заметны поиски начинающего стихотворца. Литературные объединения русского зарубежья «Скит поэтов», «Кочевье», «Перекресток» преломляются у Кобякова в общем настроении «парижской ноты», для которой характерно метафизическое начало, маргинальность мира и тоска. Во многом вступая с диалог с главным адептом этого направления Борисом Поплавским, Дмитрий Кобяков создает свое метафизическое пространство, а в любовной лирике — полностью самостоятелен и оригинален. Все это время Кобяков учится, платит за университет, вечерами работает фотографом, электриком, маляром, испытывая постоянную нехватку денег.

В фундаментальной книге Нины Берберовой «Люди и ложи» дается развернутая история деятельности русских масонов в эмиграции. Во Франции Кобяков вступает в одну из лож и становится ее фактическим руководителем, объединение называется «Великая ложа». Понятно, что в Советском Союзе этот факт своей биографии литератор не озвучивал, но он легко читается в поэтической части. Так, в стихотворении «Ученый мастер в шапочке своей...» дается один из вариантов масонского ритуала.

В Барнауле писатель, переступивший шестидесятипятилетний рубеж, мечтает издать итоговый сборник стихов, но здесь он больше востребован как лексиколог-популяризатор.

Период тридцатых-сороковых годов — малоисследованная часть биографии Дмитрия Юрьевича. Один из первооткрывателей Кобякова как писателя Александр Михайлович Родионов пишет: «В годы войны 1940—1945 годов был угнан на работу в Германию, сумел оттуда бежать и перешел на нелегальное положение в составе французского Сопротивления. За год до окончания войны вступил в компартию. В ту пору ему пришлось трудиться сцепщиком вагонов, и один эшелон со снарядами для немецких частей в Нормандии бойцы Сопротивления с участием Кобякова пустили-таки под откос. Участвовал в парижском восстании

1944 года и был ранен». Военные годы в некоторой степени можно восстановить по фрагментам романа «Дневник Водовозова», героем которого наделен автобиографическими чертами.

После войны, в 1948 году, Кобяков получил советский паспорт, переехал в ГДР, откуда перебрался в целинный Барнаул, где официальное признание так и не приходит в полной мере.

Далее: два первых барнаульских года — обучение на философском факультете вечернего университета марксизма-ленинизма при барнаульском крайкоме КПСС. Позднее — лектор Всесоюзного общества «Знание». Уже на восьмом десятке — удостоверение члена Литературного фонда СССР, дающее право отдыха и работы в Коктебеле и Переделкино, где полуглухой и полуслепой, обезноживший Дмитрий Юрьевич так и не побывает. Издаются книги в Москве, в Алтайском книжном издательстве. Переиздания, цитирование и многое другое. Завершением этой длинной и насыщенной жизни стали тихая смерть в 1978 году и личный фонд в Государственном архиве Алтайского края.

Ученый, писатель, поэт, свидетель удивительной эпохи Дмитрий Юрьевич Кобяков стал в XXI веке легендарным культурным героем. О нем говорили и с нетерпением много лет ждали выхода его литературных произведений. Благодаря изданию новой книжной серии «Литературное наследие Алтая» под патронажем губернатора Алтайского края такая возможность появилась. В личном фонде Кобякова Государственного архива Алтайского края были атрибутированы и набраны художественные тексты, дневники, письма. К сожалению, осталась лишь меньшая часть романа «Дневник Водовозова», а дневниковые записи — только за 1962 год.

Логика построения тома диктуется сохранившимися архивными материалами. В первый блок вошли рассказы писателя о встречах с русскими художниками и встречах с ними в Париже. Несколько особняком стоит рассказ «Здесь жил великий Ленин». Он интересен своим фактическим материалом, но, вероятно, был необходим в качестве «паровоза», который «пробивал дорогу» историям о Куприне, Бунине и эмигрантской атмосфере. Завершает этот блок рассказ о французском Сопротивлении «Резистанс». Фактически это переложение эпизода из «Дневника Водовозова». Кобяков не был уверен, что допишет этот роман и издаст его,

поэтому подготовил публикацию для «Молодежи Алтая» к юбилею французского восстания, а потом расширил ее. Из всех рассказов этого блока «Вечер в Париже», «Путешествие в гетто» были опубликованы в казахстанском журнале «Простор» в 1962 году. В XXI веке «Вечер в Париже» выходил в газетной периодике («Литературная газета» — прил. «Алтай», 2006) и «Антологии одного рассказа. Поэтическая тетрадь» (Барнаул, 2007). Небольшие фрагменты дневника, подготовленные Александром Родионовым, увидели свет в барнаульском томе серии «Тобольск и вся Сибирь». Остальные тексты публикуются впервые.

Раздел «Поэзия» сформирован из стихотворений антологии «Поэты пражского «Скита» и парижского авторского сборника «Чаша».

В публицистический раздел вошли научно-популярные статьи шестидесятых и семидесятых годов, опубликованные в «Алтайской правде». Большинство из них — адаптация отдельных тем из книги «Бесценный дар». Очерк о живописи М. Ларионова был написан для парижского журнала «Земля», который редактировал сам Д.Ю. Кобяков.

Впервые публикуется начало дневниковых записей, которые Дмитрий Юрьевич вел с 1962 года до конца жизни. Этот документ содержит бытовые и бытийные реалии, знакомит с барнаульским ближним кругом и рассказывает о многочисленных «хождениях» за справедливостью.

Эпистолярные содержат избранные письма.

Редактор выражает признательность сотрудникам Государственного архива Алтайского края за помощь на всех этапах подготовки этой книги, искреннюю благодарность за советы и информацию Анатолию Муравлеву, Евгению Платунову, Виктории Дубровской, Людмиле Остертаг, благодарит за помощь Елену Геннадьевну Гусар и студентов-филологов факультета массовых коммуникаций, филологии и политологии Алтайского государственного университета Дмитрия Кандыбу и Анастасию Кашаеву, которые в течение года обрабатывали рукописи личного фонда Дмитрия Юрьевича Кобякова.

Сергей Мансков

Проза

Русский Париж

В августе 1944 года в освобожденный восставшим народом Париж, на авеню д'Орлеан, входили французские и американские войска. Американцы сразу же разбили свои палатки в центре города на Елисейских полях. Уже тогда чувствовалось, что это они, американцы, «завоевали» Францию и победителями вошли в Париж!

Изголодавшиеся жители окружали солдат, которые, сидя на пустых канистрах, ели ветчину и изумительный белый хлеб! При виде забытого в годы оккупации хлеба парижане глотали слюны и понуро отходили. Ни разу не видел я, чтобы американский солдат предложил поесть французскому ребенку. Американцы не обращали внимания на голодных людей. Они спокойно пережевывали консервы, запивая их вином из громадных фляжек.

А полтора-два года тому назад на Елисейских полях горели русские костры, и наши казаки варили на них кашу. Русские солдаты ходили по городу, глаза на громады домов и дивясь тому, что французы не понимают по-русски! Это было в 1814 году, когда Наполеон I был разбит и русские войска заняли Париж. Парижане уверяют, что название бесчисленных простонародных кабачков «бистро» произошло оттого, что русские солдаты и офицеры, забегавшие наспех выпить за цинковой стойкой, кричали «бистро, бистро!»; и это «бистро» потом превратилось в «бистро», да так и осталось во французском языке как напоминание о пребывании русских войск в Париже...

Но о России говорят не только названия этих кабачков. В Париже одна из главных артерий города называется Севастопольским бульваром — в память Крымской войны 1856–1858 годов. Об этой же войне напоминает и одна из красивейших площадей в центре города (на берегу Сены) — площадь Альма. Альма — маленькая речка в Крыму, где произошло первое сражение между русскими и высадившимися в Евпатории союзными силами французов и англичан.

Лев Толстой в «Севастопольских рассказах» упоминает об этой битве 8/20 сентября 1854 года:

«На другом углу стола... сидят два пехотных офицера: один молодой, с красным воротничком и двумя звездочками на шинели, рассказывает другому... про альминское дело».

В память о взятии Малахова кургана в Севастополе была названа уже не улица, а целый городок под Парижем — Малакофф! А рядом с ним — другой городок-предмestье — Кремль, по-французски — Кремлен. Это напоминание о 1812 годе, о кратковременном пребывании Наполеона в Москве.

Но напрасно искать в Париже улицу Балаклавы — имени Балаклавской бухты, где в Крымскую кампанию погибла французская эскадра. Через сорок лет Марк Твен в романе «Американский претендент» вспоминает эту битву между русскими и англо-турецкими войсками: художник Ховард Трейси рассказывает про одну картину: «пушка — справа, пушка — слева, пушка — впереди, — словом, настоящая Балаклава!»

Существуют в Париже и улица Москвы, улица Ленинграда, Крыма, Невы, Одессы, Севастополя, Льва Толстого, Тургенева и даже улица Трактира, интересная тем, что, по мнению французов, «Трактир» — это один из русских городов, взятых Наполеоном в 1812 году!

В прошлом веке Россия участвовала в международной промышленной выставке, в память об этом событии в Париже остался великолепный мост Александра III — копия ленинградского Аничкова моста. Главное здание выставки с клодтовской квадригой на фронте, так называемый Большой дворец (Гран Пале), где периодически устраивают выставки, тоже выстроен русскими руками и на русские деньги. Так российский самодержец поддерживал «альянс», русско-французское соглашение...

Много в Париже мест, связанных с именами русских. Здесь жили В.И. Ленин, Н.К. Крупская, Максим Горький, Лев Толстой, Ф.М. Достоевский, Алексей Константинович и Алексей Николаевич Толстые, В.В. Маяковский, И.А. Бунин, А.И. Герцен, Н.П. Огарев, Г.В. Плеханов, П.А. Кропоткин, В.В. Стасов, П.Л. Лавров, В.А. Соллогуб, Г.И. Успенский и Н.В. Успенский, А.П. Чехов, И.И. Мечников.

Учился в парижской Сорбонне «первый русский профессор» В.К. Тредиаковский. Здесь в почтенном изгнании умер российский посол, первый русский сатирик Антиох Кантемир.

В Париже лечился А.В. Луначарский, умерший на юге Франции, в Ментоне.

Николай Васильевич Гоголь писал в Париже «Мертвые души».

Великий русский композитор Михаил Иванович Глинка часто ездил за границу, подолгу жил в Париже. Жил в Париже и А.П. Бородин, но не как музыкант, а как химик: вместе с великим русским ученым Д.И. Менделеевым он покупал там приборы, химические реактивы и колбы для России.

Подолгу жила там и знаменитые наши художники: творец «Явления Христа народу» А.А. Иванов, А.И. Куинджи, К.П. Брюллов, И.И. Левитан, Орест Кипренский, знаменитый баталист В.В. Верещагин, Василий Поленов, скульптор М.М. Антокольский.

Илья Ефимович Репин создал в Париже картины: «Крестный ход в Курской губернии», «Сходка», «Садко», «Парижское кафе», «Митинг у стены Коммунаров». У Репина в то время учился мальчик Тоша, будущий знаменитый художник Валентин Серов.

Всю жизнь в Париже провела большая художница Мария Башкирцева, рано умершая от туберкулеза. Она похоронена в центре города на старинном кладбище Пасси. Над ее могилой выстроена русская православная часовня, одна из достопримечательностей Парижа.

«Превосходная должность быть на земле Человеком!» — это в 1912 году сказал Максим Горький, читая в Париже в подвальном зале на авеню Ваграм свой новый рассказ «Рождение человека».

Старый парижанин Иван Сергеевич Тургенев основал здесь в 1875 году библиотеку «для недостаточных студентов». Их очень много жило в то время во Франции. Все русские революционеры, жившие в Париже, пользовались этой библиотекой. Тургеневская библиотека существовала до Второй мировой войны и была разграблена немцами, когда они заняли Париж. О дальнейшей судьбе ее рассказывает тоже «старый парижанин» Илья Эренбург в книге «Люди, годы, жизнь»:

«В 1945 году, перед самым концом войны, незнакомый /русский — прим. автора/ офицер ... рассказывал, что на одной не-

мецкой станции он видел распотрошенные ящики: русские книги, рукописи, письма валялись на земле... Таков конец Тургеневской библиотеки».

Во время французской революции 1789 года на баррикадах, вместе с французским народом, стреляли в королевских гвардейцев граф Строганов, лежа рядом со своим молодым слугой Ворониным, ставшим впоследствии знаменитым русским архитектором и построившим в Ленинграде здание Горного института и Казанский собор. Здесь следует заметить, что подле Воронихина и Строганова сражался и воспитатель графа Шарль Жильбер Ромм, ставший потом председателем Конвента и введший республиканский календарь.

В революции 1848 года принимал участие А.И. Герцен.

Елисейские поля в то время были местом загородных прогулок парижан. Там росли вековые деревья, и на тенистых лужайках виднелись вкопанные в землю столы, уставленные кружками с вином. Еще не появились громадные дома на будущей авеню, и только Триумфальная Арка, построенная для торжественного входа «победной армии» Наполеона, встречала восход солнца и отбрасывала тяжелую тень на поляны.

...И сегодня встает солнце над Триумфальной аркой, и длинная тень ее пересекает зеркальный асфальт площади Звезды — площади Этуаль.

Пустынные Елисейские Поля, утренние, белые и тихие, напоминают что-то морское, пляжное. Но ни моря тут нет, ни берегов, только высокое небо и ощущение простора. Плывут легкие облака, и кажется, что вместе с ними плывут огромные корабли-дома... Точно паруса, надуваются полосатые маркизы кафе — это ветер с океана принес запах соли и водорослей...

Гремят ранние грузовики с горами зелени, мяса, фруктов, топятся на Центральный Рынок. Ночные гуляки в обтерханных смокингах влезает в первые поезда метро. Рабочие-синеглазники спешат на заводы. Они не смотрят на гуляк, только иногда невольно сжимают кулаки. А вечером сиреневые сумерки потихоньку спускаются на город — и тогда Сена кажется совсем изумрудной.

Очарование Парижа постепенно охватывает вас...

Пылает город веселыми вывесками.

Беспечны толпы на тротуарах и в кафе.

Около Лувра, на парапетах набережных, длинная вереница ларьков букинистов. В колеблющемся пламени свечи прохожие медлительно перелистывают старые книги и пожелтевшие гравюры прошлых веков. Бродяги в пестрых лохмотьях ютятся под мостами.

На поющей площади Фюрстенберга образы славного Делакруа будто витают в вечернем воздухе над бывшей мастерской художника.

А по праздникам тысячи цветных фонариков горят на протянутых через улицу проволоках. Пляшут на мостовой горожане, и целуются влюбленные на уличных скамейках, в проемах подъездов, под деревьями... Они не стесняются, эти парочки: любовь здесь легка, как прозрачный туман над Сеной, как розовое вино на всех столиках...

На перекрестках сверкают цветочные киоски. Перед античными колоннами храма Магдалины, под ярко-полосатыми зонтиками, во всякую погоду сидят толстые торговки. Они продают мимозы, благоуханные, как поцелуй девушки. Розы осыпаются в их кувшины.

Всю ночь напролет ходят из кафе в кафе молоденькие девушки — продавщицы фиалок. Они весело кивают вам на светящиеся двери гостиниц и равнодушно проходят мимо, получая отказ.

Здесь нет времен года: и зимой из Ниццы присылают в Париж пармские фиалки. Но самое раздолье цветов — Первого мая, когда город утопает в ландышах. Нет человека, у которого не виднелся бы в петлице белый колокольчик или букетик цветов в руках у женщин — эмблема призрачного счастья...

В этот день в буржуазном Париже — традиционная свобода торговли ландышами. И к полудню пьяные торговцы цветами уже валяются под скамейками и просто на тротуарах...

Первомай празднуют в городе все рабочие. До победы Народного фронта французское правительство запрещало демонстрации, но каждый год длинная процессия с красными знаменами, с портретами Маркса и Ленина проходит по короткому отрезку города от площади Бастилии к Национальной площади.

Это к ним, к французскому народу, к парижским рабочим обращался Маяковский, прощаясь с городом в 1925 году:

*Мы с вами,
французские блузники...
На всех баррикадах
мы ваши союзники,
рабочий Крезо,
и рабочий Рено...*

Это не имена рабочих. Рено — фамилия автомобильного короля в Париже, а Крезо — городок во Франции, где находятся заводы пушечного магната Шнейдера.

Автомобильным королем был и Андрей Цитрон, русский одесит, фамилию которого французы переделали по-своему на Андре Ситроен. Ситроен для рекламы своих автомобилей употребил ни больше ни меньше как Эйфелеву башню!

Незадолго до Второй мировой войны башня расцвела лампочками, точно громадная новогодняя елка. Световые буквы бегали от ее вершины до самого низа, превращаясь в слова:

«СИТРОЕН — МОДЕЛЬ 6!»

Кончил русский фабрикант плохо: проиграл все деньги в рулетку в Монте-Карло и застрелился.

Но долго еще после его смерти светила и мигала огромными буквами пылающая реклама покойника на башне...

Эйфелевой башне перевалило за семьдесят лет. Это детище инженера А.Г. Эйфеля, созданное им для Всемирной выставки 1889 года. Когда подъезжаешь к Парижу, то издалека в голубом небе виднеется ее просвечивающее, ажурное тело, точно гигантский гвоздь, воткнутый в центр города. Это первая достопримечательность, которую видит человек, еще не ступив на парижскую мостовую. С верхней площадки башни, как с птичьего полета, обозревается бесконечный город и лиловая дымка окрестностей... В ненастные дни облака цепляются за ее вершину и медленно стекают вниз, закрывая башню почти до половины.

Парижане гордятся своей башней, но поднимаются на нее только иностранцы. На второй площадке для них открыт ресторан и почтовое отделение, продающее открытки с маркой баш-

ни Эйфеля. Туристам предлагают бинокли и подзорные трубы, но и без них ясно сверкают мосты на Сене, белые здания нового театра Шайо на холме, бывшего Трокадеро, и крылья нового музея современной живописи.

Далеко на севере точно витает в облаках сахарная церковь Сакре-Кёр — Святого Сердца, венчающая холм Монмартра. С башни отчетливо видно, как по проспектам, улицам и переулкам, точно по артериям, венам и капиллярам гигантского тела, бегут черные шарики бесчисленных пешеходов...

Маяковскому очень понравилась башня. По свидетельству Льва Кассиля, он говорил о ней:

— Крепко шарахнули в небо!

Маяковский купил в Париже автомобиль. Ему очень хотелось бы забрать с собой и Эйфелеву башню, и он приглашает ее:

*Идёмте!
К нам!
К нам, в СССР!
Идёмте к нам —
я
вам достану визу!*

Незадолго до приезда Маяковского в Париж, осенью 1922 года, начал хиреть знаменитый Монмартр, «Олимп» международных «богов» искусства.

Монт-Мартр значит «гора мучений». По преданию во время римского владычества над Галлией, теперешней Францией, на этой горе производились первые казни христиан.

Но по-настоящему Монмартр можно назвать горой мучений из-за гибели парижских коммунаров в 1871 году. Победившей реакцией было расстреляно и убито в боях свыше ста тысяч человек, в том числе женщин и детей, принимавших участие в завоевании первой диктатуры пролетариата в истории.

Парижская коммуна явилась прообразом советской республики.

Кладбище Пер-Лашез оказалось местом последних боев революционеров с версальцами, и Стена коммунаров, у которой

казнили честнейших людей страны, превращена французским народом в памятник героям Коммуны.

Владимир Ильич Ленин в бытность свою в Париже поклонился этим камням.

Вспоминая свое посещение Стены коммунаров, Маяковский в 1928 году ко Дню Парижской Коммуны написал полные гнева стихи:

Погибла Коммуна.
Легла,
одной не сумев,
громадой
бушуя,
полков дисциплиной
выкрепить гнев —
разбить
дворян и буржуев.
И вот
выползает
дворянство-лиса,
пошло,
осмотревшись,
праздновать.
И сам
Галифе
Припустился плясать
на клочьях
знамени красного...
Но мы
себя
провести не дадим.
Верны
большевистскому знамени.
Мы
помним
версальских
выстрелов дым

и кровью

залитые камни.

Вместе с подлинными служителями муз на Монмартр тянулись любопытные туристы и эстетствующие богачи... И вскоре опошленную «Гору Мучений» стали покидать настоящие художники, скульпторы, поэты и писатели, композиторы и музыканты, из всех стран приезжавшие в город-светоч.

Богема начала переселяться на противоположный конец города, на тихий Монпарнас.

Название этого отдаленного от центра квартала «Гора Парнас» — обиталище муз и Аполлона, очень подходило международной богеме.

Загаженный Монмартр, царство кабаков, ночных притонов и баров, излюбленный американцами, утратил свое обаяние, поэзию, превратившись в гигантский международный вертеп.

Днем большинство этих веселых учреждений закрыто, зато ночью здесь светло, как днем, и всю ночь ходят пьяные американцы из бара в бар, из кабака в кабак.

Всю ночь работают магазины, кафе, булочные. В три часа утра загулявший американец покупает своей эфемерной спутнице сумочку, чулки, туфли...

На Монпарнасе тоже пооткрывались кабаки и бары, но это исключительно для иностранцев. Истинная богема в них не бывает. Они встречаются в стареньких скромных ресторанчиках и кафе, где знакомятся с натурщицами, с перекупщиками картин.

Излюбленными местами встреч стали маленькие кафе «Ротонда» и «Дом», куда ходили и художники, и поэты:

И каждый встречал

Другого надменной улыбкой... (А. Блок)

В этих кафе бывал и Маяковский. В «Парижских стихах» он упоминает Ротонду:

Париж в анилине,

Вставал за окном «Ротонды».

Останавливался Маяковский в гостинице «Истрия» на маленькой улочке Кампань-Премьер, в двух шагах от этого кафе. Там он писал:

*Я стучаюсь
о стол,
о шкафа острия —
четыре метра ежедневно мерь.
Мне тесно здесь
в отеле Istria —
на коротышке
rue Campagne-Premiere.
Мне жмет.
Парижская жизнь не про нас —
в бульвары
тоску рассыпай.
Направо от нас —
Boulevard Montparnasse,
налево —
Boulevard Raspail.*

Это писал Маяковский в 1924 году, когда он во второй раз приехал в Париж.

В 1926 году я жил в гостинице «Истрия» в том же номере, который два года тому назад занимал великий поэт.

Часть комнат в этой гостинице была расположена вдоль балкона, огибающего внутренний дворик, так что застекленные двери комнат, выходившие на этот балкон, служили в то же время и окнами. Там было всегда сумеречно от скудного света. Хотя и маленькая, гостиница была чистенькой и уютной.

Жила в этой гостинице и москвичка, молодая писательница — Эльза Триоле, вышедшая замуж за Арагона и ставшая французской писательницей. Но тогда она писала по-русски, и я помню только что в то время вышедшую ее повесть «Земляничка» ...

Проездом в Америку в 1935 году остановились в этой гостинице и писатели Илья Ильф с Евгением Петровым.

Цикл стихов Маяковского о Париже был напечатан в газете «Парижский вестник» в июне 1925 года, когда поэт, перед путешествием в Америку, снова месяц прожил в Париже.

Газета «Парижский вестник» просуществовала недолго, но через пятнадцать лет, когда город был занят немцами, появилась опять, на этот раз как «печальной памяти немецкий подхалим»...

В газете стали печататься Зинаида Гиппиус и злобствующий супруг ее — когда-то знаменитый Дмитрий Мережковский, который в своих статьях «благословлял немцев за их святую миссию в России».

В каждом номере «Парижского вестника» непременно был фельетон небезызвестного в свое время драматурга Ильи Сургучёва, автора «Осенних скрипок», шедших до революции в Московском художественном театре и в провинции. Больше всего радовался Сургучёв, что он «скоро поедет на Оку есть раков»! Но вышло как раз наоборот: сенские раки сожрали труп Сургучева!

В Париже издавалось много газет и журналов на русском языке.

Я редактировал сатирический журнал «Ухват», в котором принимали участие Алексей Ремизов, Саша Чёрный, Василий Шухаев, другие русские писатели и художники, жившие тогда в Париже. Пришел в редакцию и молодой, никому не известный художник, приехавший из Польши, Фёдор Рожанковский. Как две капли воды похож он был на Пабло Пикассо! Перед Второй мировой войной Рожанковский уехал в Америку, где стал знаменитым художником-иллюстратором детских книг.

Русские парижские издательства печатали советских авторов, на обложках книг было помечено — «Париж-Москва».

В детском журнале «Зелёная палочка» участвовал Алексей Толстой, печатавший там «Детство Никиты».

Жил А.Н. Толстой в Севре, пригороде Парижа, где была знаменитая фабрика — Севрская фарфоровая мануфактура. Толстой описал этот городок в романе «Черное золото (Эмигранты)».

Илья Эренбург с неизменной трубкой в зубах и в берете на лохматой голове величаво сидел на веранде Ротонды или Клозе-ри де Лиля.

Тонный и элегантный Иван Бунин медленно проходил между столиками кафе, сопровождаемый очередной поклонницей. Он никогда не расставался со своей тростью, серыми замшевыми перчатками и девушкой.

Художник И.Я. Билибин, вскоре вернувшийся в Советский Союз, жил на бульваре Пастер, неподалеку от Монпарнаса, и часто по утрам заходил в «Ротонду» выпить чашку черного кофе с ромом.

Вечерами здесь можно было встретить художника Бориса Григорьева, жившего около Трокадеро.

Неразлучные Василий Шухаев и Александр Яковлев не изменили Монмартру, оставшись там в своих великолепных мастерских. Художники Юрий Анненков, Михаил Ларинов и его жена Наталия Гончарова, старинные друзья Маяковского, предпочитали аристократический квартал Сен-Жермен и собирались в знаменитом кафе «У двух обезьян».

Изредка заглядывал в кафе и постаревший, оборванный Константин Коровин, знаменитый художник, академик.

Никогда не приходил на Монпарнас А.И. Куприн, избегавший показываться русским эмигрантам, которых он не любил и не уважал.

Не бывал там и Фёдор Шаляпин, живший в особняке неподалеку от Булонского леса. Но сын его, Борис, талантливый и молодой в то время художник, был завсегдатаем «Ротонды». Фёдор Шаляпин был гордостью парижан. В Большой опере сезон по традиции открывался «Борисом Годуновым» с Шаляпиным в роли Бориса.

Балетмейстерами часто бывали в Большой опере русские танцовщики. Это шло с середины прошлого столетия, когда в Петербурге балетмейстером был марселец Мариус Петипа.

Русское искусство входило в жизнь, в быт не только парижан, но и всей Франции, всего мира.

Фильмы с участием Мозжухина, Лысенко, Чехова и Чеховой не сходили с парижских экранов. Но еще большим успехом пользовались советские фильмы, такие как «Броненосец Потёмкин».

Самым знаменитым стал балет Сергея Дягилева.

Первой в мире танцовщицей называли Анну Павлову. За ней следовала блестящая плеяда русских балерин и танцовщиков: Семёнова, Кшесинская, Преображенская, Трефилова, Егорова, Мясникова, Нижинский, Баланчин. Они в своих студиях готовили смену, выбирая из молодых учеников наиболее талантливых.

Так велика была слава русских танцовщиц, что американские и французские балерины придумывали себе русские псевдонимы!

Лучшие симфонические оркестры исполняли произведения русских композиторов, живших в то время во Франции. Музыка Прокофьева, Игоря Стравинского, Гречанинова, Рахманинова, Черепнина, Глазунова звучала со всех сцен и эстрад.

Не сходили со сцен парижских оперных театров и произведения наших классиков — «Борис Годунов», «Садко», «Евгений Онегин», «Русалка». «Царь Салтан» шел в декорациях Билибина, пела Кузнецова, а режиссером был Н.Н. Евреинов.

Парижане восторгались половецкими плясками в «Князе Игоре».

В двадцатых годах нашего столетия русское слово звучало в Париже не только из эмигрантских уст: в то время во Францию приезжало на гастроли много театров из Советского Союза. «Весь Париж» ходил на спектакли Московского Художественного академического театра в тесный подвал театра Мадлен на Больших бульварах — смотреть Анну Каренину в исполнении Аллы Тарасовой.

Помню мгновение, когда после первого представления вся труппа, взявшись за руки, начала медленно спускаться по мосткам со сцены в зрительный зал. Казалось, что сейчас все русские парижане бросятся в объятия советских гостей... Но порыв прошел, люди опустили обратно в свои кресла. Примирение не состоялось...

Люди плакали на представлениях театра «Габима», смеялись, глядя комедии в «Камерном театре», который снял помещение мюзик-холла «Аполло» на улице Клиши на Монмартре.

В маленьком театрике на Рю-де-ля-Пэ, на Монпарнасе, поражал парижан потрясающими постановками «Леса» Островского и гоголевского «Ревизора» Мейерхольд.

В старинном театре «Одеон» Лидия Сейфуллина присутствовала на премьере своей «Виринеи», привезенной труппой Вахтангова. Там же с огромным успехом шла «Принцесса Турандот» Карла Гоцци, переведенная на русский язык жившим в Париже Михаилом Осоргиным, в декорациях старой парижанки Наталии Гончаровой.

На маленькой площади, где высилось серое здание академического театра, в старинном кафе «Вольтер» первый раз читал свои стихи Маяковский. Далеко не все желающие могли попасть

в помещение и толкались перед открытыми окнами кафе, но и снаружи хорошо был слышен гремющий голос поэта.

Такие праздники бывали редко. Обыкновенно день и ночь в «Ротонде» или «Доме» толпились русские эмигранты и в припадке ностальгии, тоски по родине, пели, обращаясь лицом к «Дому», перефразированную арию Ленского из «Евгения Онегина»:

*В этом «Доме», как сны золотые,
Наши лучшие годы прошли...*

После Второй мировой войны большинство из них вернулось на Родину. «На чужбине, словно в домовине», то есть в гробу, говорит старинная русская поговорка...

* * *

Недалеко от Монпарнаса, на площади Данфер-Рошро, высится желтый Бельфортский лев, памятник, воздвигнутый во славу героическим защитникам крепости Бельфор во время франко-прусской войны 1871 года. Рядом со Львом находится вход в знаменитые парижские катакомбы. Сейчас они являются памятником августовского восстания 1944 года, когда парижский народ разоружил и взял в плен немцев, четыре года занимавших город!

В этих катакомбах с самого начала немецкой оккупации существовал штаб «сопротивленцев», резистантов, — подпольной французской армии, состоящей из рабочих, бежавших из плена солдат и парижан. И теперь еще показывают многочисленным посетителям блиндированные двери, ведущие в помещение штаба внутри катакомб, бывший склад оружия партизан, выходы на поверхность земли, откуда «резистанты» совершали нападения на немцев.

Необходимо отметить, что и само слово «резистанс» — сопротивление, изобрели русские: молодые ученые Вильде и Левицкий, антропологи, работавшие в Музее человека в новом здании Трокадеро. Вильде был начинающим писателем, подписывающимся Борис Дикой. Оба они были расстреляны немцами на холме Мон-Валерьян...

О «сопротивлении» и участии в нем русских я написал в рассказе «Резистанс».

Путешествие в гетто

Когда в Париж приехал Маяковский, я увидел его в «Ротонде»: он сидел один за столиком, зажав палку между колен.

Длинное лицо, большеротый, крупный. Голова бритая. Он всю ночь провел на террасе кафе, и глаза его казались огромными.

Становилось прохладно. Остывший кофе чернел перед ним в недопитой чашке. Несколько раз гарсон проходил мимо, смахивая крошки с соседних столиков. Уже потускнели бра на террасе и лампы внутри кафе. Там, покачиваясь на диванах, дремали всеночные обитатели. Уличные «курочки», сонно зевая, стирали краску с губ, собираясь расходиться по домам.

Маяковский вновь перечитал написанное:

*Париж,
фиолетовый,
весь в анилине...*

Огромные окна кафе блеснули голубым светом. Небо стало ярким: солнце поднялось за далеким Венсенским лесом.

Сжав губы, Маяковский крупными буквами вписал в книжку:

*Париж,
фиолетовый,
Париж в анилине,
вставал
за окном «Ротонды».*

Потянувшись, он оставил на столике две монетки и вышел на улицу. Я осторожно последовал за ним.

Утренний бульвар был пустынен. Проехали ранние мусорщики, и недавно политый асфальт дымился. Кое-где на тротуарах уже лежали лапчатые листья платанов. Он пересек бульвар Монпарнас и, не заходя в гостиницу, зашагал к Люксембургскому саду.

Нигде в Париже не чувствовалась так пылающая осень, как в этом саду. Клумбы, куртины, газоны были полны золотых, алых, коричневых, багровых цветов. Радуги от шипящих водяных струй вертящихся поливальщиков висели на пестрых ветках. Утреннее солнце пронизывало янтарь листьев и киноварь шелестящих верхушек. В закоулках сада спали бродяги, и горничные прогуливали комнатных собачонок. Пусто у бассейна. Забытый кораблик медленно тонул в рябоватой воде.

По бульвару Сен-Мишель Маяковский подошел к Сене. Опершись о палку, он смотрел на изумрудную реку и Нотр-Дам в сиреновом тумане. Розовые струи от мостовых быков быстрыми, злыми плесками прыгали на камни набережной.

Спустившись к воде, он вошел под мост. Несколько бездомных, потягиваясь и почесываясь, пили вино прямо из горлышка...

Я не спустился туда, дожидаясь, когда Маяковский подымет-ся обратно. Зеленый свет от воды отражался на ржавых стенах, и блестели внизу осколки стекла.

Задумчивый и сутулый Маяковский пошел к площади Сен-Мишель. В легком тумане фигура его казалась гигантской. Он свернул в древние улочки, где с остроконечных крыш свисали цеховые вывески — золоченые ключи, кинжалы оружейников, виноградные гроздья кабачков, жестяные петухи часовых мастеров. Здесь, на маленькой площади Сен-Северин, жил д'Артаньян и дрались по ночам на шпагах герои «Трех мушкетеров», а закутанные в плащ красавицы стучали молоточками с львиной головой в окованные медью двери. Каменные химеры смотрели на нас с карнизов узких домов.

Маяковский, задрав голову, пытался разобрать полустертую надпись на резном гербе ворот. Я догнал его и, остановившись сзади, негромко сказал:

*Как будто воют химеры
Собора Парижской богоматери!*

Он быстро обернулся и резко ответил:

— С незнакомыми не разговариваю!

— Так я же не разговариваю, Владимир Владимирович! Это из «Облака в штанах»!

Маяковский внимательно посмотрел на меня и чуть улыбнулся одними глазами.

— Кто вы такой? — громко спросил он.

— Я живу рядом с вами на Кампань-Премьер и видел вас у дождника Ларионова, — поспешно ответил я, боясь, что он уйдет, и сразу продолжил:

— Вы видели «Париж франтих и дур, Париж бульварных ротозеев». Я покажу вам тот Париж, который прячется от привозных буржуев!

— О! — сказал он. — Это не чирик! Что ж вы покажете?

— Я читал в «Красной Ниве»:

*Я борозжу Париж,
До жути одинок,
До жути ни лица,
До жути ни души...*

— Идемте, я покажу вам жуть Парижа!

Как тень отца Гамлета, я манил его рукой, сам едва видимый в сгустившемся тумане. Шел вперед, не оглядываясь, и слышно было, как за мной глухо постукивала палка по плитам тротуара. Мы двигались по острову и через мост Луи-Филиппа вышли к старинной церкви Сен-Жерве. Здесь начиналось еврейское гетто.

По тому удивлению, с которым Маяковский оглядывался вокруг, я убедился, что он никогда не забредал в этот квартал.

Грязнущие тряпки висели у входов в дома, колыхались на веревках, протянутых поперек переулков. Удушливый запах аммиака и кислоты долго тянулся за редкими прохожими. На маленьких окошках лавчонок были приклеены звезды «щита Давида», и сквозь стекла желтела маца и засохшие пряники с такой же звездой. Полуголые дети копошились на тротуарах у грязной воды, застывшей в обочинах. Черные фигуры стариков в котелках, изпод которых болтались пыльные пейсы, сгорбившихся, проходили мимо нас... На открытых низеньких дверях корчмы виднелись еврейские буквы. И было приписано по-русски: каждый третий рюмка — бесплатно! Повсюду на стенах висели надписи на еврейском, польском и русском языках. Сквозь распахнутые лачуги мы

видели живущих там людей. Они сидели на корточках у порогов — лохматы, опыты, гундосы. В прорехи и дыры лезло шершавое тело. Грязные груди тощими блинами свисали на впалые животы старух. У некоторых лица точно черепа — безносые и безгубые, изъеденные волчанкой.

В лавчонках старьевщиков рылись в тряпье красноглазые, трясущиеся покупатели. На вынесенных наружу столиках лежали кучки табака, добытые из подобранных на улице окурков.

Дырявые мячики, ржавые ножи без черенков, треснувшие чашки, половинки бюстгальтеров, кривые гвозди, покоробленные переплеты и разорванные книги, стеклянные пробки выброшенных флаконов, помятые будильники и запачканные картинки — зловонно выпирали из ящиков.

Как Вергилий в Аду, вел я русского Данте, не оборачиваясь и не произнося ни слова. На лице его остались одни бешеные глаза, глядящие вокруг.

Трехлетняя девочка в задранной юбке лежала на животе около канавы. Она вылавливала плывущие корочки и отправляла их в измазанный рот. Круглая афишная тумба загрозила меня от поэта. Яркие, кричащие плакаты призывали всех на новые ревю в «Мулен Руж» и «Фоли-Бержер». Обнаженные танцовщицы задирали ноги на афишах. Скалил зубы Морис Шевалье под своим соломенным канотье, и Мистангет, широко разинув рот, молча пела на эстраде. Весь подавшись вперед, резко остановился Маяковский и наотмашь, изо всей силы ударил палкой по загремевшей тумбе. Густая пыль повалила из-под слоя афиш, сгустился дым уличных жаровен с каштанами, дико замяукала прищемленная дверью кошка, и все исчезло в клубящихся облаках тумана...

...Я снова сидел за столиком «Ротонды», где полтора месяца тому назад увидел Маяковского. Французский сочельник, ревейон, царствовал на улицах. В празднично освещенных витринах ожили куклы, рыцари и драконы. За рычащими плюшевыми медведями ползли индейские и русские охотники. Ярко-желтые львы молча пережевывали чьи-то ноги в красных сапогах, кричали попугаи, и серые слоны без усталости кивали носатыми головами...

...Я сохранил в душе пожатие руки — привет прощальный гениального поэта... Нет, лучше — прощанье гениального поэта...

Умрут друзья, умрут его враги... Пройдет зима, настанет снова лето...

Стихи мне сегодня не удавались, несмотря на шестую рюмку рома... А в это время, прощаясь с Парижем, он медленно ехал в такси по Елисейским полям. Он держал записную книжку на коленях. Может быть, дым папиросы щипал глаза, но буквы расплывались в глазах от слез, и, шурясь, он торопливо заносил в книжку неровные строчки (лесенкой):

*Париж
Бежит,
Провожая меня
Во всей
Невозможной красоте
Подступай
к глазам,
разлуки жижя,
сердце
мне
сентиментальностью расквась!*

Вечер в Париже

— Это удивительно — чувство времени у животных! Сейчас она пойдет встречать жену!

Куприн задумчиво смотрел на Жаннету. Пушистая рыжая кошка потянулась и, спрыгнув с подоконника, на котором все время спокойно сидела, побежала к двери.

— В это время обычно приходит Лиза и приносит еду. И кошка никогда не ошибается! А у Булонского леса, — продолжал он, — каждое утро я встречал чью-то кошку: она, аккуратнo, в один и тот же час возвращалась к себе домой пить молоко...

Мы разговаривали на парижской квартире Александра Ивановича. Жил он у Булонского леса в первом этаже большого дома неподалеку от русской гимназии. Связывала нас общая любовь к животным, в особенности к кошкам.

— Да, — помолчав, прибавил Куприн, — вот уже десять лет, как мы в Париже. И не привык я... да никогда и не привыкну! Очень тяжело, а никому не скажешь...

Он хотел подняться со стула, но грузно опустился обратно.

— Считают меня своим, а сами они эмигранты! — сказал он. — Они чужды мне, а не большевики! — И он искоса посмотрел на меня. — Впрочем, я вас давно знаю. Небось, тоже поехали бы домой?

Куприну тогда было лет под шестьдесят. Но такая могучая натура! Он не выглядел стариком. Только глаза его, устремленные на собеседника, были всегда грустны.

Невысокого роста, коренастый, с желтоватой от никотина бородкой. В то время ему запретили курить и пить, но он, конечно, курил потихоньку от домашних. Он не любил прикуривать от спички или зажигалки, а всегда тянулся к горячей папиросе.

— Это — как обряд, как ритуал, — объяснил он, — передача огня посвященному. Сокурильщику...

Дома у Куприна не радовались, когда кто-нибудь приходил в гости; оберегали его от соблазнов.

Куприн волновался от одного запаха вина.

Иногда мы встречались в кабачке недалеко от его квартиры. Ему трудно было ходить. И руки уже начинали сильно дрожать. Писать из-за этого он почти не мог.

Кабачок, «бистро» по-парижски, помещался в доме рядом с русским масонским храмом, где находились ложи «Юпитер», «Северное сияние», «Золотое руно», принадлежащие «Великой Ложе Франции».

Мы сидели за круглым мраморным столиком. Куприн сжимал рукой стакан с белым вином. Ноздри его непроизвольно двигались. В кабачке пахло всеми напитками, впитавшимися в стены, в пол, пролитыми на цинковую стойку.

Куприн не пил, зная, что больше одного стакана ему здесь не дадут. Это было строго оговорено, и, несмотря на жадность, кабатчик никогда не изменял условию.

— Вот — масоны... — продолжал Куприн давно начатый разговор. — Сколько меня ни просили, никогда не пойду к ним! А наших писателей... — он замолчал, поглаживая стакан ладонью, — из наших, то есть здешних русских, не пошли в масоны ни Бунин, ни Ремизов, ни Шмелёв, ни Борис Зайцев... Кто же у них? Алданов, Осоргин... Политиканы! На что уж несчастен другой Борис... Борис Лазаревский, так и он предпочитает сидеть на Рю Аполлинер, чем с ним!

Вон упомянутая Куприным улица в центре Парижа, названная именем знаменитого французского поэта, была занята теми домами, куда можно было зайти, точно в кафе, и за стаканом вина или черного кофе хоть до утра молча глядеть на обнаженных женщин.

Говорил обычно Куприн. Я только слушал.

Чувствовалось, как тяжелы ему одиночество и внутренняя отчужденность от немилого, враждебного ему мира в Париже.

— Москва, родная! — вдруг сказал он. — На родине даже цветы пахнут иначе. На родине все лучше! Вдохнуть запах снега, услышать его скрип на морозе!

Он оживился и даже стакан отставил в сторону.

— Вы знаете, — и он хитро посмотрел на меня, — ведь Бунин очень хочет ехать домой, даже шаги какие-то предпринял. И очень беспокоится, боится, чтоб об этом не узнали!

— А вы, Александр Иванович?

Куприн нахмурился.

— Что ж я? У меня семья... Если узнают в редакции, что начал хлопотать... А вдруг откажут? Мне все равно не простят здешние зубры даже то, что я только собирался ехать!

Он потянулся ко мне с папиросой, но рука его так дрожала от волнения, что сразу не мог прикурить.

— Все бы бросил, постылое, чуждое, пошлое! Стоячее болото...

Несколько раз пытался выпить свое вино, но, боясь расплескать, ставил стакан обратно. Наконец взял руками и медленно выпил до дна. Потом с оживившимся взглядом пристально посмотрел мне в глаза и раздельно проговорил:

— А все-таки в Россию я уеду! Уеду в Советский Союз! Может быть, это будет не сегодня и не завтра, но это будет, будет!

Передо мной сидел, выпрямившись, помолодевший Куприн. Высоко подняв голову, он неторопливо говорил:

— Правда иногда сердце сжимается, как будто от страха, что вдруг не пустят, но я гоню это от себя. Это, мне кажется, просто трусость...

— Да, трусость, — повторил он, помолчав. — Боязнь, что не хватит сил снова хлопотать.

В кабачок в это время дня никто не заходил. Только один пьяный за стойкой тщетно ловил пальцами мокрую монету на цинке и, так и не поймав ее, кренясь на один бок, вышел на улицу.

Мы помолчали. Мне до слез было жаль Куприна. Я был глубоко убежден, что его в Советский Союз не только пустят, но и примут там с большим почетом. Это и произошло лет через семь после нашего разговора.

— Нет, хватит, хватит сил! — точно угадав мои мысли, воскликнул он. — Только мечта о том, что снова буду жить на Родине, в Москве, увижу советских, новых людей, новую жизнь... — слезы прятались в его глазах.

— Да, дорогой мой, только бы пустили, только бы успеть... уехать!

Черная худющая кошка вбежала в кабачок и прыгнула на колени Куприну. Перевернувшись на спинку, она ласково покусывала его отечные пальцы и громко мурлыкала.

— Ну, пора идти. Мими всегда приходит прощаться со мной.

Я проводил его до дома.

Сиреневые парижские сумерки спустились с крыш на улицу. Разом зажглись фонари и замигал свет в окошках. Вспомнились стихи Волошина:

*В серо-сиреновом вечере
Радостны сны мои нынче...*

Куприн сказал:

— Желтые огни какие! Точно на похоронах!

В незанавешенное купринское окно видно было, как Жаннета спинкой торопливо толкала дверь и, приотворив ее, выскочила навстречу и стала тереться о ноги хозяина.

Редкие снежинки теплой парижской зимы медленно кружились вокруг уличного фонаря и снизу казались черными. Одна снежинка села на ворсистый рукав моего пальто и тихо таяла, пока не превратилась в кристальную капельку, в которой отразились и фонарь, и Куприн с кошкой на руках, и лиловые крыши со своими курящимися трубами...

Последнее свидание

Рощин сошел на площади Трините и стал подниматься по крутой улице.

Сумеречный вечер кончился для Парижа, но не началась еще трудовая бессонная ночь. На тротуарах прохаживались «дежурные» девушки, армия их появлялась часам к двенадцати, когда вываливались из кабаре и мюзик-холлов похабные, распаленные толпы иностранцев. Ярче становились огненные вывески ресторанов и кабаков. По крышам домов метались пылающие буквы, и отсветы их пробегали по лицам прохожих.

В «Жар-Птице» было тесно от множества столиков, стоящих в зале. Американцы и шведы, японцы и англичане, индусы и португальцы любопытно рассматривали сиринов, гамаюнов, леших, русалок, колдунов и ведьм на помеле: стены и потолок в зале размазывал сам Билибин в русском сусальном-сказочном стиле.

Хозяевами «Жар-Птицы», артистами и музыкантами были русские эмигранты, но среди публики они встречались редко.

Пробираясь в узком проходе между столиками, Рощин издали увидел Бунина, сидевшего с Ниной Рябушинской и Дунаевым, и приветствовал их, потрясая сцепленными ладонями над головой.

— Кто это? — спросила соседка княгиня Ухтомская, сидевшая в директорской ложе.

— Да Рощин! Пишет в «Возрождении», а говорят про него — большевистский шпион!

— А этот рядом, к кому он подсел?

— Это Бунин, — удивился вопросу Вяземский.

— Так это и есть Бунин? Совсем не похож! — категорически заявила княгиня, рассматривая писателя сквозь лорнет. — Какой маленький! Вот так гигант русской литературы!

— Не русской, а эмигрантской, — поправил ее Вяземский.

— Ну, что вы! Он же академиком до революции был! — живо возразила она. — Я же отлично знаю.

— Во всяком случае, он не русский, а большевистский писатель!

— То-то же русский! А «нобелевку» получит Горький! Кстати — читали рассказ Бунина о жилетке Гоголя?

— Где? В «Возрождении»?

Ухтомская смутилась.

В разговор вмешался Друбецкой. Толстый и краснощекий, был похож он на мясника из модного немецкого фильма «Тихая улица».

Побагровев, Друбецкой взвизгнул:

— Большевик! Пишет сейчас в поганных жидомасонских «Новостях»!

На них зашикали. Рощин тревожно прислушивался к разговору в ложе, боясь, чтобы слова не донеслись до Бунина.

В пылу спора никто не заметил, как на эстраде появилась тоненькая девушка в подвенечном платье.

— Это Денисова, дочь того самого! — шепнул Бунину всезнающий Рощин. Маленький и злой, похожий на скопца, он был уже пьян.

Потупив взор, «невеста» на сцене протягивала палец для невидимого обручального кольца. Звучали колокола, и гудение их превращалось в пляс. Оркестр играл все быстрее, и жарче плясала белая девушка, и с каждым поворотом слетали с нее части одежды... Девушка вскинула руки. Последняя туника снежной пеленой легла у ее ног. Слегка наклонившись вперед, сдвинув колени и прижав руки к груди, стояла обнаженная невеста, а за ее спиной на фоне блистающего моря всходило багровое солнце.

— Да... красиво, — призналась Ухтомская, но Друбецкой возмущался:

— Кошунствует на потеху иностранцам!

— Венера из пены морской! — проворчал Рощин. Бунин только поморщился. Он сидел в своем обычном сером костюме, выпрямившись и не глядя на публику.

Сухое, надменное лицо его было непроницаемо.

— Очаровательно! — насмешливо сказал он. Нина покраснела, боясь взглянуть на сцену, куда с восхищением глядел Дунаев.

В зале на мгновение потемнело, и на месте девушки оказалась высокая, костлявая, немолодая женщина в сером бархатном платье, тяжелыми складками волочившемся по полу.

Маленькие серые глаза ее выжидательно смотрели на публику. Монгольские скулы порозовели.

Бунин отвернулся от сцены, он не любил Плевицкую.
К певице подошел парень, наряженный буколическим пастуш-
ком. Взмахнув балалайкой, он пронзительно запел:

*Эх, яблочко,
Куда котишься,
А в Париж попадешь —
Не воротишься!
Эх, яблочко,
Да ночь тёмная,
Куда мне идти —
Разве помню я!*

Последний раз взмахнув балалайкой, скромно сошел с под-
мостков, награжденный равнодушными хлопками.

Простуженный голос снова проскрежетал под потолком:

— Этуаль мондиаль Плевитская, шансон тсиган!

— Мировая звезда, цыганские песни, — улыбаясь, перевел Ро-
щин. Бунин слегка нахмурился, он и сам понял это.

На сцену быстро поднялся аккомпаниатор с гитарой.

Плевицкая склонила голову и, выпрямившись, запела:

*Очи чёрные, очи жгучие,
Очи страстные и прекрасные...*

Голос был низкий, грудной — сразу наполнивший зал. И все
в зале, покачивая головами, подхватили знакомый припев:

*Мы не можем жить без шампанского
И без пения, без цыганского!*

Маленькие глаза ее оказались огромными и сияли страстью:

Обними меня, поцелуй меня!

Бесшумные лакеи скользили между столиками, откупоривая
новые бутылки шампанского.

Плевицкая кончила петь. Звуки ее голоса еще висели в воздухе и, казалось, звеня серебряными каплями, падали в залу.

Последний раз поклонившись, певица, путаясь в шлейфе, спотыкаясь сошла в зал и села за столик Бунина.

Бунин встал и поцеловал у нее руку.

— Блестяще, дорогая Надежда Васильевна!

Она обняла и чмокнула в щеку Рощина:

— Спасибо тебе, милый, за Ремизова! Это обо мне написал он «Дёжкин карогод»¹! Ух, и хорошо же вышло! Прямо неловко мне!

В ложе Ухтомской негодовали:

— И эта, рязанская, туда же! Вот большевичка!

— Мужичка же! — откликнулся Друбецкой.

— Читали, что про нее Ремизов написал? Она же в детстве ко-ров пасла! Такой ужас! Потом была в белой армии, муж ее полковник², а вот с Буниным и с этим шпионом сидит!

К счастью, оркестр заиграл лезгинку, глуша разговор в ложе.

Зрители стали похлопывать в ладоши, приговаривая: тащ, тащ, таши-тащ, тащ, тащ!

— Селебр Ибрагим! — прокашлял голос. Остальных слов невозможно было разобрать в воплях топающих ногами поклонников.

Женский голос истерически крикнул:

— Ура!

— Вот она, «ам сляв», славянская душа, загадка для французов. Да они, «на славянские поглядывая бедра, о душе славянской говорят!» — мрачно сказал Рощин.

Бунин внезапно улыбнулся:

— А ведь хорошо! — произнес он, приподняв бровь.

Неожиданно смолкла музыка, утих гам в зале.

За эстрадой медленно зарозовела стенка, позолотились далекие снежные вершины гор. Осветлились окна сакли, послышался звук зурны.

¹ Здесь автор ошибается. А.М. Ремизов написал лишь предисловие к автобиографии Н.В. Плевицкой «Дёжкин карогод».

² Вместе со своим мужем генерал-майором Николаем Скоблиным Надежда Плевицкая принимала участие в похищении генерала Миллера, главы бело-гвардейского Обще-Воинского Союза в Париже. Плевицкая была арестована французской полицией и погибла в тюрьме.

Медленно вышли горцы в папах и остановились. Все быстрее был бубен, верещали флейты и хлопали в ладоши зрители.

Серым вихрем вылетел Ибрагим, волчком закружился по сцене, и газыри на его черкеске слились в мерцающее кольцо.

Два круга пролетел он и разом остановился — одна рука над головой, другая опущена.

И снова развернулся «джигит». В руках очутились кинжалы. Запрокинув голову, держал он третий кинжал в зубах. И, пританцовывая, сошел в зал. Обойдя все столики, Ибрагим вернулся на сцену. Он взмахнул руками, из широких рукавов вылетели сверкающие птицы, невиданной жаркой стайей закружившиеся в потемневшем зале. На позолоте стен, на хрустальных бокалах заискрились радужные блики от сверкающих сказочных птиц.

Это был главный номер Ибрагима: послушные голуби, покрытые светящимися красками.

Зал неистовствовал. Ибрагим чуть пригнул голову, поднял ладонь. И точно его не было: стили сакли с мертвыми окнами, погасли нарисованные вершины и облака на плоском фанерном щите...

Нина восторженно обернулась к Бунину, продолжая хлопать... Кричать она постеснялась.

— Не знаю... — задумчиво сказал он. — Какой-то звук в этом есть... ритм какой-то...

Трудно стало дышать в зале. Табачный дым толстым лохматым жгутом вползал в отдушину на потолке.

Рощин расплачивался с подбежавшим гарсоном. Монеты не держались в его вялых ладонях, и гарсон подбирал их под столиком.

Ухтомская подтолкнула соседа:

— Видишь, на Монпарнас поедут!

— А ты? — равнодушно спросил Вяземский.

— Ну уж нет! А «нобелевку» он не получит! Да и Горький тоже! — злорадно прибавила она.

— А кому же дадут? — всем корпусом повернулся к ней Друбецкой.

— Да уж кому, как не Мережковскому! Он же к самому папе римскому на поклон ездил!

Они посмеялись.

Бунин натягивал перчатки. Нина быстро подкрасила губы.

Рошин, нетвердо стоящий на ногах, мрачно посмотрел на Дунаева. Тот кивнул и оборотился к Бунину:

— Едемте, Иван Александрович, в «Ротонду»? Я подвезу.

Такси Дунаева темнело на стоянке. Подойдя к нему, он хлопнул дверцей и лихо подкатил к подъезду. Я сел рядом с ним, Бунин, Рябушевская и Рошин разместились позади.

Спустившись на бульвар, Дунаев поехал по шоссе д'Антен мимо Оперы к Сене, но на рю де Риволи свернули к саду Тюильри. Он подмигнул мне и тихо сказал:

— Покажу что-то Ивану Алексеевичу.

Черная громада Лувра была по-ночному мрачна. Около музея Жед-де-Пом водитель остановился и просительно обернулся к Бунину:

— Иван Алексеевич! Пройдемте с нами, я покажу вам удивительную вещь!

Бунин пожал плечами, и все вылезли из машины.

Пройдя по аллее до бассейна, Дунаев зачем-то свернул в сторону и повел нас прямо в кусты, растущие вокруг сада. Там он опустился на корточки и стал осторожно раздвигать колючие ветки густой ограды.

В чудесной рамке ядовито-зеленых листьев, в черной диадеме, сверкающей тысячами огней, внезапно открылась незнакомая бесконечная площадь. Как в бездонном озере, отражались в лощеном асфальте сияющие фонари гигантской бальной залы. Жутко было смотреть на эту безмолвную пустыню! Только по краям ее носились разноцветные огоньки далеких автомобилей, точно эльфы, танцующие под сурдинку клаксонов...

— Это же Конкорд! — изумленно воскликнула девушка. — Как в сказке! Вот красотища!

— Поразительно! — сказал Бунин. — Сколько лет живу в Париже и не подозревал о такой красоте!

Дунаев самодовольно усмехнулся.

— Вас оштрафуют, — вспомнил Бунин про оставленное не на месте такси.

— Пустяки! Здесь фликов не бывает! — беспечно откликнулся Дунаев, и все пошли обратно.

Обогнув Лувр, такси по набережной свернуло на мост Карусель.

Ни одной звезды не виделось на открытом со всех сторон небе. Шорохи, лязги, шип воды доносился снизу, и огненные зигзаги крутились в дегтярных водоворотах у мостовых быков.

По улице Святых Отцов машина выехала на Сен-Жермен и свернула в темноватый бульвар Распай.

Рыжая пелена облаков, освещенная яростным заревом, показывала путь на Монпарнас. Свистя по асфальту, проносились автомобили, и далеко было слышно шарканье немногих прохожих...

В окружении обычных поклонниц скучал Бунин в «Ротонде». Его уже тянуло домой, в Грасс, в обжитый и уютный дом.

— Удивительная вещь — «Жизнь Арсеньева»! Вас только с Паустовским можно сравнить! — горячо сказал Дунаев, продолжая начатый разговор о советской литературе.

Бунин задумался, потом нехотя проговорил:

— Много я прощаю Советскому Союзу за то, что у них существуют такие писатели, как Паустовский!

Рядом сидели молодые французские журналисты. Один из них протянул свой бокал к Бунину и что-то сказал.

— Что он говорит? — спросил Бунин у Рощина.

— Счастлив видеть большого русского писателя, пью его здоровье!

— А! — ответил Бунин, приподняв свой бокал. — А ля вотр! /за ваше — прим. автора/

Потом он обратился к Рощину:

— Он сказал еще «серкей»! Серкей — ведь это гроб! Серкей! Какое слово противное! Нет, не хочу гроб!

— Он сказал — слава после гроба, после смерти, то есть!

Бунин медленно поднялся и пошел к выходу. Вертящаяся стеклянная дверь по очереди просверкала за всеми...

Прошло много лет. Я изредка встречал получившего Нобелевскую премию писателя. Потом началась война, надолго он уехал в свой Грасс...

Определились позиции. Эмиграция окончательно разбилась на два лагеря. В нашем, советском лагере оказался Иван Алексеевич Бунин, всегда втайне тосковавший по родине...

Париж забывал войну и залечивал свои раны.

После Октябрьского праздника был я на утреннике для русских детей. Обрато пошел пешком по остуженному, бесснежному городу. Проходя Пасси, где жил Бунин, как он, «хоть одним глазком» хотел посмотреть парад на Красной площади...

Пошел дождь.

Как-то, давным-давно, сидели мы на веранде «Ротонды». Вдруг хлынул тропический ливень. Такие ливни иногда обрушиваются на Париж. Мгновенно вздулись кипящие реки по обочинам тротуаров. В это время солнце прорвало тучи и блеснуло на лакированной мостовой. Дождь стал падать отвесно.

Бунин сонно глядел на прыгающие по тротуару капли.

— Точно стеклянные гвоздики... — пробормотал он.

Дом Буниных стоял на месте. Здание рядом было сильно повреждено бомбой.

Я решил зайти, узнать: поправился ли он после длительной болезни?

Поднялся на площадку его квартиры. Почему-то дверь была открыта настежь. Вошел в переднюю. В комнатах ни души. Знакомая мебель стояла на местах, значит, он не переехал на новую квартиру. Я прошел в спальню.

На кровати в своем сером костюме спал Бунин. Он казался совсем маленьким, так исхудал во время болезни. Глаза в коричневых кругах глубоко провалились, и сильно выдавался заострившийся нос.

На столике у изголовья потрескивала желтая свечечка, и тонкий шнур копотил вился над невидимым пламенем.

Осенняя муха сонно кружилась над головой спящего. Я неслышно попятился, чтобы не тревожить больного, и хотел уйти. Жирная муха медленно опустилась на лицо, он не пошевелился. Я хотел согнать ее, но она, скользя в ноздрю, исчезла. Только тогда я догадался и выскочил на площадку.

Навстречу поднимались черные люди. Они боком несли открытый и пустой гроб...

Здесь жил великий Ленин

В Московском государственном музее изобразительных искусств висит картина французского художника Камиля Писса-ро «Бульвар Монмартр» конца XIX века...

Масса фиакров, толпы народа на тротуарах. Пестрые и полосатые маркизы, полотняные навесы над бесчисленными кафе и магазинами. Бесконечными рядами тянутся магазины по обе стороны улицы. Характерный для Парижа лес дымоходов над кирпичными и аспидными крышами домов и присущая Парижу серо-сиреневая дымка далей.

Кривые улочки и каменные лестницы с выщербленными тысячелетиями ступенями ведут отсюда на Монмартр, который привлекает в Париж миллионы туристов со всего света.

Таким Париж предстал перед Владимиром Ильичом Лениным, когда он впервые приехал сюда в 1895 году. «Париж — город очень неудобный для жизни при скромных средствах и очень утомительный, — писал Владимир Ильич своей матери, — но побывать ненадолго, навестить, прокатиться — нет лучше и веселее города. Встряхнулся хорошо».

Ленин поселился подле Орлеанских ворот, на городской окраине, где высились старинные крепостные сплошь заросшие чертополохом полуразрушенные стены, окружающие Париж.

Поблизости от квартиры Ленина находился расположенный на холмах парк Монсури с большим прудом в низменной части. Сюда по утрам приходил Владимир Ильич в те дни, когда он не ездил в национальную библиотеку. Вот что писала Надежда Константиновна Крупская о жизни в Париже в своих «Воспоминаниях о Ленине»: «Квартира была нанята на краю города, около самого городского вала, на одной из прилегающих к авеню д'Орлеан улиц, на улице Бонье, неподалеку от парка Монсури. Квартира была большая, светлая и даже с зеркалами над каминами — что было особенностью новых домов. Была там комната для моей матери, для Марии Ильиничны, которая приехала в это время в Париж, наша комната с Владимиром Ильичом и приемная. Но эта до-

вольно шикарная квартира весьма мало соответствовала нашему жизненному укладу и нашей привезенной из Женевы «мебели». Надо было видеть, с каким презрением глядела консьержка на наши белые столы, простые стулья и табуретки.

В нашей приемной стояла лишь пара стульев да маленький столик, было неуютно до крайности».

За прошедшие годы многое изменилось в том квартале! Город далеко продвинулся вперед, и «край» его переместился на целый километр к югу. Улица Бонье сохранилась, сохранился и обветшалый дом, где жили Ленин и Крупская, но не найдете на нем вы мемориальной доски! Но если за эти годы изменился внешний облик города, то бюрократизм и волокита, на которые жалуется Н.К. Крупская в своих воспоминаниях, остались такими же.

«На мою долю, — пишет Надежда Константиновна, — сразу выпало много хозяйственной возни. В Женеве все хозяйственные дела улаживались гораздо проще, а тут пошла какая-то канитель: газ надо было открывать, так пришлось три раза ходить куда-то в центр, чтобы добиться соответствующей бумажки. Бюрократизм во Франции чудовищный. Чтобы получить книжки в коммунальной библиотеке, надо было поручительство хозяина, а он — ввиду нашей убогой обстановки — не решался за нас поручиться...»

Это очень характерная черта для французской буржуазии: презрение к людям, не имеющим «роскошной обстановки», и боязнь потерять хоть один франк.

«Заниматься в Париже было очень неудобно, — продолжает Надежда Константиновна. — Национальная библиотека была далеко. Ездил туда Владимир Ильич обычно на велосипеде, но езда по такому городу, как Париж, не то что езда по окрестностям Женевы, — требует большого напряжения. Ильич очень устал от этой езды. На обеденный перерыв библиотека закрывалась. С выпиской нужных книг была также большая бюрократическая канитель.

Ильич на чем свет стоит ругал Национальную библиотеку, а попутно и Париж. Написала я письмо французскому профессору, который преподавал летом на Женских курсах французского языка, прося указать другие хорошие библиотеки. Моментально получила ответ, где были все нужные справки. Ильич обошел все

указанные библиотеки, но нигде не приспособился. В конце концов, у него украли велосипед...»

Метро открылось в Париже в 1900 году. Но до Орлеанских ворот, где жили Ленин и Крупская, в то время подземка еще не доходила, и ближайшая станция метро была на Монпарнасском вокзале, очень далеко от квартиры Ульяновых. Ездить Владимиру Ильичу приходилось по авеню д'Орлеан, через бульвар Сен-Мишель, через сенские мосты, мимо музея Лувра до улицы Ришелье, где высилось громадное серое здание Национальной библиотеки. Движение в этой части города всегда очень большое, и езда на велосипеде была далеко не безопасна.

Это вспоминает и Надежда Константиновна:

«С ездой на велосипеде в Париже и под Парижем нужна была большая осторожность. Раз Ильич по дороге в Жювизи попал под автомобиль, едва успел отскочить, а велосипед был совершенно изломан».

«Осенью /1908 года — Д.К./, — пишет Н.К. Крупская, — мы переменили квартиру, поселись в тех же краях, на глухой улочке Мари-Роз, — две комнаты и кухня, окна выходили в какой-то сад. «Приемной» нашей теперь была кухня, где и велись все задушевные разговоры...»

Сейчас улица Мири-Роз застроена большими домами, находится она между улицами Сарет и Алезия, ведущими к Итальянской площади. Поныне сохранился дом, где жили В.И. Ленин и Н.К. Крупская с 1908 по 1912 год. Только сад за домом, о котором упоминает Надежда Константиновна, давно вырублен. Срыты и городские валы, на их месте высятся многоэтажные дома.

До самого последнего времени ничем не отличался маленький скромный дом от десятка таких же домов на этой коротенькой улице, и только в 1945 году по инициативе ЦК Французской коммунистической партии была укреплена мемориальная доска на фасаде этого исторического здания.

«В Париже жилось очень толкотливо, — вспоминает Надежда Константиновна. — В те дни в Париж стягивалась отовсюду эмигрантская публика. Ильич мало сидел дома в этот год. До поздней ночи просиживала наша публика в кафе».

Одно из кафе, где бывал В.И. Ленин, находится неподалеку от площади Данфер-Рошро. Отсюда начинается авеню д'Орлеан,

переименованная сейчас в авеню Леклерк, по имени генерала Леклерка, который первым вошел в освобожденный народом Париж.

...Обыкновенное парижское кафе с цинковой стойкой, столиками на тротуаре перед витриной и темноватым помещением в глубине кафе. Во времена Ленина кафе освещалось газом. Сейчас там ярко горят электрические люстры, и можно хорошо разглядеть шахматные столики, за одним из которых играл великий Ленин.

В парижских рабочих пригородах, «красной зоне», как с ненавистью называют их французские буржуи, многие улицы носят имя В.И. Ленина. В одном из таких пригородов, Вильжюифе, жил Морис Торез. Еще дальше по дороге на юг, в пятнадцати километрах от Парижа, находится деревня Лонжюмо, где была партийная школа, устроенная В.И. Лениным. О ней писала Н.К. Крупская:

«Весной 1911 года наконец удалось устроить под Парижем свою партийную школу. Школу решили организовать в деревне Лонжюмо, в 15 километрах от Парижа, в местности, где не жило никаких русских, никаких дачников.

Лонжюмо представляет собой длинную деревню, растянувшуюся вдоль шоссе, по которому каждую ночь непрерывно ехали возы с продуктами, предназначенными для насыщения «брюха» Парижа. В Лонжюмо был небольшой кожевенный заводик, а кругом тянулись поля и сады».

Одним из учеников этой школы был москвич Присягин, кожевник по профессии. О нем Надежда Константиновна говорила: «Был он незаурядным рабочим, в России уже перед тем редактировал нелегальную газету «Посадчик», хорошо писал...»

Во время гражданской войны Присягин был расстрелян Колчаком как председатель губпрофсовета в Барнауле.

Старинная деревушка, состоявшая из одной-единственной улицы, почти не изменилась со времен Средневековья. Каждый дом — маленькая крепость. Глухие глинобитные стены, в них огромные арочные ворота — возы со стогами сена могут свободно проехать сквозь них. Окон на улицу нет. Дворы вымощены булыжником. В глубине — конюшни и коровники. Некоторые дома еще сто лет тому назад служили гостиницами, где останавливались парижские и лионские дилижансы, сменяя здесь лошадей.

С большим трудом мне удалось разыскать место, где, по рассказам старых французов, могла быть ленинская партийная школа.

Я остановился перед серо-коричневым приземистым зданием. За глухой стеной была тишина. Заглянул в раскрытые полукруглые ворота. Такой же мощный двор, сараи. Посередине двора старик бросал вилами навоз в телегу. Опершись о вилы, он посмотрел на меня, покуда я пересекал двор. Поздоровавшись, я спросил: можно ли видеть хозяина? Старик кивнул головой и ткнул себя пальцем в грудь. Деревянные сабо его были вымазаны навозом, синий передник तोпорщился от грязи. Я спросил, не помнит ли он, была ли здесь много лет тому назад русская школа? Старик пожевал губами, и я увидел, как втянулись губы в беззубый рот, образовав морщинистую воронку.

Вытерев руку о штаны, он протянул ее мне и улыбнулся.

— Помню ли я русскую школу? Я был тогда молодым батраком. Да, я работал тогда здесь.

Странно и радостно было мне пожимать руку, которую жал когда-то Ленин!

Хозяин повел меня в глубь двора. Сабо громко стучали по булыжникам.

— Потом я женился на дочери хозяина. Скоро он умер, и я стал хозяином. Во время этой войны умерла жена. А сын... — он замолчал и, не глядя на меня, прошел в низкую и длинную комнату, окна которой выходили во двор. Очевидно, это был склад сельских орудий: повсюду валялись лопаты, кирки, вилы.

Старик просто сказал:

— Вот здесь был Ленин!

Мы молча постояли в захлавленной комнате. Ничего не напоминало тут о великом прошлом.

Я не мог говорить от волнения, и только когда мы вышли во двор, спросил, видел ли он Ленина, разговаривал ли с ним?

— Нет, — сказал он, — Ленина я не видел, я был тогда в армии... А сын мой, ему было тогда три года... Он все помнил и рассказывал, что с ним играл Ленин... А я не видел Ленина...

Старик замолчал и вдруг, повернувшись ко мне, быстро добавил:

— Он стал партизаном, мой сын... Вот здесь, на моих глазах, немцы убили его... в 1943 году...

Он стремительно повернулся и пошел прочь.

Резистанс

Необычайно жарким был конец июля 1944 года. Парижские ребята полоскались в уличных бассейнах, в парковых фонтанах, но большинство людей шло на берега изумрудной Сены.

Все парижские набережные превратились в сплошной пляж. Немцы на пляж не ходили, не стало их и на улицах. Американцы высадились в Нормандии, и немецкий гарнизон сражался на побережье. Это давно уже знало все население города: днем явно слышен доносился гул орудий, а по ночам на севере вспыхивали пушечные зарницы.

Вечером Водовозов сидел в кафе на бульваре Шапель.

Сквозь грязные витрины сверкал раскаленный тротуар. В его трещинах и по обочинам росла трава. Пробитые пулями стекла витрины были заделаны круглыми фанерными щитками. Изредка за стеклами мелькали фигуры велосипедистов — парней в шортах и девушек в развевающихся коротких юбках.

Точно в назначенное время появился веселый Мирза.

— Пастис пьешь? Дрянь! Хотя в наше время и это хорошо! Здесь дают водку... иногда. Патрон! — крикнул он зевающему за стойкой хозяину.

— Значит, решено? — обратился Мирза к художнику. — Ты переходишь работать к нам. Сейчас и пойдем. Поговорим по дороге.

Они расплатились и вышли. Метро давно не ходило. В туннелях прятались сопротивленцы, «резистанты» по-французски, и немцы опасались соваться в подземные лабиринты.

— Много их там, — говорил Мирза, — да и у нас на железной дороге хорошие ребята, сплошь коммунисты, и все в Сопротивлении, конечно!

Они быстро подымались по улице Шапель к городским воротам. Ни один человек не встретился им до самого конца пути.

— Сюда немцы боятся заходить, — объяснил Мирза, а французы готовятся... да готовятся... скоро уже! Ты сегодня ночью уже увидишь нашу работу.

Где-то вдалеке раздался выстрел. Друзья остановились.

— Какого-нибудь немца подстрелили! Но теперь живо в переулок, а здесь два шага до нашей дороги.

Они перемахнули через невысокий штакетник, перешли рельсы и вышли на противоположную сторону «полосы отчуждения».

— Вот мы и дома! Ты ведь еще не ел, зайдем в нашу кантину.

Закопченные дома грязными, облупленными стенами высоко вздымались над железнодорожными путями. По заржавелой лесенке пошли Мирза с Водовозовым в громадный зал, уставленный маленькими столиками. Много народа уже ужинало, но свободное место быстро отыскалось. Корзиночка с нарезанным хлебом и две поллитровки с красным вином стояли на столике. По залу быстро сновали гарсоны и мамзели с подносами. Бесцеремонно схватив одну из них за юбку, Мирза снял с подноса две тарелочки с закусками, суп и два бифштекса с жареной картошкой. Девушка только, сердясь, вильнула бедрами и помчалась дальше.

— Что за работа будет у меня? — спросил Водовозов, допивая вино. Только после ужина он почувствовал, как был голоден.

— Ты не бойся, я тебе все сам покажу и объясню. Устроил тебя сцепщиком вагонов. Правда, работа трудная и опасная, но не для этого же ты будешь с нами... — Мирза осторожно огляделся. — Впрочем, здесь все свои. Ну, пошли.

Они вышли на широкий двор, заваленный кусками прогнивших шпал, ржавыми рельсами, погнутыми буферами. В низеньком, мрачноватом бараке их встретил бригадир.

— Спать будешь рядом со мной, вот твоя койка, устраивайся, через час начинается наша смена.

Работа была трудной и опасной, в особенности по ночам. Как бешеные мчались теплушки по скудно освещенным рельсам.

— Ты должен их тормозить, лазить под вагоны, сцеплять и расцеплять их.

— Как же их сцеплять? — возмутился Водовозов. — Когда они так летят?!

— А для этого существуют «сабо», башмаки. Вот эти стальные полосы, которые ты будешь подкладывать на рельсы. Вагон начинает скользить по ним и останавливается.

Мирза показал, как накладывают крючки на сцепления, как кладут «башмак» — колодку. Рассказал, как сортировщик своим

паровозом толкает вагоны, направляя их на нужный путь. Не-обходимо было точно и моментально рассчитывать расстояние бегущего вагона до состава, тогда теплушка мягко стукалась о буфера последнего вагона, а рабочий, подлезая под него, сцеплял поезд.

Неосторожное движение грозило смертью: никто не мог ни остановить вагон, ни предупредить об опасности — и зазевавшегося человека перерезало пополам!

Они проработали вместе до перерыва. В час ночи пришел бригадир и, шутя подняв руку к берету, сказал:

— Пить будем, командир!

— Вот и хорошо! — обрадовался Мирза. — Как нарочно для первой ночи твоей работы!

— Что пить-то? — удивился Водовозов.

— Выбор будет большой, шампанское любишь?

Водовозов только плечами пожал, шутка показалась ему неуместной.

Они потеряли руки песком со шпал, пытаясь соскоблить налипшую смазку и деготь, приставший от вагонов, и поползли под стоявшим поездом за бригадиром. На соседних путях грохотали вагоны, лязгали буфера, визжали стальные колодки.

Обдав их ветром, пролетела теплушка и, взыв тормозом, неожиданно повалилась на соседний путь. И рассыпалась на куски.

— Ну вот! — испуганно вскрикнул Водовозов. — А если бы на нас!

Мирза засмеялся:

— После объясню тебе. Чувешь запах?

Остро пахло коньяком, шампанским, ромом. Прибежавшие французы собирали разбросанные повсюду ящики, выбирая из них уцелевшие бутылки.

Водовозов с Мирзой подошли к сторожке и легли на траву.

— Устал? — спросил Мирза.

— Да, чертова работа! А часто бывают эти катастрофы с вагонами?

— Видишь ли, это и есть наша «работа» здесь! Вагоны-то предназначены для Германии! Это немцы вывозят все из Франции,

а сейчас особенно торопятся, чувят, что последние денечки пришли!

— Как же это делается? — спросил Водовозов. Он сам был связным у подполья, но о действиях железнодорожников ничего не знал.

— Очень просто, — объяснил Мирза, — когда на рельс кладется эта стальная колодка, которая скользит вместе с вагоном и постепенно замедляет его бег, то вагон спокойно останавливается. Но если подложить под колодку кусочек стекла, то под нажимом колес стекло раздавливается и приваривается к рельсу. Бешено мчащийся вагон натывается на сопротивление и моментально переворачивается! Это иногда случалось и раньше, а теперь, при немцах, мы возвели это в систему!

— Ну а немцы?

— Что ж немцы?! По большей части они не узнают об этом, накладная в порядке, вагон отправлен, а дальше нас не касается... Он и в пути мог пропасть! Просто, не правда ли?

Водовозов почувствовал, как Мирза улыбается в темноте.

— Да, остроумно, — согласился Водовозов.

Рядом горел костер. Пахло печеной картошкой. Бригадир молча поставил около друзей несколько бутылок. При свете костра Водовозов увидел серебряные горлышки. Мирза встал и протянул Водовозову ржавую банку от консервов.

— Шампанское хорошее, а бокалы наши... вот брат, не осуди!

Он сполоснул кружки шампанским из разбитой бутылки и, взяв целую бутылку, отковырнул гвоздем проволочку. Пробка громко выстрелила и так высоко взлетела, что только через несколько секунд они услышали, как пробка мягко шлепнулась где-то рядом.

На красном фоне теплушки метались тени от неровного пламени костра. Пели французы.

— Са-ира! Древний революционный клич. Са-ира! Это гнев! — говорил Мирза. — Впрочем, сами французы переводят припев «это идет, это движется!» ...

Подвыпившие рабочие изредка подходили к ним, выбирая новую бутылку из стоящего здесь ящика. Они подмигивали Водовозову, хлопали его по плечу, всячески выказывая свое расположение.

— Обувь, парфюмерия, костюмы, шелка, продовольствие — все, чем богата страна, вывозят немцы. Во всех быстро сняли цинковые стойки, повсюду свинтили медные ручки, краны...

— Ни одной железной ограды уже нет в городе. Да только ничего это уже не поможет!

В это время к Мирзе подбежал взволнованный бригадир и зашептал ему на ухо. Мирза вскочил и быстро сказал Водовозову:

— Сиди здесь, я сейчас вернусь, очень важно, — и пропал в темноте.

Водовозов снова улегся на мешки.

Было необычайно тихо в этот час перерыва.

Как первые такты симфонии, пропели вдаль сигнальные рожки стрелочников.

— Что-то такое есть в «Снегурочки», — вспоминал Водовозов.

Еще подумал он о французской революции 1798 года.

— Так же пели рабочие «Са-ира!»... народ... Это их тени пляшут сейчас на фоне теплушки. Вон и копы их колышутся в пламени костра!

Как пронзительно закричала в последний раз королева! И ясно увидел художник тень мускулистой руки, потрясающей отрубленной головой...

Это паровоз крикнул где-то пронзительно и тонко, а вдаль звездами рассыпались огни над путями, и вторило разноцветное миганье фонарей и семафоров грозным голосам рабочих, певших революционный гимн, и эхо медных рожков стрелочников подхватывало припев:

— Са-ира! Это будет!

Водовозов задумчиво пил шампанское из своего ржавого «бокала».

Во всех барах, быстро, кафе и ресторанах сняты цинковые стойки. Повсюду отвинчены медные краны, ручки от дверей...

Даже трамвайные рельсы в городе увезены в Германию!

Ни одной чугунной ограды не осталось в садах и скверах.

Да только ничего уже не помогает немцам!

— Нет, это не «мелочи», — думал Водовозов. — То, что уничтожают на путях награбленное добро и портят вагоны, — это же замечательно! Все это уже не достанется фашистам!

Вдруг на соседних путях точно взрывом подбросило вагон, он точно взлетел на воздух и перевернулся, покатился в сторону. Водовозов вскочил и увидел, как на опрокинутом шасси еще бешено вертелись колеса, пахло гарью и духами, что сначала очень удивило его. Вокруг валялись разбросанные по шпалам тюки, коробки, ящики, из которых вываливались башмаки. Черные фигуры быстро и молча подбирали рассыпанный груз и бесшумно исчезали во тьме. В это время вернулся Мирза.

— Хорошие новости! — и, наклонившись к Водовозову, шепнул:

— Сегодня же утром — первая твоя работа!

Вынырнувший из тьмы бригадир поднял руку, и Мирза с Водовозовым пошли за ним.

— Здесь, — шепнул бригадир.

В полутьме художник различил вагон, не похожий на обыкновенный товарный. Стукнул кулаком — отозвалось железным гулом.

— Да, — бормотал Мирза, — сколько ни кувыркай, не разобьется!

На соседних путях темнело длинное тело цистерны. Тяжелый запах бензина обволакивал людей.

— Не курить! — предупредил бригадир.

Высоко над рельсами слабо горела электрическая лампочка.

Кругом ни души. Но все-таки бригадир и Мирза облазили вокруг под вагонами.

Вернувшись, Мирза положил обе руки на плечи Водовозову и сказал:

— Не выходит план. С петардами!

— Слушаю, — тихо ответил Водовозов.

И тут Мирза произнес речь, наверное, самую длинную в своей жизни:

— Авиационный бензин. Вагон со снарядами для Нормандии. Понимаешь? Заблудились, попали к нам! От нас поезда только в Германию. Будут их искать. Нужно взорвать. Бригадир думал — петарды на рельсы. Не выходит. Бензин не взорвется — герметически закрыт. Вагоны сцеплены. Удара не будет.

Бригадир слушал Мирзу и утвердительно кивал головой, хотя ни слова по-русски не понимал.

— Вот, — продолжал Мирза, — доставишь тол. Устроим спектакль. Точно попала бомба. Авиационная.

Мирзоев замолчал и передохнул.

— Как же ты это сделаешь? — изумился Водовозов.

— Просто. Воздушная тревога. Пустим наши сирены. Немцы попрячутся. Взорвем бензин. Он — вагон со снарядами. Просто?

— Гениально просто! И никто не ответит за взрыв!

— Только скорей. Моментально сделать, — тревожно шептал Мирза. — Смена кончается в шесть. Днем отдохнешь. Вечером отпавишься.

Они снова подлезли под вагоны и вернулись к сторожке.

Мирза схватил бутылку и отбил горлышко о рельс.

— Выпьем брат. За удачу! Редкую удачу!

Они молча чокнулись. Водовозов поморщился от неприятного звука жестянки.

Мирза коротко объяснил, как найти бистро, где хозяином был бретонец Сюркуф.

— Национальный герой. Бретонский корсар Сюркуф. Помогал во время войны с англичанами. Хозяин бистро взял себе это имя как знамя восстания. Ты найдешь бистро на Обервилле. Хозяин без ноги. Пароль «Кэр Кэмпер», отзыв «Кэмел». Больше тебе ничего не надо знать.

Яркие лучи заходящего солнца, ударив прямо в лицо Водовозову, разбудили его.

Мирза сидел у изголовья и улыбался.

— Выспался? Отлично. Между прочим — тебе подарок от наших французов: они видели, что башмаки твои каши просят. Так вот...

Мирза развернул сверток, лежащий у него на коленях, и положил на кровать две пары новых башмаков.

— Носи ты, а немцы как-нибудь обойдутся.

Водовозов вспомнил вчерашнюю теплушку. «Ну и хорошо, — подумал он. — Это же не воровство!»

— Конечно не воровство, — точно читая его мысли, откликнулся приятель.

— Кроме того, тебе полагается костюм и кое-что из белья. Так что действуй, одевайся! А мы здесь все подготовим к твоему

возвращению. Мне же туда идти не рекомендуется и нашему бригаиру тоже. Понятно? Нас уже заметили в том квартале!

Водовозов быстро прошел в душ и, свежий и отдохнувший, с удовольствием оделся в новый, пахнувший приятными духами («Очевидно, от разбившихся флаконов», — подумал он) костюм. Башмаки тоже оказались впору.

Мирза внимательно оглядел его.

— Так, очень хорошо! Вполне сойдешь за жеребкового молодчика!

Водовозов погрозил ему кулаком.

Они молча прошли ворота, и Мирза показал ему, в какую сторону идти.

За маленькой площадью круто поднималась прямая улица. Гигантские вечерние тени деревьев железными силуэтами закрывали злое небо. Мокрые облака задом сползали за почерневшее поле.

Водовозов шел пригнувшись, казалось, земля дыбом встала ему навстречу. Он не видел, как быстрые молнии одна за другой бесшумно кидались вверх, где крутились рыжие тучи.

Дома становились реже, и давно исчезли многоэтажные здания.

— Очевидно, это где-то здесь, — думал он. — Прохожих лучше не спрашивать, да и вообще нужно торопиться.

Стало темно от туч. Впотьмах внезапный гром бомбой разорвался над головой. Сейчас же покатались мелкие громики и холодная крупа с дождем по крышам и тротуару.

Очнувшись, Водовозов ткнулся в угловое бистро. Дверь сама захлопнулась за ним, легко шлепнув по спине.

Хозяин подмигнул ему:

— Хотите настоящий, наш — времен Сюркуфа?

Водовозов насторожился, а хозяин медленно налил золотую водку из глиняного, повитого лепными розами бретонского кувшина и, секунду поколебавшись, отлил немного и в свою рюмку.

За дверью бушевал поток дождевой воды, стекавший с высокой улицы. Непрестанно бил гром, и молнии веером растекались по черному небу.

— Редко в это время такие грозы, — равнодушно сказал хозяин. — Теперь все подвалы затопит Сена!

Он вышел из-за стойки, взял несколько мешочков из сложенной в углу кучи и бросил их у порога. Вода уже начала просачиваться в комнату.

Тут Водовозов увидел «примету»: одной ноги у хозяина не было, простая деревяшка была прикручена ремнями к поясу. «Совсем прекрасно!» — подумал он и спросил:

— Где здесь «Кэр Кэмпер»?

Бретонец прохромал за стойку, бережно сложил газету и, подняв очки на лоб, пристально посмотрел на художника. Потом он вытащил из нагрудного кармана передника портсигар, раскрыл его и, протягивая Водовозову, спокойно спросил:

— Вы курите «Кэмел»?

Это был отзыв! Водовозов нашел человека.

— Спокойно! — предупредил его Сюркуф.

Водовозов медленно пил. Жидкое золото кальвадоса точно светилось в его жилах. При скудном свете глаза сверкали в рюмке, как топазовые огни.

Хозяин внимательно наблюдал за художником.

— Русский! — уверенно произнес он и, не ожидая просьбы, налил ему вторую рюмку.

— Выпьем за дружбу между Советской Россией и Бретанью! — и он чокнулся с Водовозовым.

— Да здравствует Ленин! — неожиданно сказал хозяин. Он протянул громадную черную ручищу рабочего и стиснул ладонь художника.

— Все мы работаем в Париже, цель у нас одна. Для вас все приготовлено.

Он обернулся к стене, где над стойкой висел портрет Сюркуфа, снял его и, повернув обратной стороной, показал лицо Ленина, наклеенное на обороте.

Теперь уж не могло быть сомнений!

Горестно покачав головой, хозяин повесил рамку обратно, снова налил кальвадос Водовозову и бережно нацедил в свою рюмку. Что-то шепча про себя, он быстро выпил водку и осторожно отстегнул ногу.

Водовозов с любопытством смотрел, как Сюркуф отвинтил от деревяшки резиновый наконечник и тихонько стал вытаскивать оттуда продолговатый пакет. Взвесив его на ладони, он протянул пакет художнику.

— Вот тротил. Капсюль дам вам отдельно. Только — вдруг немцы, — озабоченно прибавил он. — Да, немцы... — Сюркуф пожевал губами. — Скоро уж конец им: американцы высадились...

Привязав ногу, он снова вышел из-за стойки и проковылял к гостю.

— Ну-ка, снимите пиджак, — властно предложил он. В руках он держал тонкую веревку.

Водовозов чуть встревожился, но, вспомнив слова бригадира и Мирзы «ничему не удивляться и не опасаться», повиновался.

Сюркуф вытащил из кармана длинный, узкий мешочек, осторожно вложил в него тротил. В петельку мешочка он вддел веревку и ловко обвязал ее вокруг талии Водовозова таким образом, что тротил повис, точно хвостик.

— Теперь сами засуньте тротил в штаны. Мешать это вам не будет. В случае обыска на улице его не нащупают, потому что обычно проводят руками только по бедрам и под мышкам...

«Ой, — подумал художник, — а если я нечаянно сяду!»

Точно угадав его мысли, бретонец сказал:

— Ничего с вами не будет, если даже придется сесть! Тротил так легко не взрывается. Для этого существует запальный капсюль.

Он протянул свой портсигар:

— Вот «Кэмел». Внутри сигарет находятся запалы. Только, конечно, эти сигареты не курите, — шутя прибавил он, — штуки две сигарет, на всякий случай, вложите в свой портсигар. У вас, кстати, «Голуаз», так что не спутаете!

У Водовозова не было портсигара. Он осторожно всунул две взрывчатых сигареты в свою начатую пачку «Голуаз».

— Даже если, польстившись на «Кэмел», и отберут одну пачку, то останется еще. Ну а если кто закурит... да, тот, кто закурит, останется без головы! — и бретонец засмеялся.

Он снова взялся за кувшинчик, налил Водовозову и себе.

<Страница отсутствует>

*... До рассвета Вальми остаются часы.
Просыпайся, кто спит. Не сгибайся, кто тужит.
Пусть нас горе не гложет, веселье не кружит.
И друзья подхватили мотив Марсельезы:
Пусть примером нам русское мужество служит!*

— Это же Арагона стихи! — изумился Водовозов.

— Арагон, Арагон! Хорошо — Арагон! — по-русски сказал бригадир и, в последний раз обняв друзей, выбежал из барака.

Собираться было недолго, и первым рабочим поездом они уехали в Париж.

В Париже у Мирзы была квартира, где жила его семья: жена и сын-лицеист Степан.

— Поживешь у меня. Там видно будет, — по обыкновению лаконично предложил Мирза, когда поезд остановился на пустынном полустанке Плэн-Сэн-Дени. — На Северном застава. Отсюда — на автобусе. Так лучше!

— Не знаю, — задумчиво ответил художник. — Боюсь стеснить тебя... опасно привлекать внимание консьержки к чужому человеку... Я сначала зайду к одному типографу, там была наша явочная квартира.

— Денег нету? Наверно! — забеспокоился Мирза.

— Деньги мне дадут там же. Но, конечно, спасибо тебе! В случае неудачи — приду.

Друзья сошли с автобуса неподалеку от площади Шатле.

— Пешком пойдем? — предложил Мирза.

Молча шагали они мимо ратуши, по острову мимо Собора Парижской Богоматери и сквозь средневековые переулочки вышли на широкий Бульмиш³.

Кое-где у реквизированных немцами школ стояли петеновские молодчики в беретах со значками, похожими на петлю.

Завидя их издали, друзья переходили на противоположный тротуар.

Люксембургский сад был закрыт. У решетки изнутри сада прохаживался немецкий часовой. Сквозь деревья виднелся громадный бетонный блиндаж, в амбразурах торчали дула пулеметов.

³ Бульмиш — (Boul'Mich') — одна из главных улиц Латинского квартала Парижа (наряду с бульваром Сен-Жермен).

Мирза и художник молча переглянулись, но ничего не сказали.

На площади Данфер-Рошро желтел громадный лев, памятник защитникам крепости Бельфор во время войны с пруссаками в 1871 году.

— Как его немцы не снесли? — иронически сказал Водовозов.

— Зачем? — спросил Мирза. — Они победили. А лев и сейчас, — он на секунду помолчал, — охраняет парижан.

Они проходили в это время мимо входа в катакомбы, и оба покосились в ту сторону.

Говорить ничего и не надо было: здесь скрывались парижские резистанты.

Мирза чуть улыбнулся и указательными пальцами несколько раз провел по своему носу.

— Бояться немцы! Но ночами не ходят мимо!

У входа в метро Данфер-Рошро какая-то женщина быстро раздавала листки немногочисленным прохожим. Несколько человек внимательно слушали, что она им говорила.

Друзья остановились за металлическим щитом, на котором был наклеен план метро. В это время из толпы выскочил петеновский молодчик⁴ в берете и, что-то закричав, направил на женщину револьвер. Раздался выстрел, но упала не женщина, а петенец.

Люди шарахнулись кто куда.

Мирза схватил художника за руку и потащил в сторону, но он успел заметить револьвер, исчезнувший в кармане Мирзы.

— Спокойно, — сказал он. — В магазин. Там другой выход.

Они зашли к Феликсу Потэну, где спешно спускали железные шторы, и вышли на маленькую улочку. Переулками пробрались на авеню дю Мэн и оказались около самых Орлеанских ворот.

— Ее знаю, — просто сказал Мирза. — Оболенская. А хоть бы не знал!

— Да, хоть бы и не знал! — откликнулся Водовозов. Он прекрасно понял, и больше ничего сказано не было.

— Ленин, — неожиданно шепнул Мирза, — жил здесь где-то. Играл в шахматы. Сохранилось кафе.

⁴ Петен, Анри Филипп — глава Французского государства с 11 июля 1940 года по 19 августа 1944 года.

Но останавливаться было нельзя, и они быстро прошли мимо исторического кафе.

Здесь кончался солнечный проспект. На пустыре еще сохранились крепостные валы, но уже тесно стало городу в каменных объездах, и, как ростки весной, пробивающие землю, повсюду сквозь валы тянулись новые строения.

— Живу здесь. Зайдем? — снова предложил Мирза, и уставший Водовозов охотно поднялся на четвертый этаж большого, немного поврежденного бомбой дома.

Жена Мирзы, встревоженная и заплаканная, сказала, что уже сутки, как пропал Степан.

— Не плачь! — рассердился Мирза. — Дежурит в отряде. Наверно. Накорми нас лучше.

Август — самый жаркий месяц в Париже.

Рабочие со своими семьями, весь белый люд, не могущий уехать на дачи, к морю, располагался на траве в Булонском и Венсенском лесу, ближайших парижских пригородах, где еще сохранились остатки лесных массивов, когда-то окружавших Париж, на прохладных лужайках и по берегам тихих рек.

Но сейчас все сидели по домам.

Немецкие войска стремительно откатывались от побережья, пытались закрепиться в Париже.

Как безумные летали по улицам немецкие броневики и танки, обстреливая дома, пытались вырваться из города.

Но уже вышла из подполья Армия Сопротивления, весь город восстал, и немцы метались, точно крысы в гигантской мышеловке.

С севера наступали высадившиеся союзники. Победоносная Советская Армия шла с востока. Деголевские солдаты спешили к Парижу с запада.

Горы были полны партизан, макассаров, и всюду ожесточенной стрельбой встречал немцев восставший французский народ!

В эту ночь Водовозов с французскими товарищами вывешивали красные флаги на здании мэрии четырнадцатого округа. Немало принесли и французских национальных знамен, но больше всего оказалось флагов с серпом и молотом!

Рано утром, выйдя из помещения тайной коммунистической ячейки на рю дю Шато, где он переночевал, с гордостью увидел

художник, что не только здание мэрии, но и все прилегающие к маленькой площади дома были расцвечены флагами, красными полотнищами, рыжими бархатными гардинами, свисающими со всех окон и балконов.

На площади еще не было ни души, только ветер, свободный ветер, надувал широкие полотнища и щелкал флагами над крышами притаившихся домов.

— Ай да да! — подумал Водовозов. — Значит, не только мы поработали этой ночью!

Необычайно — празднично и тревожно — выглядела пустынная площадь с засыпанным сквериком, между деревьев которой были натянуты маленькие, трепещущие острыми язычками пламени алые флажки.

Но не успел он налюбоваться этим оазисом свободы, как совсем близко загремел пулемет и раздались частые взрывы гранат.

— Началось, началось, началось! — чуть не закричал он и побежал по направлению к катакомбам.

По авеню д'Орлеан мчались немецкие танки и на ходу стреляли по окнам и подъездам домов.

— Боже, как давно это, кажется, было, — с удивлением подумал художник.

Сквозь бреши стен, точно из топок гигантского паровоза, дымилось пламя.

Все улицы, прилегающие к площади, были завалены баррикадами, сделанными из поваленных цветочных и газетных киосков, уцелевших чугунных решеток, ограждавших деревья. Много было и срубленных деревьев, поваленных в общую кучу.

Водовозов повернул назад и переулочками побегал к Люксембургскому саду. Но и отсюда трудно было пробраться к площади Шатле, где должен был драться его отряд: от Сената укрытый чугунной оградой и наваленными мешками с песком, непрерывно бил станковый пулемет.

Витрины магазинов, точно в морозный день, покрылись пальмами трещин и звездами пулевых отверстий.

С треском отлетали ветки с деревьев на соседних улицах.

Перед решеткой сада на улице Вожирар стоял танк и стрелял вдоль улицы Бонапарта.

— Ага, — подумал Водовозов, — бьют по площади Сен-Сюльпис, значит там наши партизаны!

Переулками он обогнул площадь, собор и побежал к бульвару Сен-Жермен. Здесь танков не было видно, и, укрываясь за стенами Аббатства, сквозь лабиринт переулков он добежал до площади Сен-Мишель. Но здесь снова послышался пулемет, и перед художником разом вылетели стекла из витрины книжного магазина.

Водовозов упал на мостовую и тут, рядом с собой, увидел обгоревший броневик, стоявший у стены Школы живописи. Он быстро пополз к нему, но не успел забраться поглубже, как стукнулся головой обо что-то мягкое. Инстинктивно отпрянув, он поднял голову. Прямо перед его лицом возник Степка и радостно улыбался.

— Ты что тут делаешь? — строго спросил художник.

— Ну, лежу... — неопределенно ответил Степка.

Водовозов порадовался за Мирзу, что мальчишка его жив и не ранен, но продолжал сурово допрашивать:

— Тебе сколько лет, Степан?

— Ну, четырнадцать, — недовольно буркнул тот.

— Ты знаешь, что тебя отец по всему городу ищет!?

Степан промолчал, и тут Водовозов увидел связку гранат в его руке. Он хотел вскочить на ноги и больно стукнулся головой о шасси.

— С ума сошел! Ты умеешь обращаться с гранатами?

Степка только хмыкнул.

В это время оба увидели немецкий танк, медленно ползущий по переулку.

Длинный ствол орудия, точно хобот, вынюхивающий опасность, двигался во все стороны. Не успел Водовозов крикнуть, как Степан, высунувшись из-под броневика, метнул гранату под гусеницу танка и, схватив Водовозова за плечо, перекатился с ним на другую сторону.

Бахнул взрыв, и вражий танк завертелся на месте.

Водовозов видел, как медленно, осторожно стала приподниматься крышка люка... и вдруг из ворот Школы живописи выскочили мальчишки и побросали гранаты в открытый люк.

— Бежим теперь! — Степан схватил Водовозова за руку, и все, пригибаясь, помчались к площади святого Михаила.

Не успели они пробежать и десятка метров, как столбом выметнулось из танка желтое пламя и грохнул взрыв.

Мальчики злорадно засмеялись.

Взорванный танк горел. Ни один немец не выскочил из него.

Впереди слышалась сильная пулеметная стрельба. Со стороны Шатле летели пули: там была немецкая застава.

Несколько человек стояло у фонтана святого Михаила и смотрело в сторону Шатле.

— Ложись! — закричал на них Водовозов, но не успели они послушаться, как кто-то упал лицом вниз.

— Где же наш отряд? — с тревогой подумал художник.

Он вместе с мальчиками стоял, укрытый бронзовым драконом, и видел, как из-под упавшего человека широкой струей потекла кровь.

Глаз художника невольно отметил, что кровь была не алая, а лиловая.

— Очевидно, венозная, из области живота, — решил он.

Люди, бывшие на площади, убежали, только одна женщина, вероятно, жена раненого, кричала, пытаясь приподнять его.

— Что ж мы! — спохватился Водовозов. — Тащим немедленно его в сторону!

Со Степой и еще одним мальчиком они оттянули истекающего кровью человека к фонтану. В это время примчался третий мальчик с волокущими носилки студентами-медиками из санитарного отряда.

— Молодец! — подумал Водовозов.

Прекратившие было огонь немцы, завидя движение, застреляли снова, и все у памятника попрятались за бронзовыми фигурами рыцаря и поверженного им дракона.

— А ведь это вовсе не Георгий-Победоносец, — вдруг сообразил Водовозов, глядя на крылатое чудовище, пронзенное копьем рыцаря. — Это Михаил! Ну конечно — архангел Михаил! Поэтому и площадь называется Сен-Мишель, святого Михаила ...

Он слегка высунулся, чтобы посмотреть на лицо рыцаря, и сразу почувствовал ожог у левого виска. Кровь мгновенно залила его

глаз и лицо. Он пошатнулся и, достав платок, пытался остановить льющуюся кровь.

— Дайте я, дайте я! — крикнул Игорь и, выхватив из кармана бинт, быстро сорвал оболочку.

— Эге, — сказал подоспевший студент, осмотрев рану, — пуля только задела кожу, но разрежала височную артерию, — и стал прижимать ее пальцами, потом туго забинтовал голову Водовозова. — Идемте с нами, там наложим шов!

— Не надо, кровотечение остановилось, скорей несите умирающего!

Мальчики окружили залитого кровью Александра Ивановича с перевязанной головой и с явной завистью смотрели на него.

— И в госпиталь не пойдете? — почтительно смотрел Степан.

— Ты долго будешь болтаться тут? — рассердился Водовозов. — Марш все сейчас же по домам!

Но пойти домой никому не удалось: немецкая застава исчезла с моста, на бульваре послышался гул приближающихся танков.

Путь назад был отрезан, двигаться можно было только через мост.

Все бросились туда и, прижимаясь к парапету, благополучно перебрались на ту сторону.

Оставаться на открытой площади было нельзя и Водовозов, невольно принявший команду над отрядиком, приказал бежать к префектуре.

Ворота здания на набережной были закрыты, тогда они обегали префектуру, и за углом, напротив Нотр-Дама, мальчики нашли узкую приоткрытую дверь. Все протиснулись в нее и очутились в заброшенном коридоре, ведущем во двор.

— Вот что, дверь немедленно запереть! — распорядился Водовозов. — Немцы сюда не сунутся, а когда танки пройдут, мы выедем наружу.

Но ребята запротестовали, сказав, что во дворе находится Национальная гвардия и что они тоже записались в нее.

— А где же ваши нарукавные повязки?

Тогда они смущенно повинылись повязки из карманов и нацепили их на рукава.

— Это когда мы на броневик лазили, то попрытали, — пытался оправдаться покрасневший Степка.

На дворе никого не оказалось. Кучки партизан с пулеметами стояли в туннелях у всех закрытых ворот.

«Отряд» Водовозова свободно проник в здание, и там, на втором этаже, они увидели людей, стоящих у раскрытых окон с гранатами и зажигательными бутылками в руках. На пришедших никто не обратил внимание.

С улицы доносился непрерывный гул и лязг идущих танков. Водовозов глянул в окно и увидел колонну из четырех машин, уходящую по направлению к Севастопольскому бульвару.

От Сены неслись открытые грузовики, полные немецких солдат. Их, очевидно, и ждали предупрежденные по телефону в префектуре: как только грузовики поравнялись с окнами, в них полетели гранаты и зажигательные бутылки.

Первые машины, по инерции, пролетели вперед, из них, на ходу, стали выпрыгивать пылающие фигуры. Они катались по мостовой, пытаясь сбить пламя, на них налетали следующие машины, из окон непрерывно летели горящие бутылки, а внизу, из щелей ворот, расстреливали их пулеметами.

Все здание содрогалось от разрывов гранат и вспыхивающего внизу бензина, густой дым с улицы начал проникать в комнаты.

Вдруг один из полицейских, громадного роста, с лицом, вымазанным гарью и кровью, оборотился к художнику и, свирепо выругавшись, закричал:

— И черт, и черт, и черт возьми! А вы для чего тут торчите! Стреляйте же!

Мигом мальчики расхватили валяющиеся на полу автоматы, и Водовозов с изумлением увидел, что они превосходно умеют обращаться с оружием!

Тогда, подобрав винтовку, он прилачился к окну и, наведя ее на бегущего солдата, выстрелил. К его удивлению солдат ничком полетел на тротуар.

— Ну да, близко очень, и кругом стреляют, может быть, это и не я, — подумал Водовозов и прицелился в другого, тащившего пулемет под самым окном. И тот тоже сразу повалился на свободный

пулемет. Почувствовав уверенность, Водовозов спокойно стал стрелять по бегущим немцам.

— Браво, браво, черт возьми! — крикнул ему тот великан. — Но, черт возьми, брось это дерьмо и бери автомат!

Стоящий рядом Степка дал ему автомат и шепотом сказал:

— Когда отвернете этот предохранитель, жмите на собачку, он все время будет стрелять, а когда выпадет обойма, я вставлю вам другую.

Но внизу уже никого не было.

Сотни трупов валялись на мостовой и тротуарах, кровь стекала со стены здания и лилась по асфальту вдоль панелей. «Да, если не «рекой льется», то, во всяком случае, точно ручей весной! Правильное выражение», — подумал Водовозов.

— Скорей, скорей! — торопил его Степан.

Они остались одни в комнате и поэтому бегом бросились за ушедшими. Во дворе партизаны и полицейские садились на автомобили и вылетали на бульвар.

— Кончена война? — Это чувство захватывало всех. Несмотря на стрельбу, на смертельную опасность, подстерегающую на каждом углу, все знали, что это последнее, что русские войска двигаются на Берлин, что немцы окружены и некуда, некуда им деваться! Они еще огрызались, как раненый волк, но рана была смертельной, и каждый старался скорей добить этого волка!

От бешеного рывка машины Водовозов и все ребята чуть не вылетели за борт. Ветер свистел в ушах, когда они мчались по улицам, и Водовозов в такой быстроте едва узнавал город.

— На Восточный вокзал! — одновременно со Степкой крикнул он. И ребята кивали головами: ну конечно, если и спастись немцам, то только с Восточного вокзала!

Около Больших Бульваров горели четыре танка, очевидно, те, что предшествовали колонне грузовиков. Нигде не было видно ни души, только дым поднимался из окон многих домов, и на всех перекрестках горели машины.

Степан с приятелями ерзали на дне грузовика и махали своими автоматами, но подняться во весь рост было невозможно, так подкидывало на разобранной мостовой и развороченных баррикадах.

Перед вокзальной площадью, заваленной опрокинутыми автобусами, обгоревшими фонарными столбами, машины остановились — и сейчас же от вокзала застреляли пулеметы.

Французы рассыпались и залегли за баррикадами. Ребята рвались туда, Водовозов прикрикнул на них, что сил тут и так много и что лучше зайти немцам в тыл.

Мальчики поверили и с восторгом побежали за своим командиром, старавшимся спасти их от гибели.

Вдоль заваленного бульвара можно было спокойно перебежать в безопасное место, но, на несчастье, один из мальчиков закричал, показывая на свой дом, что сквозь него можно выйти немцам в тыл. Не слушая командира, мальчики ринулись туда, и он следом за ними.

Взобравшись на восьмой этаж, они вышли на плоскую крышу и, перебежав в противоположный конец, увидели глубоко внизу рельсы и грузившиеся эшелоны.

Водовозов обратил внимание на группу военных, стоящих на перроне и державших в руках какой-то белый сверток, парашют, как решил он.

— Что ж это они? Вверх не полетишь с парашютом!

В это время мальчики стали кидать вниз гранаты — и, странное дело, солдаты высыпались из поезда и полезли под вагоны!

Группа на перроне, развернув сверток, растянула его. И Водовозов догадался, что это белый флаг! С такими же флагами белели другие группы и вливались в двери вокзала.

— Ну, ребята, — обратился он к своим героям. — Ребята! — голос у него сорвался. Но и так они повисли у него на шее, и он чувствовал горячие поцелуи детей, и их слезы смешивались с его слезами.

— Кончилась война! — наконец выговорил он. — Кончилась пока еще здесь, во Франции, кончилась благодаря нашей великой Родине! Теперь Советская Армия добьет фашистов в их логове, и все мы (в особенности вы, молодые) сможем вернуться домой, на Родину!

Взявшись за руки, они смотрели, как внизу немцы сваливали в одну кучу оружие.

Дневник Водовозова

(фрагменты романа)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Тысячи людей рассыпались по набережной Герцег-Нови, всматриваясь в необычное судно, приближающееся к пирсу. В толпе были албанцы, хорваты, итальянцы, сербы, черногорцы, македонцы — все представители нового государства Югославии, появившегося после войны 1914—1918 годов.

Судно никак не походило на пароходы, изредка заходившие в Которскую бухту: обросшее чудовищными дощатыми наростами, залитое нечистотами, облепившими весь корпус судна, оно точно распухло от переполнявшего его внутренности живого груза.

На палубах гирлянды грязно-серых фигурок держались по бортам и, казалось, сейчас попадают в воду.

— Негры? — нерешительно спросил черногорец.

Старый серб, стоящий рядом, неодобрительно зачмокал прокуренными губами. Он пристально вглядывался в причаливший пароход.

— Русы, — наконец уверенно сказал он, — вранжеловцы.

Это были остатки врангелевской армии, докатившейся до Югославии.

На пароходе приплыли инвалиды, больные, военные и штатские, певцы и спекулянты, помещики и попы — все с женами, детьми, бабушками и дедами.

Все это общество, растерявшее свои классовые привилегии и достоинства, превратилось в однородную серую и вшивую массу. Но после высадки на берег Которской бухты произошло разделение этой массы. И произвели его югославские власти не по документам или мундиру: имеющие деньги были выпущены на свободу, а остальных загнали за колючую проволоку.

При свете фонарей «летучая мышь» всю толпу разделили на две части: мужчин — в одну сторону, женщин и детей в другую.

В деревянных бараках с двухэтажными нарами всех заставили раздеться, сдать вещи в дезинфекцию и голых погнали че-

рез грязный двор в баню. Неприятности продолжались и после: у кого вовсе пропадали вещи, а полученная обратно обувь поколебилась и задубенела.

Ночью принесли одеяла и соломенные матрацы, выдали сухой паек из колбасы и твердых галет. Воды нигде не было.

На Рождество лета тысяча девятьсот двадцатого началась новая жизнь на чужбине.

В декабре в Герцег-Нови зреют в садах апельсины. На улицах зацветают магнолии и мимозы. Парни и девушки в пышных костюмах весело распевали под гитары рождественские песни. На площади торговки, в ярко-красных юбках, с громадными бантами на головах, сидели на корточках вокруг корзин с крабами. В корзины были воткнуты горящие свечи. Прямо на мостовой лежали груды невиданных фруктов и сверкающие росой цветы. Из низких плетенок толстые синеперые рыбыны разевали хищные пасти.

Площадь окружали средневековые стены, а в круглые ворота виднелись острокрышие домики в кривых улочках, точно декорации «Кармен». Как будто совсем недавно слушал Водовозов оперу в Москве, а теперь... теперь население всех стран снялось с насиженных мест и металось по загаженной войной, кровью и трупами унавоженной земле.

Разбитая врангелевская армия расплылась на острове Лемносе и осела в турецком Галлиполи. Остатки флота попали в Бизерту, в Африку. Молодых солдат направили в пограничные войска Югославии и Болгарии, на плантации Южной Америки. Наехавшие вербовщики «живого товара» отправляли людей в шахты и рудники Бельгии и Англии, на поля, фермы и заводы Франции. С группой завербованных рабочих уехал в Париж и Водовозов.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Различно действует на людей алкоголь. На Водовозове он сказывался очень благоприятно: если не примирял его с действительностью, то заставлял думать о чем-нибудь другом, не таком неприятном.

Английский френч ладно сидел на его похудевшей, спортивной фигуре. Портили впечатление драные штаны и башмаки

с лопнувшими носами, но за столиком кафе, когда Водовозова было видно только до пояса, он мог произвести благоприятное впечатление на неискушенного гарсона.

— Верлен пил абсент. Абсента сейчас не существует. Петр Великий любил полынную водку, это одно и то же, а Верлена тогда еще не было, как и меня, впрочем...

Эти рассуждения развлекали его и заставляли смиренно пить дешевый пастис — слабый абсент, переименовавший имя и градусы. Для живого человека самое страшное на чужбине — это одиночество.

Точно в половодье, громадная грязная река мчалась мимо зеркальных окон кафе. Автобусы, такси, поражающее количество собственных автомобилей, бесконечные толпы пешеходов...

— Ни одного извозчика! — удивлялся Водовозов.

Так бревна, солома, пена, ветки и целые деревья, крутятся и ныряя, плывут по мутным волнам, сталкиваясь, цепляясь друг за другом — и вдруг преграждает течение. Тогда дыбом вздымаются гудки, сирены, клаксоны автомобилей, и раскаленным шилом пронизывает их свисток полицейского. Затор рассасывается, и, точно вынесенные всплеснувшей волной, в кафе вливаются с тротуаров новые потоки людей.

— Земляк? Соотечественник?

Перед Водовозовым покачивался человек, еще не утративший волнового движения улицы. Он спокойно сел за столик и поманил пальцем лакея.

— Пастис пьете? — доброжелательно спросил он. — Дрянь! Гарсон, дэ л'о дэ ви дубль, живо! — приказал гарсону и, оборотясь к Водовозову, пояснил: — Скоро весь Париж заговорит по-русски!

Незнакомец предостерегающе поднял руку, не давая собеседнику помешать заказу.

— Это водка. О дэ ви — вода жизни. Недурно звучит, но с нашей не сравнится! Они настаивали на ней ягоды, но теперь во всех кабаках подают ее, специально для русских беженцев! Впрочем, как это говорится, мы с вами не знакомы? Мирза Мирзоев! Бывший племянник бывшего Мирзоева.

— Александр Иванович Водовозов, — выговорил Водовозов — и сам удивился, что у него еще существует имя и отчество. Фамилию знаменитого нефтяника-миллионера он слышал в Москве.

Мирзоев спокойно ответил на его мысленный вопрос:

— С дядьми поругался в Крыму за их помощь белым, ну а сам я уехал, потому что в Феодосии меня сначала бы расстреляли, а потом уже навели справки! Ну, чокнемся за знакомство!

Он ловко вплеснул в рот водку и машинально пошевелил пальцами над столиком. Закуски на столе не было.

— Нннда, это вам не «Прага»! Впрочем, это не важно! Не работаете?

Это был первый вопрос Водовозову, но ответить он не успел.

— Устрою вас на железную дорогу, хотите?

Водовозов привык ничему не удивляться, и Мирзоев ему понравился.

— Не сортировщиком ли?

— Вот именно! Уже направляли? С биржи труда? Они сейчас только эту работу русским и дают, режет там людей каждую ночь!

— Как?! — изумленно переспросил Водовозов.

— Ну да, ночью впотьмах как бешеные мчатся на вас вагоны, а вы должны их тормозить, лазить под них, сцеплять и расцеплять! Но не бойтесь, живы будете и не пожалеете! Я уже полгода там и цел.

Мирзоев дал ему адрес барака, где жил он с рабочими, и в тот же день Водовозов переехал туда.

Вечером низенький молчаливый француз отвел его к месту работы, вручил стальную колодку — «башмак» и коротко объяснил, что нужно делать.

Работа была трудной и опасной, в особенности по ночам.

По скудно освещенным рельсам гулко мчались теплушки, подтолкнутые дежурным паровозом. Обязанность сортировщика — «триера» — состояла в том, чтобы направлять вагоны на нужные пути и при помощи стальной колодки, которую он клал на рельсы перед бегущей теплушкой, постепенно замедлять стремительное движение этим скользящим по рельсам тормозом.

Необходимо было точно и моментально рассчитать расстояние от вагона до состава, тогда теплушка мягко стукалась о буфера последнего вагона и останавливалась, а рабочий, подлезая под колеса, сцеплял поезд. Неосторожное движение грозило смертью: никто не мог ни остановить вагон, ни предупредить об опасности — и зазевавшегося человека перерезало пополам!

Часа через два Водовозов уже с трудом сгибался, подлезая под вагоны, а руки покрылись толстым слоем дегтя, которым обильно были смазаны цепи и крюки.

— Ну и каторга! — думал он. — Хоть бы перчатки какие дали, ведь эту дрянь век с рук не отмоешь!

Он пытался вытереть руки о траву, но трава и песок прилипли к смоле, и стало еще хуже. К полуночи движение на его линии прекратилось, и он бессильно лег на песок подле сторожки, будучи не в силах пойти в барак за ужином.

— Да и как такими руками есть?! — думал он, засыпая.

Часа в два ночи на соседних путях послышался страшный грохот. Водовозов вскочил и увидел, как теплушка точно взлетела на воздух и, перевернувшись, упала на землю. С замиранием сердца он побежал туда, думая, что кто-то попал под поезд. Рассыпавшийся вагон лежал на рельсах, на опрокинутом шасси еще бешено крутились колеса, пахло гарью и духами, что страшно поразило Водовозова. Вокруг валялись разбросанные по шпалам тюки, коробки, ящики, из которых вываливались башмаки. Быстро и молча подбирали черные фигурки рассыпанный груз и бесшумно исчезали во тьме. Водовозов хотел помочь им, ему даже показалось, что он узнал среди них Мирзоева, но подошедший бригадир приказал вернуться на свой участок и продолжить работу.

На рассвете пришла весна. С трудом добрался Водовозов до барака и увидел, как другие сцепщики вытирают руки чем-то смоченной ветошью. Руки кое-как отчистились, и, не поев, он влез на верхнюю койку и сейчас же заснул.

Вечером яркие лучи заходящего солнца, ударив прямо в лицо Водовозову, разбудили его. Мирзоев сидел у его изголовья и улыбался.

— Выспались? Отлично! Как понравилась работа? Между прочим, ваши башмаки одинаково не годятся ни для города, ни для работы!

Мирзоев развернул сверток, лежавший у него на коленях, и положил на койку две пары новых башмаков.

Водовозов приподнялся на локте и сонно смотрел на Мирзоева и на рыжие туфли. Вторая пара была американскими «танками» — так называли в армии походную обувь.

— Танки переходят на мирный труд! Благодарить не надо, это вам подарок от товарищей по работе, — сказал Мирзоев, дружелюбно пожимая его локоть.

Водовозов слез с койки и, поздоровавшись, подозрительно спросил:

— Скажите, пожалуйста, это не вчерашняя обувь из вагона?

— Ах, простите, совершенно забыл! Хорошо, что напомнили: ведь перчаток для работы нам не выдают! Вот здесь несколько пар кожаных перчаток. Одну пару оставьте себе для города, а в других сцепляйте вагоны — и второй пакет развернулся в спокойных руках Мирзоева.

Перчатки были явно не для сцепления вагонов — превосходные, желтой кожи крепкие перчатки!

— Отгоните от себя мрачные подозрения, сегодня ночью мы работаем вместе, и я вам все объясню и покажу. А сейчас вам необходимо поесть перед работой, ведь вы не завтракали, не пообедали и не ужинали!

С сомнением покачивая головой, Водовозов зашнуровал башмаки, пришедшиеся ему впору, и, быстро умывшись, с удовольствием натянул хрустящие, аппетитно пахнувшие перчатки.

— Тоже впору, — удивился он.

Мирзоев критически оглядел его.

— База здоровая, но верхний этаж никуда не годится!

Новое осознание — ботинки требуют соответственной надстройки, то есть костюма.

— Об этом поговорим сегодня вечером. Ну, так сказать, пошли!

Сегодня Водовозову пришлось все время удивляться: выйдя из ворот железнодорожной полосы отчуждения, они сразу очутились в городе.

— Как же так? — недоуменно спросил он. — Вчера из Парижа я довольно долго ехал сюда на автобусе.

— Так это же не Париж, а Сен-Дени. Между ними проходит железная дорога, а Сен-Дени вплотную прилегает к месту нашей работы. В Париж мы с вами поедем завтра. Вот и наша кантина⁵!

Громадный зал был уставлен маленькими столиками, за которыми ужинало множество народу, но свободное место быстро

⁵ Кантина — фр. погребок, бар, подвал.

отыскалось. Корзиночка с хлебом и две пол-литровые бутылки с красным вином уже стояли на столике.

— Французы, так сказать, не пьют водки, — объяснял всезнающий Мирзоев, — но с утра до ночи тянут свой «пинар», дешевое красное вино. В рабочих столовых эти бутылки — «шопины» — ставят на стол, не дожидаясь приказа: оно уже входит в стоимость обеда.

Приятно пахло жареным луком и еще чем-то незнакомым, но вкусным. Веселый шум стоял в зале, и от взрывов смеха колебались космы табачного дыма, тянущиеся в открытые окна.

— Французы пьют больше, чем у нас, — продолжал Мирзоев. — Отправляясь на завод, каждый рабочий берет с собой литр вина, но по дороге он пьет в бистро свой утренний кофе с ромом, причем обычно рома там больше, чем кофе!

По залу быстро сновали гарсоны и мамзели с подносами, уставленными заказанными блюдами. Бесцеремонно схватив девушку за юбку, Мирзоев снял с подноса две тарелки с закусками, суп и два бифштекса с жареной картошкой.

Девица только сердито вильнула бедрами и помчалась дальше.

— Что это такое? — спросил Водовозов, рассматривая незнакомую еду.

— Ну, бифштекс-то вы знаете, а с ним — «помм фрит» — жаренные в постном масле картофельные палочки, их здесь на всех перекрестках продают, как у нас семечки!

— Это креветки, ну, рачки, это жареные улитки... Есть, вероятно, не станете, хотя, так сказать, и ели у себя, наверное, икру и устрицы. А вот это — советую попробовать: наши же одесские мидии, но не вареные, а жареные.

Суп с цветной капустой и бараниной был превосходный, и Водовозов сразу почувствовал, как он голоден!

— Мы ведь еще не успели выпить аперитив, — болтал Мирзоев, — полдень — это священный час у французов, и они все пьют аперитивы, по-русски, так сказать, «усиливающий аппетит». Впрочем, пьют их и вечером, так что по количеству вводимого алкоголя выходит, что французы более горькие пьяницы, чем мы, русские!

Водовозов почувствовал, как он отяжелел от обильной еды. Мирзоев ел мало, он успел кончить свою бутылку, и тотчас на столе появилась новая.

После ужина смутно стало на душе у Водовозова. Как пока-
тился он из Москвы в Харьков, из Харькова в Одессу, из Одессы
в Крым, из Крыма в Герцег-Нови, из Герцег-Нови в Париж, так и те-
перь казалось ему, что он все еще куда-то «котится», как яблочко,
про которое распевали в Крыму и на пароходе:

*Эх, яблочко,
Куда ты котишься,
А в Париж попадешь,
Не воротишься!*

А воротиться ему хотелось!

Десятки эмигрантских газет, захлебываясь, кричали о скором
падении большевиков, вопило о красном терроре французское
радио, журналы доказывали, что миллионы русских людей бе-
жали из большевистских лап во Францию.

В действительности, к тому времени, как Водовозов оказался
в Париже, в стране скопилось около двухсот тысяч русских.

По-разному жили эти люди. Неплохо было эмигрантским за-
правилам, всем этим председателям бесчисленных комитетов, со-
юзов, объединений, землячеств с их многочисленными штатами,
получающим деньги от Муссолини, из Америки, от папы римского,
но подавляющее большинство работало. Работали в шахтах, на
автомобильных заводах, на рудниках, на текстильных фабриках
Лиона, на фермах, подметальщиками на улицах в городах, водите-
лями такси, на железных дорогах — везде можно было встретить
бывших белых солдат и офицеров, на собственной шкуре почувст-
вовавших, что такое эксплуатация человека человеком.

Совершенно бесправные, могущие рассчитывать только на са-
мые низкие, плохо оплачиваемые должности, они начинали пони-
мать, что чужая страна — это хуже мачехи! Они почувствовали на
себе гнет капиталистов, фабрикантов и помещиков, за интересы
которых они воевали столько лет. Многие ненавидели большеви-
ков только по привычке, но обостряющаяся тоска по Родине за-
глушала эту ненависть. Очень многие стали задумываться, вспо-

миная минувшие годы, придирчиво обшаривая каждый уголок своей памяти, и радовались, если не находили там ничего, что могло бы очернить их перед собственной совестью: воевал по приказу, никого не расстреливал и не вешал, думая, что честно боролся за восстановление России, а она вот сама восстанавливается и без твоей помощи!

Закинув руки за голову, с открытыми глазами лежал Водовозов на своей жесткой койке. Далекой музыкой доносилась перекличка сигнальных рожков, изредка подрагивал барак от проходившего вблизи поезда, и Водовозову казалось, что он все едет куда-то. Он долго не мог заснуть, думая о знакомых офицерах, которые еще носили в груди горечь мести. Они исправно посещали собрания Общевоинского Союза, обедали только в русских кают-компаниях или офицерских собраниях, встречались исключительно со своими единомышленниками и не признавали ни Франции, ни французов. Они были вне жизни... Водовозов содрогнулся, вспомнив их белые, мертвые глаза палачей.

Воспоминания перед ним свой длинный развивали свиток... Засыпая, он видел Москву, Курский вокзал, поездку в Харьков.

Из Харькова пришлось уехать, потому что город переходил к красным. Водовозов был художником и опасался большевиков, считая, что работать с ними нельзя, а на юге можно будет устроить выставку своих картин. Но он не собирался стать «белым». В Одессе не удалось отвертеться от очередной мобилизации в Белую армию, и он попал в один из бесчисленных «железных» батальонов.

В казармах на Большом Фонтане собрался пестрый народ: студенты, приказчики, учителя, музыканты, семинаристы. Все как-то чуждались друг друга и почти не разговаривали. Одни примеряли американские ботинки, другие рассматривали выданные им френчи и бриджи. На медных пуговицах был вытиснен английский лев...

Вечером в длинной столовой построили всех в одну шеренгу и уже при свечах начали перекличку. Солдаты стояли смирно, и только тени их на белой стене то колебались во все стороны от неверного пламени свечей, то приседали на корточки или вздымались к потолку.

На выкрик ротного командира «чин?» Водовозов не знал, что ответить. Полковник внимательно посмотрел на него и отрывисто спросил:

— Высшее образование?

— Да, — неохотно ответил Водовозов и услышал сдержанные смешки.

— Ну, будете у нас вольноопределяющимся. А отвечать нужно «так точно!» и «никак нет»!

— Хорошо, — молвил Водовозов, и вокруг уже откровенно засмеялись.

После ужина фельдфебель опрашивал новичков: кто умеет обращаться с оружием, в какой части служил раньше и, что очень удивило Водовозова, какие знает языки? Он довольно хорошо говорил по-французски, но, на всякий случай, промолчал. Его зачислили, вместе с другими мобилизованными, в учебную команду.

Первое занятие было назначено с утра. Спал он очень плохо и только под утро крепко уснул, с головой завернувшись в одеяло. Сквозь сон слышал он звук трубы, но решил, что это репетирует музыкальная команда.

Когда с Водовозова сдернули одеяло, он сел на кровати и не знал: сердиться ли ему, или это так полагается? Тогда трубачу, который нетерпеливо вертел трубой над головой и, казалось, сейчас пустится в пляс, фельдфебель приказал сыграть побудку...

— В последний раз!

От резких звуков трубы над самым ухом Водовозов невольно вскочил, и фельдфебель вежливо сказал ему:

— На первый раз вам прощается! А затем — трое суток, господин вольноопределяющийся!

В одном углу дортуара уже собрались «ученики» и знакомились с устройством винтовки. Водовозов сел рядом с молодым студентом, который еще вчера приглянулся ему. Он даже запомнил фамилию — Булатович. Тот охотно подвинулся и, протягивая вынутый из винтовки затвор, важно произнес:

— Это затвор, господин вольноопределяющийся, — и подмигнул ему, но ирония не дошла до Водовозова, потому что никогда в жизни ни затвора, ни винтовки он не видел. Но не успел он взять в руки затвор, как сильный взрыв колыхнул здание, в противопо-

ложном углу спальни вылетели стекла и попадали на пол стоявшие в козлах винтовки. Сейчас же снаружи застрочил пулемет, слышались частые выстрелы. И опять трахнул взрыв, да так, что штукатурка посыпалась с потолка.

Все повскакали с мест, но вбежавший фельдфебель крикнул:

— Смиирна! Построиться в две шеренги!

Когда все, пугаясь и путаясь между коек, построились, вошел вчерашний полковник и сказал:

— Каждому выдать винтовку и патроны и строем вывести во двор. Двигаться на Куяльник!

На дороге не было ни души. Пальба усилилась, но снаряды рвались ближе к городу. Там уже клубился страшно черный курчавый дым.

— Нефть! — сказал кто-то.

На море виднелся французский крейсер.

— Чего он не стреляет? — удивлялись в строю.

— Так там же бунтуют... — и слушок этот, прошелестев по рядам, умолк.

И все замолчали и так, молча, дошли до Хуторов.

Вечерело. Разместились в каменном здании школы. Огня не зажигали. Окна закрыли классными досками и настенными картами. Расположились на полу у противоположной стены. Изредка что-то резко щелкало в потолке и у карнизов.

— Что это? — шепотом спросил Водовозов у Булатовича.

— Разрывные. Обстреливают нас из винтовок. Это здешние хуторяне.

Появился фельдфебель и, сказав «не вставать!», приказал всем спать не раздеваясь. Часовых сменять каждый час.

— Прапорщик Булатович — разводящий! На часах — вольноопределяющийся Водовозов, рядовые Арцимович, Мищенко, Моргунов, Тулубьев.

Когда они повскакивали, добавил:

— Без толку не стрелять!.. Даже тем, кто умеет...

Водовозов развел руками:

— Вот не успели показать! Вы мне хоть зарядите ее!

— А вот и нет, — спокойно возразил Булатович, — винтовку я вам выдал без затвора.

Назначенные в наряд вышли в соседнюю комнату, и тут Водовозов увидел, что комната забита солдатами и офицерами, еще вчера отступившими сюда.

Водовозов замолчал, глядя на далекие огни семафора.

— Что же дальше? — спросил Мирзоев.

— Эх, говорить трудно... — и эти белые, мертвые глаза палача всплыли в его памяти.

— Понятно, — Мирзоев закурил трубку. — Вчера целый ящик кепстена разбился. Ясно. То-то на мой вопрос «кто вы?» ответили не полковник, капитан или даже поручик, а художник!

Медвяный запах табака отгонял москитов, кружившихся над головой, сиреневые волокна дыма неподвижно стояли в воздухе...

— Когда меня сменили, я видел, как во двор ввели пятерых «пленных». Это были простые хуторяне, слишком близко подошедшие к школе. Утром их должен был допросить еще не прибывший командир части. Они сидели все вместе в углу на корточках в нашем классе, потому что другого помещения в школе не нашлось.

Я должен был снова идти на пост в два часа ночи. За это время Булатович мне показал, как нужно было заряжать винтовку и стрелять. Объяснил и как обращаться с наганом, висевшим у него на поясе...

Все давно спали. Пленные сидели мирно и тихо шептались. Курили они махорку. В два часа мы пошли сменять караул. На посту я услышал выстрел, но не придавал ему значения, так как стреляли постоянно и снаружи, и в школе неопытные «пробальщики». Возвращаясь, отстояв смену, обратно, я увидел во дворе распластанное тело человека. Руки были раскинуты врозь, и одна нога подогнута под себя. Вместо лица... вместо лица зияла огромная дыра. Точно скорлупа выеденного ореха...

Мне потом объяснили, что это был выстрел в упор в затылок разрывной пулей из нагана.

* * *

Это не было похоже на войну в представлении Водовозова!

На расстоянии двух верст из пушки стреляли по деревне, где из жителей никого не осталось! А если бы и остались, то всех их безжалостно расстреляли бы!

Вечно холодная льдинка опустилась к животу Водовозова, и он ясно и отчетливо подумал: «Нет, не жалко!» И страшное сло-

во «убийца» потускнело как назло, и первый раз он легко и свободно вздохнул.

— Ннну! — вдруг крикнул Булатович. — Смотрите!

Из-за горящих зданий бешено вылетали артиллерийские упряжки — одно, второе, третье, четвертое орудие!

Впереди них бежали солдаты. Орудия развернулись, и сейчас же залп потряс воздух.

— Ну, брат, — растерянно сказал Булатович, — влипли мы! Бежать-то некуда!

Застрочили в укрытиях пулеметы, но тщетно фельдфебель приказывал своим солдатам рассыпаться в цепь: впереди равномерно рвались снаряды и неуклюже продвигалась красная пехота.

Французы оставили свою пушку и, покуривая, наблюдали за приближающейся опасностью. Снаряды у них кончились. Побросав окурки, они быстро направились к берегу, за ними побежало белое воинство.

— Ну, пошли и мы! — и Булатович зашагал к морю.

Вовремя отошли все! Следующий залп накрыл школу, и она рассыпалась, как песочная крепость на пляже!

На волнах покачивалось несколько лодок, другие отчаливали от крейсера и спешили к берегу. Круглый, плотный, как резиновый мяч, звук толкнул Водовозова в грудь, и сразу же эхо отозвалось на хуторах — застреляла канонерка, бежать было уже поздно... По пояс в воде добирались солдаты до лодок, которые сейчас же отчаливали.

Водовозов и Булатович вскарабкались в одну из них уже на плаву и, переваливаясь через борт, Водовозов упустил винтовку.

— А она уж и не нужна, — равнодушно сказал бородатый солдат и повертел, точно собирался бросить в воду, но, вздохнув, поставил ее между колен...

(Далее опубликованы фрагменты рукописи без глав)

Булатович задумчиво смотрел на вино: оно чистым алым цветом посвечивало в стакане.

— Хорошее вино здесь! В Берлине эрзацы все и вино фруктовое, градуса три-четыре... а секрет в конкуренции и жадности здеш-

них торговцев, в уменьшении населения, в общем объединении страны после войны... Германия платит громадные репарации Франции, ну а приезжающие в Париж немцы стараются часть этих денег вернуть.

— Как же они это делают? — спросил Александр Иванович.

— Сейчас скажу. Наши беженцы, как узнали это, так и повалили в Париж — пожить за счет немецкой репарации, — Булатович допил вино, и предупредительный Мирза снова взялся за бутылку.

— Ну так вот. Во Франции страшный застой. Демпинг. Безработица. Маразм. Каждый лавочник старается заполучить себе постоянного покупателя, клиента. Клиент — это идол французов! Копейка — икона, которой поклоняются все! Стоит вам раза два зайти в кафе и купить там папиросы, на третий раз хозяин поздоровается с вами за руку, спросит о здоровье, о погоде, иной даже угостит стаканом вина... и предложит не беспокоиться о плате, берите в кредит, расплачивайтесь каждый месяц! Вот и постоянный клиент готов!

Булатович медленно оглядел все помещение и продолжал:

— Сколько бы вам ни стоила мастерская, но вы за нее платите, конечно, а немцы делают по-своему. Сняв квартиру, которых сейчас тысячи пустых, дают задаток и берут в кредит мебель. В соседних магазинах заказываете любые продукты, их приносят вам на дом и оставляют у дверей...

Мирза поднял руку:

— Разрешите перебить! Ты, Александр, написал своих бродяг, а чем они питаются — знаешь? Они рано утром обходят дома и берут у дверей все, что найдут там!

Булатович удивился:

— Вот не знал! У меня этого еще не случалось. самого главного я и не сказал: когда вам начинают надоедать со счетами, вы переезжаете на другой конец города — и все начинаете сначала!

— Вы — дуся! — серьезно шепнул Мирза. — Кстати, как ваше имя-отчество?

— Игорь Ростиславович, но это слишком длинно, зовите просто Игорем.

Александр Иванович посмотрел на Мирзу, и оба они расхохотались. В передней позвонили, и Мирза пошел открывать дверь.

Бригадир со своей молоденькой женой весело поздоровались с Водовозовым, и, взяв из рук жены громадную коробку, оклеенную лиловым бархатом, гость предложил:

— Вот, еще осталось у меня, бери, пожалуйста!

— Шоколад! — испуганно сказал Игорь, когда Водовозов открыл коробку.

— Это один из первых вагонов, еще до тебя, — объяснил Мирза.

— Почему он не позвонил?

— Не привык, в его квартале еще не везде есть электричество. А вот и ...!

Водовозов вышел в переднюю вместе с Мирзой, предполагая, что пришел профессор Блок. Профессор вошел вместе с незнакомой девушкой и сразу стал извиняться перед Александром Ивановичем:

— Вот, уговорила, заставила! Моя дочь! Она учится русскому языку и обязательно хотела познакомиться с вами!

Девушка протянула руку и спокойно сказала по-русски:

— Здравствуйте, господа! Извините меня и отца за наше невольное вторжение!

— Но вы ж прекрасно говорите по-русски, — чуть улыбнувшись, ответил Водовозов.

— Да, я очень стараюсь хорошо говорить по-русски, мне необходимо слышать правильную речь, — так же четко продолжила девушка.

Профессор, тихо посмеиваясь, обратился к дочери:

— Ай да бедняги! Вот тебе и бедный художник! Вот — с бродягами под мостом познакомился! Вы покажите вашу картину дочери, — попросил он художника, — она очень любит живопись!

— Да-да, конечно! — Они входили в мастерскую. Александр Иванович вопросительно посмотрел на Мирзу, и тот сейчас же откликнулся:

— Ваши компатриоты Рене Кутюрье и мадам Кутюрье.

Блок все еще изумленно оглядывался вокруг и надувал щеки в добродушной улыбке.

— У нас, французов, всегда так: русские — это или «гран дюк», русский барин, или бедный поэт, голодающий на своем чердаке! Но, конечно, такого богатства, вкуса и красоты я никак не предполагал найти!

Мирза легко толкнул Водовозова.

— А этот стол, — продолжал профессор, — сам Музагет помог устроить вам!

Девушка и жена бригадира украдкой рассматривали обстановку и тихонько перешептывались. Рене засмеялся:

— Вот любопытные какие, спрашивают, почему стены голые?

Профессор погрозил пальцем дочери и поспешно ответил за хозяев:

— Так ведь мосье Водовозофф — художник! Это его собственные произведения станут украшать стены! Но вот я вижу мольберт, на котором, вероятно, находится та картина?

Все живо обернулись. Водовозов повернул мольберт. Он иска са поглядывал, как рассаживаются гости. Бригадир и его жена неловко взяли салфетки и не знали, куда их девать. Профессор небрежно заложил салфетку за воротник, а дочка расстелила на коленях. Булатович провел по губам и положил подле себя на ска-терть.

Мирза, точно метрдотель, взял салфетку под мышку и начал разливать:

— Господа, пожалуйста, прошу вас!

Но гости чинно сидели, и никто не начинал трапезы. Водовозов приподнялся и хотел начать раскладывать закуски, но его опередила жена бригадира и живо наложила полные тарелки ви-негрета, колбас и бутербродов.

— Вот спасибо! — воскликнул Мирза. — Так выпьем же первый тост за жену многоуважаемого Рене!

Бригадир лихо «по-русски» проглотил водку и не поморщил-ся. Профессор немного понюхал и, выпив всю рюмку, закашлялся. Дамы тихо отхлебнули по глотку.

— Э, нет! — запротестовал Мирза. — Водку пить сразу, вот как! — и он плеснул в рот свою порцию. — Теперь сразу закусывать, бе-рите селедку!

— Ну, пьем бургундское, никому обидно не будет!

Булатович стеснялся своей немоты. Ему очень понравилась дочка профессора, но он считал неудобным говорить по-русски. Она первая обратилась к нему:

— Вы недавно в Париже? Еще плохо говорите по-французски?

— Совсем не говорю и отвратительно себя чувствую!

— Как вам нравится наш маленький городок? «Нотр пети Вилляж» (наша маленькая деревня), как поется в песенке?

— Красивый город. Но я привык к большим городам.

— А вы тоже из Москвы, как мосье Водовозофф? Вы тоже хужожник?

— Нет, я одессит, есть такой большой порт на Черном море... Я поэт, — неожиданно для себя сказал он.

— О! — удивилась девушка. — У вас настоящий богем здесь! Водовозов посмотрел на Игоря:

— Вот как, когда же ты начал писать?

— Пишу давно, а печататься негде! Вот если бы свой журнал основать.

— Да, журнал, — продолжал Булатович, — и не такой, какие я видел в Берлине, а более свободный, открывающий и новую советскую литературу, и молодых независимых здешних авторов.

— Вот как? — серьезно спросил Мирза. — И вы думаете, что такой журнал заинтересует? — Водовозов замахал руками, показывая на заскучавших гостей.

Мирза снова налил стаканы.

— Мадемуазель? — обратился он к девушке.

— Меня зовут Ванька, — откликнулась она.

— Как?! — Водовозов поперхнулся, а Мирза пролил вино на скатерть.

Девушка смутилась.

— Может быть, это не так по-русски? Ивонн — Иван?

Никто теперь не мог удержаться от смеха.

— Ванька... так будет Ванька — Ванюшка! — он нежно поглядел на нее.

— Ванюшка! — с чувством проговорила она. — Очень хорошо! Я так и хотела произнести!

— Ну так и выпьем за Ванюшку! — и Игорь потянулся к ней со стаканом.

— Нет, нет, уже довольно мне, — робко протестовала она, но все-таки чокнулась с ним и выпила стакан до дна.

— Вот это молодец, Ванечка, — похвалил Игорь и пожал ей руку. Она на все соглашалась, думая, что изучает русские нравы.

— А много ли вы наловили рыбы, профессор? — вдруг спросил Александр Иванович. — Я не помню: несли вы что-нибудь тогда или нет?

Ванечка засмеялась.

— Весь его улов поместился в жилетном кармане, поэтому вы не видели.

— Что так? — удивился Водовозов.

— Ах, вы не знаете, что это наш моцион, наш спорт. И чтобы не отжигивать от Сены, наш префект каждый год бросает в реку тонны живой рыбы, только большинство ее гибнет, а что выживает — уходит в море. Ну, мне надо идти на лекцию, простите меня, — и профессор решительно поднялся, — благодарен, очень рад познакомиться, надеюсь, теперь вы придете к нам, Ивонн еще посидит, с вашего разрешения, и расскажет вам, как нас найти!

Отвесив общий поклон, он вышел с Водовозовым в переднюю.

— Да, молодой человек, приятно видеть, что талант ваш находится в соответствующих условиях! Очень приятно! Только не уподобьтесь Гоголеву Чарткову.

— Я? — удивился Александр Иванович.

— Да-да, — продолжал Блок, — я очень люблю вашего Гоголя, его «Портрет» — восхитительная вещь! Так же, как и «Нос», который мы недавно изучали в Сорбонне! — и профессор вышел на лестничную площадку.

Водовозов вернулся к Ивонне и спросил ее:

— Ну а вы читали русских писателей? Вот ваш отец хорошо их знает!

— О да! — даже удивилась она. — Теперь читаю по-русски и Чехов, и Лев Толстой, и Пушкин, и Лермонтов... и Максим Горький, — добавила она нерешительно.

— А современную, новую литературу знаете? Маяковского, например?

Нет, Маяковского она не знала.

— А почитаем барышне Маяковского? — предложил Мирза. И неожиданно Булатович заговорил басом, склонившись к Ивонне:

*— Что может хотеться эдакой глыбе?
А глыбе много хочется!*

*Ночью хочется звон свой
Спрятать в мягкое,
В женское!*

— Не понимаю! — простодушно призналась девушка, а Мирза покрутил пальцем около головы Игоря.

Пока все разговаривали, Мирза успел приготовить кофе и предложил всем присесть на диван. Кофейник и чашки придвинули на маленьком столике на колесах.

— Кофе по-московски, с шартрезом! — объявил Мирза.

— Как, опять пить!? — возмутилась Ивонна. — Я только кофе!

Но Игорь ласково потянулся к ней с чашкой, и она снова согласилась и налила себе немного ликера. Наклонившись к Игорю, она тихонько спросила:

— Может ли художник нарисовать мой портрет? Удобно ли спросить его об этом.

— О, Саша! Ивонн спрашивает, можешь ли ты нарисовать ее портрет? — закричал Игорь на всю мастерскую.

Все оглянулись на него. Александр Иванович нерешительно молчал, но, заметив знаки, которые обеими руками подавал Мирза — «соглашайся, соглашайся!», — сказал:

— С удовольствием.

Ивонна зарделась и встала, думая, что художник сразу начнет ее рисовать. Машинально оправив сзади свое платье, она вдруг вскрикнула: вся рука ее оказалась в крови.

— Да это же краска! — сказал Рене.

Мадам Кутюрье всплеснула руками:

— Пропало платье!

Водовозов смутился. Это был тюбик вермильона, оставленный подле мольберта на стуле, на который села Ивонна!

Художник дал ей флакон с бензином и объяснил, как уничтожить краску. Огорченная девушка вместе с женой бригадира поднялась в ванную комнату. Каблучки сердито протопали по ступенькам, и все смотрели на алое пятно.

— Как ее угораздило! И, главное, цвет вредный такой для девушки! Отошло? — спросил Игорь.

— Отмоется, свежая ведь!

Мирза, пошептавшись с Рене, пошел с ним к себе, Игорь остался с Водовозовым. От смущения он налил себе и приятелю, и оба выпили.

— А хорошо у вас тут, — бормотал расчувствовавшийся Игорь, — и девушка хороша! Они здесь лучше берлинок!

Спустился один Мирза.

— Ну, они там долго провозятся! А вы расскажите, как попали за границу, — спросил он Булатовича.

Игорь как-то сразу прибодрился. Закурив, он откинулся на диванную подушку и задумался на мгновение.

— Да, пароход. Это был «Корнилов»... Помню, в трюм сыпали зерно, а там уже были люди! Это было как наводнение! Да, а под зерном, говорили, Врангель спрятал золото! Ночью смельчаки рылись в зерне, и слышали, что некоторые погибли в нем. Сам не видел. А есть было совершенно нечего! Нас заставили охранять ящики с галетами, ими и питались... Воды не было. Нашли и разбили ящик с шампанским, так привыкли к нему, что не пьянели даже от двух бутылок!

Вспомнив о шампанском, Булатович потянулся за вином. Мирза нерешительно налил ему.

— Нет, я не пьян, — прошептал Игорь, — только голова немного кружится, после доскажу...

Сверху сошла Ивонна в выглаженном платье и жена Рене. В это время раздался звонок, и Водовозов удивился при виде вошедшего бригадира. Так как Рене не выходил из квартиры и не мог появиться с улицы, то Игорь решил, что это ему мерещилось спяну. Не удивлялся один Мирза.

— Где вы работаете сейчас? — спросил бригадира Александр Иванович.

— На Лионском вокзале бригадиром ночных грузчиков.

— Ух, это же страшно интересно! — загорелся художник. — Можно прийти к вам поработать?

Рене с сомнением покачал головой.

— Не думаю. Хотя вы и здоровый человек, но сил у вас не хватит таскать такие тяжести!

— Да нет же! — смутился художник. — Я хотел сказать: порисовать там!

Рене снова отрицательно покачал головой.

— Это вам не Шапель⁶! Там такие бандиты работают, что от вас ничего не останется, если вы сунетесь туда! Это самая последняя ступень нищеты! Когда нечего терять, нечего есть и негде спать — человек идет ночевать на Лионский вокзал. За ночь он получает пять франков, ему не надо платить за ночлег, и он наедается на работе и еще с собой прихватывает провизии, — Рене промолчал.

— Ведь это приходят поезда для Аля, — объяснил он, — поезда, которые доставляют сыр, вино, фрукты, зелень, идущие на главный рынок Парижа. Еще привозят десятки тысяч яиц, упакованные в специальные длинные ящики, вроде гробов, очень тяжелые и неудобные для переноски... А те, что попадают в бригаду, спят на решетке у вокзала. Одна отдушина — метро. Зимой оттуда идет теплый воздух, и люди не мерзнут зимой. Ночью иногда их тревожит полиция. Полиция не документы спрашивает, а пять франков! Если у клошара⁷ есть пять франков, значит он человек и его больше не тревожат! Да! — Рене засмеялся. — Бывает, что на всех имеется единственная монета в 5 франков — и ее передают из рук в руки, показывая полиции! Ну а утром возвращаются товарищи с работы, и тогда устраивают пир... Но уже под мостом, где вы их и видели, мосье Водовозофф!

— Ага, вот как! Нет, как-то нужно нарисовать это.

— Лучше пойти ночью на Центральный рынок, — посоветовал Мирза, — а на Лионском вокзале все равно тьма, ничего не увидишь!

Рене молча кивнул головой и стал прощаться.

— Нам очень далеко, на Менильмонтан, — объяснил он, — если опоздаем на метро, то пешком очень долго идти!

— Ну, а нам с вами по дороге? — спросил Игорь Ивонну. — Я вас провожу, Ванечка!

Ночной Париж. Как всегда темновато на бульваре Распай. Огненная пелена на небе показывает путь на Монпарнас. Громко скрипя по асфальту, проносятся автомобили, и далеко слышно шарканье немногих прохожих. На скамейках отдыхают девушки, уставшие бродить, и, точно аист, дежурит на углу знаменитая одномоногая проститутка.

⁶ Шапель — фр. Святая капелла.

⁷ Клошар — фр. бродяга.

Сидя прямо на тротуаре, безглазый нищий дудел фокстрот, вставив флейту в дырку от бывшего носа. Так всю ночь дудит безносовая жизнь фокстроты на Монпарнасе, на бульваре Сен-Мишель, на Елисейских полях, на Монмартре. Открыты кабаки, рестораны, булочные, и даже некоторые магазины не закрывают всю ночь свои двери. В четыре часа утра здесь можно купить носки, галстук, а на Монмартре и весь костюм! Торгуют киоски утренними изданиями газет. Снуют продавщицы цветов и кивают вам на светящиеся окна отелей...

Ивонна сама взяла Игоря под руку, и они медленно пошли по улице. Игорь почувствовал, что она совсем не спешит, и стал слегка беспокоиться: в Париже ночные прогулки были далеко не безопасны!

Они молча прошли мимо темного Люксембургского сада. Ивонна прижала локоть Булатовича и спросила:

— Как это в русских сказках? «Направо пойдешь — могилу найдешь, налево пойдешь»?

К своему стыду, Игорь не мог вспомнить дальше.

— Ну, направо или налево? Направо дорога к Данфер-Рошро и Орлеанским воротам... Мы пойдем налево через Пон-Нёф к Лувру. Я вам кое-что покажу!

Они шли по мосту. Сена медленно лилась вниз, красные огни бакенов колыхались в воде, опрокинутые дома набережной тускло светились освещенными окнами.

— Однако у вас поздно ложатся! — удивился Игорь.

— Это только здесь, а на окраине давно все спят. Вот Лувр!

Черная громада дворца была мрачной и страшной. Они вошли во двор и направились к Тюльери.

— Сейчас покажу покус, — прошептала Ивонна.

Они подошли к кустам, обрамляющим сад. Ивонна раздвинула ветви, и черной диадемой, сверкающей тысячами огней, открылась перед Игорем бесконечная площадь. Точно в бездонном озере, отражались они на лощеном асфальте, и жутко было смотреть на эту сияющую безмолвную пустыню!

— Это Конкорд! — гордо сказала она. — Правда красиво?

Наклонившись, Игорь случайно коснулся горячей щеки девушки и невольно отпрянул. У него перехватило дыхание, и он не мог выговорить ни слова.

Ивонна еще ниже пригнулась к кустам и потянула Игоря, чтобы он мог лучше видеть. Обняв его за шею, чтобы тоже пригнулся, она что-то зашептала, но Игорь ничего не мог разобрать. Потом она быстро поднялась и, взяв его за руку, вывела из кустов.

— Эх ты, рохля! — подумал, Игорь. — Впрочем, кто ее знает, профессорскую дочку!

Они молча зашагали дальше.

— Ну вот, — задумчиво промолвила девушка, когда они перешли второй мост, — это очень красиво — и не все парижане знают об этом месте! Вам нужно идти по набережной в ту сторону, — и она указала на высокие огни Пасси.

Ни одной звезды не виднелось в открытом со всех сторон небе. Переливались бирюзовые облака, освещенные злым заревом города. Шорохи, лязги, тихие всплески доносились снизу, пятна света и огненные зигзаги крутились в дегтярных водоворотах у мостовых быков.

— Теперь я вас провожу немного, а оттуда поеду ночным автобусом.

Игорь запротестовал, но она сказала, что автобус останавливается подле дома, так что он не должен беспокоиться.

По дороге Игорь рассказывал о войне, о Крыме, о жизни в Берлине.

Незаметно они дошли до Игорева жилья.

— Ну вот, — сказал он, — теперь я доведу вас до автобуса, это наверху?

— Да, у Трокадеро. Только я очень устала! — пожаловалась она. Булатович набрался храбрости:

— Так зайдём ко мне на минутку, отдохнете. Выпьём чаю.

Ивонна молча кивнула, и они вошли в лифт.

Квартира Булатовича после мастерской художника выглядела жалкой, но Ивонна ничего не сказала и только попросила его показать свои стихи.

— Ведь я тоже пишу, жаль, что нельзя прочесть вам. В моем переводе ничего не получится!

Дрожащими руками Игорь зажег газ и поставил чайник. С ужасом подумал: есть ли еще чай и сахар?

Ивонна полулежала на кровати и болтала ногой, пока не свалилась туфля. Игорь принес чай, но она отрицательно качнула

головой, блестящими глазами следя за каждым его движением. Потом поманила к себе Игоря.

— Я, кажется, останусь здесь до утра, можно? — невинно спросила она и пальцем надавила его нос.

Неожиданный роман поразил Булатовича своей скоропалительностью, он привык к легкомыслию берлинок, но там все-таки инициатива исходила от мужчин. Кроме того, Ивонна слишком сильно нравилась ему. Булатович сильно опасался, что это ее простая прихоть после вечера у Водовозова. Такое случалось с ним в Берлине, не оставляя никакого следа в душе. Но здесь было не так.

— Или темперамент у француженок такой, или правда я понравился ей?

Она убежала рано утром, сказав, что будет приходить к нему насколько можно чаще, что у нее отдельная комната и отец не подозревает о ее ночках. «То-то же...» — усмехнулся Игорь.

Ему сегодня обязательно нужно было явиться к генералу, и Булатович так еще и не решил, что ему делать. Жизнь в Париже, встреча с Водовозовым, знакомство с Мирзой — и теперь эта девушка... Все...

В Общевоинский Союз Булатович был записан помимо его желания как бывший офицер Белой армии. Сначала он посещал собрания в чаянии встретить знакомых офицеров, он очень скоро убедился, что ничего хорошего в этом знакомстве нету. Хвастовство офицеров, что они в любой момент могут разгромить Советскую Армию, что армия большевиков никуда не годится, что Общевоинский Союз готовит кадры для вторжения в Россию, сначала поражало его своей глупостью, а потом начало возмущать. Он уже в Берлине был достаточно осведомлен о героизме и непобедимости советских войск, опирающихся на народ! Когда же Булатович узнал, что Кутепов готовит кадры диверсантов и шпионов, засылаемых в Советский Союз, он решил окончательно порвать с Союзом. И с этим твердым решением и шел сегодня на прием к генералу.

В новом доме на Елисейских полях Общевоинский Союз занимал большую квартиру на нижнем этаже. В приемной уже сидело несколько офицеров. Стены были «украшены» царскими ликами

в траурных лентах, портретами генералов Врангеля и Колчака. Булатович приготовился терпеливо ждать, так как разговоры у генерала обычно сильно затягивались.

Имя Репенина, с особой силой принесенное одним из ожидающих, невольно заставило Игоря прислушаться к разговору. «Неужели это тот, одесский?» — подумал он.

— Да и кто его произвел в генералы? — насмешливо говорил один старый капитан, Горчаков. — В Крыму он был подполковником, а величался «полковником» и командовал Железной дивизией («Да, это он», — отметил про себя Булатович)... Здесь правая рука генерала Кутепова и распоряжается жизнями наших фронтовых офицеров!

— Так неужели правда, о чем болтают? — скептически спросил молодой человек.

— Болтают, — передразнил его Горчаков, — попробуйте ослушаться приказа отправиться в Россию с заданием или даже попытайтесь выйти из Союза — вот и увидите сами, то есть, вернее, больше никогда и ничего не увидите! — И он засмеялся, довольный собственным остроумием.

Собеседник тихонько свистнул, а Булатович заерзал на диване, не зная, что же теперь ему делать.

В это время золоченая дверь кабинета отворилась, и из нее вышел знакомый молодой капитан Сорин.

— А... поручик, вот как хорошо, что вас встретил. Нужно поговорить, — и он бережно обхватил Игоря за талию. — Вы ведь недавно из Берлина? И знаете народ и тамошних русских?

— Ну? — нетерпеливо спросил Игорь, пытаясь высвободиться из цепкого объятия.

— Вот и ну! Мы с вами поедem туда, есть хорошее дельце...

«Никуда я не поеду, и ну вас ко всем чертям!» — и хотел крикнуть Игорь, но ему хотелось побольше узнать про уничтожение непослушных генералом Кутеповым.

В Галлиполи генерал расстреливал солдат и офицеров, заподозренных в большевизме, убивал, будучи в Болгарии, но потом из-за этого ему пришлось Болгарию покинуть, но тут, в цивилизованной Франции, в мировом народе, как ему здесь удавалось разделываться с нежелательными ему людьми?

Игорь узнал, что просто расстреливать здесь не приходилось, конечно. Люди в Париже «исчезали» навсегда. Никто их не разыскивал, потому что французская тайная полиция была прекрасно осведомлена о посылке диверсантов в Советский Союз, и о пропавшем человеке всегда можно было сказать, что он «исполняет поручение» или приказ генерала Кутепова! А способов убрать человека было много. В притонах во время драки нож в бок — готово дело! В каналах Сен-Матрен часто находят трупы самоубийц, среди них могут оказаться и русские... еще что-нибудь...

Ведал всем этим ближайший помощник Кутепова полковник Фарфоров.

— Вот к Фарфорову мы сейчас с вами и поедем, — закончил свой рассказ Сорин.

Фарфоров жил в крохотном особнячке в ближайшем пригороде Парижа, излюбленном русскими беженцами и мигрантами. Там так много жило русских, что называли городок Медонск. Это была старая французская обсерватория, и весь городок, находившийся на холме, окружал большой лес, примыкавший к Кламарскому лесу. Дальше леса приближались к городу и назывались лес Сен-Клю.

Домик Фарфорова состоял из двух комнаток, прихожей и кухни. Фарфоров готовил сам себе обед. Считалось, что больше всего он любил итальянское блюдо спагетти — длинную толстую вермишель, приправленную томатным соусом и красным перцем. Любил он и орехи, так, по крайней мере, рассказывали в соседней лавочке, где полковник покупал приправы.

Собственно говоря, это он создал Общевоинский Союз в Париже: куда еще не приехал Кутепов, офицеры стали собираться вокруг маленького полковника. К тем далеким временам относится рассказ, который Булатович слышал в масонской ложе «Юпитер» от Толоконникова. Кто-то из первых офицеров, вошедших в Союз, был у Фарфорова и видел искусственного человечка. Указал на маленькую розовую куколку, но полковник сказал, что это неуважительный образец. Потом он взял бритву и вспорол человечку живот. С ужасом и отвращением офицер видел, как из живота вывалились окровавленные, переваливающиеся кишки. Фарфоров вскрыл черепную коробку гомункула и показал мозг.

Извилины его были глубоки и желтоваты. Тонкой палкой Фарфороф приподнял мозговую оболочку, но тут офицер не выдержал и убежал! Замечательно, что этого офицера никто никогда больше не видел и не встречал.

Фарфорова часто встречали в отделе игрушек «Бо Марше» или «Прентан», где он десятками покупал целлулоидные куколки, все одинакового размера. Вероятно, это и создало легенду об искусственном человеке...

Фарфоров не ломал спагетти, а целиком клал в кипящую воду длинные тестяные нити, потом сливал кипяток и густо заправлял блюдо томатным соусом с красным перцем. Орехи он ловко раскалывал пополам и вынимал целенькое ядро. На столе было разложено несколько кукол. Фарфоров жадно вдыхал запах разогретого целлулоида. Осторожно разъединив половинки куколок, он набивал их внутренности горячими спагетти, а в черепную коробку вкладывал ядро ореха, так изумительно похожее на человеческий мозг! Потом он мелкими шажками несколько раз оббегал вокруг стола, не спуская глаз с лежащих человечков. Он потирал руки и похрюкивал от наслаждения. Насытившись зрелищем безмолвных жертв, он аккуратно вспарывал им животы и вываливал горячие, шевелящиеся кишки на тарелку. Это был его обед...

— Очень интересно! И для тебя как художника в особенности!

— Почему как художника?

— Там, как в театре, красочность... — Булатович засмеялся, не умея подобрать нужных слов, — ну там свечи, шпаги, всякие таинственные штуки... так они помогают людям, желающим вернуться домой!

— Ну уж это слишком! — возмутился Александр Иванович. — Там же реакционеры — мракобесы и мистики! Враги Советской России!

Игорь запротестовал:

— Ничего подобного! Там встречаются люди самых различных взглядов и очень мирно разговаривают. А председатель логи адмирал Бодаревский — культурнейший человек — стоит за возвращение на Родину и имеет связи в полпредстве!

— Ну не знаю, приедет Мирза, поговорим...

Прошло несколько дней.

Мирза все еще не возвращался. Водовозов скучал без него, терзался сомнениями, стараясь выискивать правду о большевиках. Он твердо знал, что ехать в Советский Союз необходимо.

Масоны мало интересовали его, но мысль о создании такого журнала, который сможет приоткрыть «железный занавес» для здешних русских, очень нравилась. «Вот действительно принесем пользу, даже находясь здесь», — говорил Мирза. Водовозов уже нарисовал обложку для «Брадобрея» и мысленно любовался первым номером будущего журнала, когда обложка эта — непременно красочная — воплотится.

И снова тоска заполняла его всего, опускались руки, и он не в состоянии был писать. Вспомнив о солнечном восходе на Елисейских полях, он рано утром отправился туда, решив написать большую картину для выставки.

Утренние Елисейские поля, белые, тихие, напоминали что-то морское, пляжное. Но ни моря, ни берегов не было здесь, только высокое небо и ощущение простора.

Водовозов обосновался на «острове» посередине улицы, решив, что так меньше ему станет мешать народ. Но народа еще не было в такую рань, не было и бешеного уличного движения. Он вертелся во все стороны, ему хотелось...

Поэзия

«Поэты пражского скита»

На Страгове

*Зачертит насмешиливый и оголтелый
коричневых листьев тяжёлый взлёт,
над дымом аллеи — осенний — провеет
прозрачайший ветер — летя вперёд.*

*Коричневы листья. И вот пелеринкой,
и вот, как осеннее золото кос,
прольётся из сердца — разбитая крынка —
чадящим укором в дыму папирос.*

*Подумав — не вспомнить — зачем и едва ли
поможет продолжить и вспомнить когда.
Как будто так медленно не нарастали
на горечь разлуки слоями года.*

* * *

*Мне любовью прискучили смеси,
равноценность обычных начал;
я на гвоздь свою душу повесил
и баюкал её по ночам.*

*Но из мяса кровавого свечи,
чёрным дымом сердящий свист,
мне не страшны чугунные встречи,
и во мраке я буду чист.*

*Надоевший ли солнечный разум,
опоясанный крыльями птиц, —
взлёт на небо — но только не сразу —
постепенно, как вывих ключиц.
Кто откроет мне жизни двери?
Без души — загорится ль свеча?
Я любил, потому что не верил,
и молчаньем своим отвечал.*

Стихи из сборника «Керамика» (Париж, 1925)

Посвящение

I

*Нет, ни одной строки — доколе
моя упорная душа
со звёздной карты не отколет
и в ночь не опрокинет шар.*

*Нет, никогда — доколе профиль
не выжжется в моём мозгу
и, отразившись в чёрном кофе,
качнётся — сгинув в какаду.*

*И только в прутьях клетки старой
хохол блеснёт и острый клюв —
над чашкой — золотистым паром
когтисто лапу протянув.*

II

*В почтовой конторе и сегодня так сини
глаза продащицы, но марок кайма,
но белый конверт, как за окнами иней,
и сторож, стуча деревяшкой, хромал.
По стенам — пестры — расписанья о лете,
о разных курортах, о ваннах, и там
кручёных, пеньковых и шёлковых петель
бездумье опутает по городам.*

*И так, не сегодня ли, завтра, но все же
зачем и когда, и придёт ли ответ,*

*когда такой терпкой гримасою прожил
всю жизнь — ненужных и скомканных смет.*

*Но вот перед тем, как захлопнуть окошко,
— Пора, уходите, приём до шести, —
мелькнет продавища и простенькой брошкой
как будто насмешиливо бросит — прости.*

*Как сторож, сметая обрывки в корзину,
стучит деревяшкой, и иней в окне.
Не вспомню, зачем и куда я закинул
письмо заказное, и кажется мне...*

III

*В таверне, в трюме, на столах и эстраде —
где в облаке дыма краснеет стекло,
в стекле отражаясь, я медленно гладил
залитую скатерть и призрачный стол.*

*И, дёргаясь в такт под ударами бубна,
рвался через дым, через звуки туда,
где медленно плыло норвежское судно —
на плоских обоях — в пятнистую даль.*

*Но крепкие руки у пьяных матросов.
И в щепы, и с криком летит табурет.
— Смотри, я на мёртвое судно забросил
бочонок с водою и ящик галет.
Увидишь — не хватит; не хватит, не хватит...
Я с ужасом пьяным схватился за стул.
— Поверь мне — и, скрипнув зубами, с проклятьем
с разбегу на стену и в трюм сиганул.*

*И всё разорвалось. И в треске, и в искрах
летят обгоревшие струны, смычки.
Но голос кричит сквозь солёные брызги:
— Крепчает, держись и канат закрепи!*

IV

*Когда-нибудь кто-нибудь это расскажет.
Железным гвоздём на стене
начертаны знаки в извёстке и саже —
но смысл непонятен и нем.*

*И след на печи, на гвозде — где качались
подтяжки — и где он висел,
и где, захлебнувшись, скрипели ногами
извёстка, и сажка, и мел, —*

*И где шеламутил — щемящий и серый —
и юркий такой домовый, —
смеялся, кусаясь, и пальцами мерил,
покуда он дёргал ногой.*

*На печке отдушины жёлтая кнопка —
и длинная тень на стене —
и тень домового — скользящая робко —
подалее от замерших тел.*

V

*Мне слово нежное, как бабочкина пыльца,
как трепет солнечный загнувшихся ресниц,
как будто слышится — когда не спишь и снится
далёкий профиль позабытых лиц.*

*Глаза озёрами — солёными глотками
пью мёртвым выдохом, — окаменев во сне,
когда огромный бирюзовый камень
в глуби озёр накапливает гнев*

*Чужой любви — и непохожий сколок,
глаза — как проруби, болотного окна
опаснее, и мысли частokoлом
не оградишь и не поймёшь — прогнав.*

*И слово нежное, как лживая ограда,
как лживый пузырёк, — поднявшись из глубин —
болотным насыхом — как этим сердцем прядал —
глаза озёрами, — их камень полюбив.*

VI

*Мне сегодня с грозой не тревожится,
с мокрым грохотом летнего дня.
На земле запупырилась кожица
под дождём, как копытом коня.*

*И на листьях — оранжевым конусом, —
расширяя ненужную боль,
гнулись радугой жёлтые полосы
солнца — в каплях прозрачных неволь.*

*Тогда полдня струящийся занавес
я менял на янтарный закат,
и насмешливо тополи кланялись,
окружавшие брызжущий сад.*

*Не пьянящим ли воздухом травится
след в душе и широкой груди —
когда вечером летней красавице
вместе с звёздами дымно кадил.*

VII

*Фонарных решёток узоры на стенах,
пестрят закоптелые своды таверн,
и красны блестящие камни ступенек,
ведущие к устью канала Марен.*

*Упругие ряби живого агата
податливо брызжут под чёрным веслом.
«В таверну, в таверну! Сегодня богатым
и щедрым, signori¹, я буду послом!».*

¹ Signori — ит. господа

*Спешащая тень остроносой гондолы
мелькает на зелени мокнувших стен,
и капает гулко сочащийся холод —
замёрзшая кровь обессилевших вен.*

*На чёрной воде окровавленный кокон —
краснеет, как сгусток крови, полоса,
и светят гондоле из огненных окон
таверны раскрытой ночные глаза.*

VIII

*Мне ль для тебя — сказать, так будет жутко.
Очнувшись в чёткости запнувшихся минут, —
твой мутный сон — в прорытых промежутках
засыпать строфами — горою чёрных руд.*

*Иди, иди! Проснёшься ли от боли,
от диких выкриков алтайских колдунов —
в парижских улицах, и в этом я не волен,
скалистый кряж, покрытый лесом снов.*

*И пусть покажется средь острошпицных кровель,
в покрытых лунной чешуёй стенах —
твой дым костра, во дни алтайских ловель —
в парижских улицах — размётывает прах.*

IX

*Мостков деревянных скользящая сырость,
кабинок коричневых чёрные рты.
Волна набежала на пляж и зарылась
в песок солнценосной и жёлтой икры.*

*Янтарные смолы прозрачны на досках,
и душно в бутылочной зелени вод.
У самого берега хлюпает плоско
залитый медузами тонущий плот.*

*Внизу серебрятся в корзинах макрели,
блестящие солью своей чешуи,
и медленно плещется светлая зелень —
пронзённая солнцем — далёкая ширь.*

X

*Сны — буревестники грядущих дней,
в них сила тёмная, в них чёрный пламень
сверкает заревом иных огней —
то встреч с забытыми, то именами.*

*И явь прозрачная чужих оскомин,
и терпкий привкус в ней — чужой любви,
чей рот пьянящий — нет — чей взгляд нескромен
во сне и в яви мне — о чём просил?*

*Мы полусонные, мы только дети —
во сне мы любим всех, но наяву
одну из тысячи — и не отметим —
и не откликнется, и не зову.*

*Но только в комнате на третьем часе,
когда навалится кошмар на грудь, —
мы виноватые, мы перекрасим
в душе разлуки все — на слово — путь.*

XI

*На сцену, на сцену — момент — но и только!
Познав раздвоённости белых ночей
так бешено мчатся за призрачной ролькой,
для этих — любимейших — всех и ничей.*

*И, круг замыкая сверкающей рампой,
под занавес спущенный хлещет партер,
сыграть, и в последний, как будто в эстампе
застыв, — изумить простотою манер.*

*А дальше не надо, а дальше любимей,
нежнее, спокойнее и горячей
для тех, кто зачертит из огненных линий
мой образ единственный — всех и ничей.*

XII

*Вот — выжатый день
стелет мокрый покров.
Крот роет тень —
мост через ночи ров.
Гам заскоруз и стих,
рыхлой осел стеной,
там через звёздный вихрь
спину согнул другой.*

*Врёт, кто из жизни сна
делает день забот, —
сот омертвевших дна
трогать не должен тот.*

*Мне через сон — в садок —
рыбой ленивой жить.
Гнев — это плеснь богов,
радость — как волчья сыть.*

XIII

*От изумленья тихо ахнул —
так выросла, ужель...
И садом в комнате запахло
от кончиков ножей.*

*Но фрукты на столе лиловей,
краснее и еще
янтарных виноградин брови
шепнули — не прощён.*

* * *

*Но только памяти пробел,
как в окнах ключья сада,
мне шалью душею надел,
как поцелуй — в награду.*

*Не виски ль с содой? Иль ножей
проржавленных нам пару?
Дуэль?! На сколько этажей
проклятие попало!*

*Удар повиснул на стене,
застряв между кирпичин.
Ах! станет ли душа синей,
когда всё безразлично...*

*И так испуганно ушла,
а сад весь искалечен.
В наследство мне остался шрам
и память губ и плеч её.*

Сборник стихов «Чаша» (Париж, 1936)

* * *

*Бессмысленный и невозможный день.
Без передышки всяческая мука.
И человек, и человека тень,
И рядом с звуком — отраженье звука.
А вечером, в десятом этаже,
Где потолок в лиловое окрашен,
На переломе, на ночной меже,
Мы вспоминаем о любви и чаше.
Какой любви и чаше?! Берегах,
Наполненных голубоватым морем,
Иль о хрустальных, тоненьких краях
Бокала, источающего горе.
Мы всё равно судьбы не переспорим.
Огромная, незрячая, она
Стоит неумолимо у порога,
Не покидает нас во время сна,
Сопровождает в каждую дорогу.
И мы глоток короткий за глотком,
Не отрываясь, поневоле пьём.*

Любовь плывёт

*Тихо разлилась моя любовь
По светлым полям спокойной души.
Как бурный водопад была любовь —
Свергаясь с высот непреступных гор.
Лёгкой рекой плывёт любовь,
Волны упругие держат груз,
Не дают потонуть кораблю души —
В твоё сердце плывёт любовь моя.*

* * *

Ты сегодня не скажешь по-прежнему робкого «нет».
И раскроются губы твои не для слов — поцелуя,
Будет медленно длиться и литься — и тысячи лет
Обгорать — и обжегшись — на воду не дую.
Только спазмам души — и новых не выдавить слов.
Каруселью вертятся, кружатся и падают стены,
Будет счастье такое — огромный, гремящий улов,
И любовь, только ты, без конца и без смены.
Подходи, залетай — мы не знаем распутаться как —
Этот вихорь клубящийся, ливень сверканий в пустыне,
Этот душевный и огненный, молненный мрак,
Он, не требуя, жжёт и не стынет.
Обессилевших слов ликование в нерудной лапте
Перекинь, улыбаясь, но всё же ещё не начало,
Сколько новых исполнится вечером наших затей,
Сколько радостей редких в весёлых печалях.
Не трудись узнавать, торопясь в недоверие душ,
Близок локоть, — когда и его не укусишь,
Бей, буянясь — и душевные стены обрушь,
Из обломков мы выстроим новые души.
Папиросы ломаются в пальцах — и сохнет во рту,
Этот круг между нами, этот стол, этот ужас преграды.
Капитаном я буду на нашем волшебном борту,
И на мостик — вдвоём мы и выше — останемся рядом.
Погляди сквозь расщелины светлых прищуренных век.
Видишь — солнце огромное виснет на чёрных ресницах.
Я сегодня корабль, как сердце, как жизнь рассек,
И любовь будет длиться, и длиться, и длиться.

* * *

Какая радость — не любить
И целовать, не зная боли,
И глаз, и губ горячей соли
Вкус чувствовать, вбирать и пить.
И знать — я буду не последний,
Но след останется в тебе,
Моей кощунственной обедни —
Неизгладимый, горький след.
Куда тебе про это угадать,
Когда мы весело простились прошлым летом.
Я болен снова, я люблю опять —
И снова радостно тянусь за пистолетом.
Сказать тебе любимые слова,
Но сколько муки в этом слове — Лида!
Ещё одна прочтённая глава
Грозится мне смертельною обидой.
И так легко писать тебе стихи,
Смотря в глаза и глядя эти руки.
Ты понимаешь: может быть, мы спим,
Но мы проснёмся в час земной разлуки.

* * *

Приди, не думай и любви,
Смотри в глаза, приближая губы.
А сердце мчится голубем,
Экспрессом — быстрым и упругим.
А в сердце ширятся слова,
Растут, как волны в новолуние,
Как гром, как вихрь голова,
Когда тебя я целовал.
А в сердце радость и тоска.
В твоих глазах моё желание.
К чему бессмысленное знание.
Бессмыслен черепа оскал.
Но только помни навсегда:
Моя любовь горька, как травы —
И чёрная течёт вода
В душе, наполненной отравой.
Но только знай: сотрутся строки,
Погаснут и умрут года
И встану я — пройду высокий,
Неповторимый для тебя.
И вспомнишь: кто-то целовал
Твои податливые ноги.

* * *

Какие чувства испытать?
Что нового ещё на свете?
Чьи суеверные приметы
Опять мне суждено узнать?
Паук спустился по стене,
Там мышшь скребёт — плохие вести.
И, стиснув зубы, онемев,
Всю ночь не сплю на новом месте.

* * *

*Искусственность теперь не в моде,
А суеверье не по мне.
Мои стихи, где боль и гнев,
Давно заброшены в комод.
И равнодушнее влекусь
Ко всяким новым испытаниям,
Люби и грусти терпкий вкус
Сменили опытность и знанье.
Не пробую и сгорая
Сойти с наезженной дороги,
Где все прекраснейшие ноги
Однообразны, как печаль.*

* * *

*Катилась жизнь — тяжёлые года,
Неслись вприпрыжку лёгкие недели,
Менялись пыльные, как небо, города.
Менялись дни — мои часы бесцелья...
Текла вода, и облака бывали,
Такие лёгкие небесные дома.
Там, может быть, свои собаки лаяли,
И вечером плыла своя луна.
Но я ушёл, быть может и не быть,
А только снился длительный кошмар,
Как пыль и дым, блестящий мыльный шар,
Мгновенно отразивший небо.*

* * *

*Весна в снегу — и стены зеленеют.
Моя душа — сгоревшая звезда.
Так смерть придёт и медленно обменяет
Сырую комнату на лучезарный зал.
И жизнь, и смерть — равно меня не ранит.
В одной начало — ожиданье сна,
В другой предчувствие тянется ночами —
Торжественная смерть — весна.*

* * *

*Опять — который раз — и снова первый —
Неповторимый и всегда знакомый взгляд...
И снова сердце бьётся наугад,
И к новой снова слепо мчится стерве.
Но, может быть, я этому не рад,
Но, может стать, действует на нервы —
Любовь вчерашняя берётся напрокат
У жизни-сводницы — иссохшей и манерной.
И каждый раз мне сердце холодит
Озноб, седлающий забившееся сердце:
А где-то выше громоздятся льды —
Любви, которая сильнее смерти.*

* * *

Глотаю дым и задыхаюсь в ливне
Чужих, наскучивших и омертвевших слов.
Что мне сказать, когда любовь, как бивни,
Бьёт в эти стены каменных оков.
Разбить любовь, как разбивают стёкла.
Когда б в диковинку и эта ревность мне!
Душа, душа — она уже поблёкла
От скучных слов, растаявших в вине.
Ещё о чём? Какие нам приличья?
В твоей душе гуляю, как в саду.
Пригнулась к столику, испуганная, птичья,
Свою любовь ненужную задув.
И все слова — наскучившие бредни;
Что скажешь ты, всё ложью опишишь.
Вчерашняя любовь — безвредна,
Как после выстрела перегоревший пыж!

* * *

Мне снова кажется (когда бы повторилось!):
В зеркальном шуме дымного бистро —
Базары сонные далёкого Каира
И жёлтой заводи отяжелевший рог.
И в узких улицах (когда б не эта рама!)
И солнца жар (холодное стекло!)...
В дыму зеркал блестят вершины храма
И эта площадь — потускневший стол.
Но встать нельзя: просижены диваны,
Кто здесь свершит полуденный намаз?
Когда копьём простая ложка ранит
В предсмертном стоне увидавших глаз!..

* * *

Обои розовы — и двери расписные.
Коричнев пятен омертвелый лёд.
И одинаково — убоги и хромые —
И столик письменный, и стула переплёт.
Писать, писать... Но «муки вдохновенья»
Как муки призрачной, обманутой любви.
Мне не дано блестящего уменья
Играть в таланты, и любовь, и сплин.
Я только кашляю — и, может быть, умело
Владею насморком и гриппом иногда.
Мои цветы любимые — омела —
Мне помогли долгие года.
Но вечер розовый размазался по крышам.
И в синем зеркале мгновенное лицо,
И мой двойник — куда сегодня вышел?
Душа запуталась каким ещё концом?

* * *

Разнообразие не в счёт —
Я смысл чувствую не в этом:
Всем одинаковый почёт
На простынях моих согретых.
Но страх ползучий по ночам
Меня охватывает редко —
И громко мог бы я кричать,
Крепка моя грудная клетка.
Кричать, и петь, и веселиться,
Закрыв глаза и мёртвый рот.
Упорно знать, что это снится,
Упрямо двигаться вперёд.
Когда же медленный рассвет
Начнёт в окно тихонько литься,
Тогда я перестану петь,
И первая заплачет птица.

* * *

*Поэт, как женичина: рождаются в ночах
В тяжчайших муках дети вдохновенья.
И страшным голосом он в тишине кричать —
А люди называют это пеньем.
Когда за окнами ворочается тенью
Огромный груз проснувшегося дня,
Ещё одно веками длится пенье —
Мгновенный стон, предчувствие будя.*

* * *

*Последний свист — гремящая стезя.
Я не напрасно в эту жизнь поверил.
И слово горькое (его забыть нельзя),
И гром, и блеск, и дым дебаркадера.
Лететь бульварами в знакомые места:
Вчера, вчера! О сколько лет осталось!
Кто о любви далёкой не мечтал,
Играя в робкую, покорную усталость.
Окно высокое, и на защёлке дверь,
С прощальной ласковостью думая о новой,
Любить далёкую, но целовать теперь —
Глаза знакомые и неродные брови.*

* * *

Дымится пуни, и чарочки литые
Блестят прозрачною и тёмной желтизной.
О, если б мне сказали и другие:
Вернётся вечером покинутая мной!
Но ночь пройдёт — и комната остынет,
И в сером сумраке — туманное стекло,
На подоконнике стаканы и пустые
Бутылки мокнут обнажённым дном.
Сквозь занавески небо голубое
И крыши чёрные просвечивают мне;
Свети, свети: когда глаза закрою —
Твои глаза увижу я во сне.
И снова вечером — и будет ли начало
Или конец, приснившийся когда?
Но не узнать: куда меня умчала
Душа, сорвавшаяся в чьи-то бездны сна.

* * *

Мурлычет кот — уют мецанской были.
Бренчит посуда на большом столе.
На полке ряд, под покрывалом пыли,
Старинных книг хозяйственный совет.
И блики ржавые — кастрюльная отрада:
Пылает печь для чьих-то именин.
Хозяйка, красная, уже сама не рада —
И где-то снова напраказил сын.
И ровно в семь вопящая орава
Ворвётся в сад и комнатную чинь.
Отец молчит, хотя крутого нрава,
И только шёпотом: «Цветы не опрокинь».
Но поздно вечером зевается так сладко —
И в белых простынях так мягко утонуть...
К усталой матери, запутавшийся в складках,
Прижался маленький и жадно ищет грудь.

* * *

На вертел низжуются и заяц, и коза.
В хрустальных гранях отсветы и пламя.
Забывать, не думать, то, что предсказал
Колдун и шут — наш собутыльник пьяный.
Колдун и шут с угрюмой бородой:
Колпак трезубый над трезубым троном.
С каким насмешливым и злым укором
Он тряс своей звенящей головой.
Отыгранная роль — не женщиной, не смертью
Соединить отпавшие года:
Когда бы правильно он карты сдал,
Как мысль, козой, нанизанной на вертел.
Единый миг и с женщиной, и в смерти.
Единый миг — и длящийся века.
Струной единой звуки извлекал,
Единой мыслью, нанизанной на вертел.
Но шут уполз, и дремлет наш король.
Потухло пламя в очаге дубовом.
И умер я — отыгранная роль.
И шепчутся в углях о жизни новой.

Октябрь

*Прикуривали не спеша —
Со временем всему научим.
И хрипло паровоз дышал,
Вагонные напружив кучи.
Дым стлал без ордера ковры,
И пили водку без отдачи.
Врывалась в щели пыль — и рвы
Внизу просачивались к дачам.
Скрипели стены — и когда
Штыками лязгали о прутья,
Один подажливо рыдал
В своих заношенных лоскутках.
Другой смеялся — и сквозь сон
Цедил, как через сито, будни —
И к рыжей бороде присох
Окурок, брошенный лахудрой.
Ползла взъерошенной змеей
Земная медленная скука,
Однообразно кто-то гукал
За тонкою своей стеной.*

* * *

*Раствори вдохновением стужу ушедших ночей
И в спокойствии ясном — улыбнись и скажи откровенно,
Что неистовость прежняя зря — и ничей
Оголтелый закат дожидается новой измены.
Что тропинки в лесу — это только казалось нам —
Приведут к заколдованным огненно-рыжим полянам.
Перечесать — и по пальцам запомнить, что были года,
Не года — а минуты, упавшие в памяти ямы.*

* * *

*Ты не одна. А здесь забиты ставни.
Рассвет молчит, забросив черновик.
Каким себя великолепным камнем
Перед тобой могу вообразить?
Валюсь в ночи. Ты, верно, ошибалась.
Не болен я. И ночи тоже шалы —
Но я сейчас не сумасшедший ведь.
И равнодушие, когда бы ты устала,
Как эти звезды таяний во льду —
Когда ещё не писанным уставом
С твоей души, как с крыльев, пыльцу сдул.*

* * *

*С какою радостью встречал,
Обманывался, веря на «поди».
Припоминая сгоряча,
Как солнце стыло там, на западе.
И воздух стыл — сплошной озноб,
Деревьев тени плыли наискось.
Из всех намеченных дорог
Какую выбрать, не раскаявшись?
Как заблудиться не любя —
В лесу знакомом и приученном?
Закат — он существует для
Любимейших и неразлучных.*

* * *

Рассвета метровый поток,
Не время ль бросить папиросы?
Окурки в комнате утёсом
Загромоздили потолок.
Бумаги ширятся поля,
И лепятся чернила газей —
Когда стихи, как тополя,
И рифмы вымазаны сажей.
Когда покажется лицо
В испуганных зеркал осколках,
И чутким ухомловишь цок
Игрушечных копыт под ёлкой.
Когда не свечи — только гарь —
На хвоях не хватает масок,
Когда не в музыку — ударь
По клавишам чугунных касок...

* * *

Декабрь. Рождество без снега и без ёлки.
Но фонари по-прежнему высоки.
По авеню — не улицам — проходят
Чужие, торопящиеся ноги.
Не пахнет Рождеством, не пахнет ёлкой —
Перегоревшими свечами, хвоей.
Чем заменить подарки и бруснику
И стон восторженный проснувшегося сына?
Чем заменить? Какая смерть поможет?
Метро, быстро и уличная девка...
Свет рыжий заливают сердце,
Игрушки чуждые и чуждый разговор.
...Сочельник. Лёгкий скрип по снегу.
Лиловый сумрак. Серые глаза.
Чем пахнут снег и губы на морозе?
Как высказать тебя, любовь?

Увидим

Чьи-то встречи — и опять... как было.
Воздух жаркий — это пыль в метро.
Здесь светлее — Она выходила
Лестницей выше — и лифт, как дом.
И опять по-прежнему скажет —
И промолчит — что ж еще?
Если губы и душа в саже,
Если снова потерян счёт...
Было, будет: в салазках дети,
Снег, сугробы, льдистый путь.
Где, когда, на каком на свете...
Пыль в Париже — метро и муть.

Урок

Лестницей, ступеньками
И амфитеатром
Деревяннотенькают
Парты, стоя рядом.
Что мне откровенья
Этих чёрных кафедр?
И каким уменьем
Белым станет кафр?
Ах, как в этой Африке
Сонно и пустынно,
Полушарий картами
Зреют апельсины.
Пыльным тянет голосом
О реке Замбези,
О торговле коксом,
Мылом и железом.
Липнет стрелка модная
К цифрам циферблата,
На лице — победная
Пластырем заплата.

* * *

*Стих мой волен, и легка походка.
Я сюда пришёл издалека.
На пути моём, пути коротком,
Встретится широкая река.
Чувствую — не плыть, не переплыть мне.
Кто мосты мостит мои во сне?
Кто мне стелет золотом и житом
Узкую последнюю постель?
Эх, легка рука (рукав засучив) —
Вот немножко шире бы в плечах —
Размахнуться (это ль случай?) —
Повернуть в обратную рычаг.*

* * *

*Пружинясь — ловишь спугнутое слово,
Густеет мысль, густеет свет в душе.
Сосредоточено в моём карандаше
Усилие невиданного лова.
Но крепки нити тёмного покроя —
Воздвигнут прочно заострённый шест
Ушедшего, уже чужого слова.*

Публицистика

Современная живопись М. Ларионова

В Третьяковской галерее, в зале номер 25, целая стена занята картинами Михаила Ларионова. Висят его картины и в Ленинградском Государственном музее Русского искусства, и во многих музеях больших городов СССР, как, например, в Харькове, Воронеже, Вятке...

В Европе произведения Ларионова приобретены Альберт-Виктория Музеем в Лондоне, музеем Австрийской национальной библиотеки в Вене, музеем Парижской национальной оперы и в Америке — музеем Гарвардского университета.

Но, несмотря на столь значительную художественную деятельность, М. Ларионов принадлежит к числу художников, мало известных широкому кругу нашей публики, а между тем это один из наиболее крупных мастеров новейшего русского искусства, имя которого часто упоминается как в СССР, так и за границей. В большом труде, изданном Государственным Русским музеем, в томе «Материалы по истории русского искусства» немало страниц посвящено М. Ларионову. С его именем связаны первые бои за новую, более высокую культуру живописи.

Начало художественной деятельности Ларионова относится к 1898 году. В его ранних вещах уже можно было усмотреть большую художественно-революционную волю, которая впоследствии сделала Ларионова главой новой школы.

В Париже Ларионов выставляется впервые в 1906 году (историческая ретроспективная выставка русского искусства, Осенний салон в Гран-Пале). Непосредственное живописное восприятие Ларионова — основа его дарования. Благодаря этой исключительной непосредственности, формальные западноевропейские влияния перерабатываются в художнике в национальную традицию. Импрессионизм Ларионова самобытен, это характерная его особенность. Он сумел связать французский импрессионизм с русскими живописными традициями. В то время как очень многие из его современников, русских импрессионистов, дают повод для сближения их с немецкими или скандинавскими импрессионистами, Ларионов такого сближения не допускает, более того, несмотря на всю

свою близость к французам, Ларионов в своих импрессионистических вещах характерно отличается от них особым русским лиризмом. Это относится к периоду ларионовского импрессионизма до 1906 года. С этого момента у него начался период синтетического обобщения: форма и цвет, увлечение народным искусством и затем, начиная с 1911 года, период беспредметной живописи (лучизм), о котором Гийом Аполлинер писал в 1914 году в «Суарэ де Пари»:

«Рядом с Наталией Гончаровой — М. Ларионов внес не только в русскую, но также и в европейскую живопись новую утонченность: «лучизм». Здесь свет, создающий произведения искусства, достигает того, что выражает чувства самые утонченные, самые странные, самые жестокие — современного человечества. Искусство Ларионова открывает личность необычайно сильную, которая достигает того, что выражает оттенки чувств и чувствований, испытанных художником, с могуществом, которое делает из его светозарного искусства, крайне сжатого и точного, чудесное эстетическое открытие, и некоторые из его произведений неизбежно должны быть привиты как вклад в современную живопись».

В 1908 году, в Москве, Ларионов подчеркивает самостоятельность русских художественных традиций и разворачивает широкий фронт в борьбе с городским, зараженным западным влиянием искусством — во имя переработки народных форм и традиций, и эта борьба органически вытекла из всего ларионовского прошлого, она обусловлена сущностью его дарования. Вот почему ларионовский импрессионизм нам особенно дорог: он связывает живописное прошлое русского искусства с новейшими живописными течениями. От Ф. Васильева и Сурикова через Ларионова идет преемственная живописно-реалистическая традиция.

В Париже, где Ларионов безвыездно живет уже 32 года, он, главным образом, работал и продолжает работать для театра. Будучи другом Дягилева и близким его сотрудником в создании новых балетов, Ларионов вместе с Н. Гончаровой, Стравинским и Прокофьевым дал цикл новых и совершенно оригинальных русских балетов, в которых принимал участие и в составлении либретто, и в создании хореографии («Шут» — Прокофьева).

В русских балетах Дягилева Ларионов и Гончарова всегда настаивали на русской и народной стороне балетов, опираясь

на русское народное творчество, стараясь его представить в обновленном и живом виде — понятном для зарубежной публики. Достаточно упомянуть несколько балетов, известных всему миру, сделанных Ларионовым и Гончаровой: «Золотой Петушок» Гончаровой, «Русские сказки» Ларионова, «Ночное солнце» (из «Снегурочки») его же, «Свадьба» Гончаровой, «Шут» Ларионова. Все это показало миру самобытность и значительность русского балетного и декоративного искусства, и в этой области русские остались до сего времени неоспоримо непревзойденными.

Благодаря всегашему стремлению Ларионова к обновлению балета и новаторству, по его настоянию были привлечены к работе в балете такие мастера, как Матисс, Пикассо, Брак, Дюфи, Дерен, Утрилло. И русские балеты Ларионова и Гончаровой в этом соседстве блестяще доказали превосходство русского театрально-декоративного искусства. Западные художественные критики писали, что русские выучили их новому пониманию и новым формам, которых они не знали раньше. В этом русском качестве мы не порвали связи и традиций с той работой, которая происходит в Союзе, и последняя выставка макетов театров СССР в Лондоне, имеющая громадный успех и правильно оцененная англичанами, доказывает, что предыдущие работы наших художников за границей подготовили западного зрителя к восприятию последних достижений советского театра и тем способствовали проникновению в европейские массы идеи, что русский народ побеждает не только на военном фронте, но и на фронтах искусства.

Журнал «Земля» №2

Глаз и... мороженое

Раньше очки назывались окулярами. Слова «окуляры», «окулисты» — врачи по глазным болезням, термин «окулировать», то есть прививать на диком растении почку-глазок культурного растения — произведены от латинского «окулюс» — глаз. Но наше око — древнее русское слово — более старое, чем слово глаз. Оно отмечено еще в Остромировом евангелии 1056 года.

От ока получилось окно и, видимо, рыба окунь, потому что у нее очень большие глаза! Очевидец, очевидно, судебное выражение «очная ставка» явно произошли от «очи».

Нужно отметить, что до революции в России не существовало заочных университетов, хотя слово «заочно» было. Теперь тысячи людей учатся заочно, и появились новые слова — заочник, заочно окончить школу. Ясно, что в противовес «заочным» должно было родиться новое название — «очные» учебные заведения.

Известно и слово «очковтирательство». Получилось оно от старого выражения «втирать очки», в смысле обманывать, жульничать. Но здесь под «очками» подразумеваются точки, нанесенные на костяшках домино или игральных костях. Шулера умели с помощью специального порошка втирать новые очки на картах и таким образом надувать партнеров.

Очень интересно происхождение слова «глаз». Впервые в русской письменности встречается оно в Ипатьевской летописи 1114 года.

«Егда будет туча велика и находять дети наши глазки и стеклянны и малыи и велики повертаны, а другие подле Волхов беруть еже выполаскывает вода».

Слово «глазък» в то время обозначало блестящий шарик. Можно подумать, что здесь «глазки» означают град. Слово град, в значении атмосферных осадков, отмечено позднее — в Новгородской первой летописи 1157 года: «Град же яко яблоков боле».

От слова «глаз» в русском языке производные: «глазок» — почка на дереве и проросшем картофеле. Глазком называют окошечко в двери. Яичница-глазунья, выражение пялить глаза, глазеть, сглазить, глазомер...

Примечательно, что в немецком, английском и французском языках «глас, глаз, глас» обозначают блестящие вещи: зеркало, стакан, бокал.

И еще блестящие вещи получились от «глаза»: глазурь — немецкое слово, попавшее в русский язык, вышитая серебром парча — глазет. У Пушкина в «Капитанской дочке»: «Я застал у него одного из городских чиновников... в глазетовом кафтане».

А что общего между глазом и мороженым? По-французски «глас» (они мягко выговаривают «глас») значит мороженое!

«Алтайская правда», 8 июня 1963 г.

О жалюзи и ревности

Разберем эти тесно связанные слова — жалюзи и ревность. Жалюзи — оконные шторы из плоских пластинок, заменяющие ставни. «Жалюзи» — по-французски значит «зависть, ревность», и окна французы закрывали, чтобы никто не подглядывал в них. Попутно заметим, что глагол «ревновать» образовал два таких несхожих существительных, как ревнивец и ревнитель. У Пушкина в «Руслане и Людмиле»: «Ревнивец: бойся, близок час», но в «Критических статьях о Вольтере»: «Пылкий Дидерот есть самый ревностный из его апостолов». Раньше в России существовало общество ревнителей изящной словесности, были ревностные чиновники, а когда у нас устраивают соревнования, то уже не помнят, что соревнование тоже вышло из «ревности». Слово известно с X века и значило еще «ссора, зависть, желание, стремление». Позже оно стало обозначать и подражание. Ломоносов писал: «Ревнуйте нашему примеру».

Чтобы понять полисемичность слова, нужно знать, что происходит оно от латинского «ривалис» — соперник: ведь и супружеская ревность — это боязнь соперника! И в соревновании тоже стараются опередить соперников.

*...это с простынь,
бессонницей
рванных,
срываться,
ревнуя к Копернику,
его,
а не мужа Марьи Ивановны,
считая
своим
соперником.*

Интересно, что слово «жалюзи» не сразу вошло в русский язык: оно не отмечено ни в петровских вокабулах, не встретите вы его ни у Пушкина, ни у наших классиков, хотя Даль уже отме-

тил его и по свойственной ему нелюбви к иностранным словам предлагал заменить русскими «просветками» или «затинниками»... Но потом слово исчезает, и в словаре Преображенского оно не зарегистрировано. Стоит указать, что в «Академическом словаре русского языка» издания 1961 года к слову «жалюзи», вопреки традиции, литературного примера не приведено!

«Алтайская правда», 22 мая 1965 г.

О чуваках и чувихах

Корней Чуковский в своей книге «Живой как жизнь» приводит несколько вульгаризмов из языка молодежи: фуфло, шмакодявка, хахатура, шикара, кадрашка, лабуда, забуреть, железно, потрясно... Но если выписать выражения молодежи, встречающиеся в современных романах, то получится, действительно, «потрясно»!

У Ю. Нагибина («Человек в дороге») разговаривают шофер и случайная пассажирка:

«А для чего ж ты ехала? — спросил ее Бычков. — Башли, что ль, зашибать?»

В романе В. Кетлинской («В осаде») герой жалуется: «...принес справку без печати. Муровая справка!»

В книгах о студенческой молодежи больше всего встречаются «блатные» словечки и выражения. Например, в повести В. Ажаева «Предисловие к жизни» Борис говорит: «Не имеешь права бухтеть», «механики способны мурыжить любую рационализацию»... А у А. Эрлиха в «Молодых людях» приведено много таких словечек: чувиха — девушка, а парень — чувак. Деньги — габони, плохой — лажевый, а лабать — играть.

Разговор в гостях: «Законно сидим, кушаем, и не что-нибудь, а коньяк, у родственников в гостях стырил». Тут замечу, что «кушать» в смысле пить говорили и в старину: «Выкушайте чарочку!»

Провинившийся студент боится, что о его проступке напишут в университет: «тогда — локш». Слово это встречаю впервые.

Прекрасный советский писатель Борис Лавренёв в 1959 году, незадолго до своей смерти, писал в автобиографии:

«Я люблю живой народный язык, берегу его чистоту и борюсь за нее. Мне физически больно слышать изуродованные русские слова: захоронение вместо «похороны», «глажка» вместо «глаженье». Зачитать — вместо прочитать или прочесть. Люди, которые так говорят, — это убийцы великого, могучего, правдивого и свободного русского языка, того языка, на котором так чисто, с такой любовью к его живому звучанию говорил и писал Ленин».

«Алтайская правда», 10 июля 1965 г.

Удивительное число

С древнейших времен у всех народов, во всех странах мира цифра семь играла исключительную роль. Она проникла во все области жизни, встречалась в пословицах, поговорках, сказках, легендах, литературных произведениях. Сейчас уже никто не считает это число таинственным, загадочным. А было время, когда индийская философия учила, что Вселенная состоит из семи элементов, в древнем Египте думали, что Солнце и все небесные светила поднимаются по семи лестницам и проходят семь ворот. Древнегреческий философ Аристотель утверждал, что небо состоит из семи кристалльных сфер, и самая главная — высшая седьмая сфера, «седьмое небо». От тех времен и осталось выражение — «быть на седьмом небе».

Задолго до появления Библии в древнем Риме праздновали Сатурналии в течение семи дней, и это вошло в легенду о сотворении мира.

Конечно, «семерка» раньше всего проникала в религию: семь смертных грехов, семилучевая звезда в церковном венце, семи-свечевый светильник в храмах, в Библии — семь тощих коров, пожравших семь коров тучных, и т. д.

С этим числом мы часто встречаемся и поныне — по совпадению и в силу привычки «округлять» до семи.

В физике: в спектре — семь основных цветов (радуга!).

В музыке — семь звуков — нот. Семиструнная гитара.

В истории: Семилетняя война XVIII века, в которой принимали участие семь стран. Семибоярщина на Руси в XVII веке, захватив-

шая верховную власть. Семь городов в Греции спорили о месте рождения Гомера. Москва и Рим расположены на семи холмах.

В литературе: у Пушкина в «Мёртвой царевне» — семь богатырей. У Некрасова:

*На столбовой дороженьке
Сошлись семь мужиков.*

Знаменитая повесть Леонида Андреева называется «Рассказ о семи повешенных». У Чехова в «Жалобной книге»: «Хоть ты Иванов седьмой, а дурак!».

В быту говорят: семижилый человек. Лучшие керосиновые лампы были семилинейными. В шутку говорили: «Семь верст до небес — и все лесом» или «Сыпь, Кургузка, семь верст до Курска!»

Число это встречается во всех народных сказках мира. Во Франции, Англии и Германии — семимильные сапоги. Семиглавый змей фигурирует всюду. Портняжка, который одним махом семерых побивахом. У семи царей по семи дочерей.

В романе Льва Квина «Звезды чужой стороны» приведена венгерская присказка: «За семью странами, за семью океанами, где стоят семь печей без боков и семьдесят семь старух выпекают семьдесят семь пирогов». У нас: за семью печатями, за семью замками.

Пословицы: «Семи смертям не бывать, а одной не миновать», «С одного вола семь шкур не дерут», «У семи нянек дитя без глаза», «Глухому семи обеден не служат», «Семерицею воздать», «Семь пятниц на неделе», «Семь дураков одному умному не равны», «Семеро одного не ждут», «Семь раз отмерь, один раз отрежь», «Семь бед, один ответ», «За семь верст киселя хлебать», «Седьмая вода на киселе», «Семи пядей во лбу». Поговорка: «Один с сошкой, семеро с ложкой».

В древнерусском языке семерка имела специальное обозначение: семина — равняющаяся семи годам, и семица — число, состоящее из семи: «семицею семь раз» — то есть сорок девять!

Интересны народные поговорки о полах: «Поповское брюхо из семи овчин сшито», «Дьяк семь раз украдет, а восьмой попу даст».

В загадках: «Семьдесят одежек — и все без застежек» — лук, капуста; «Семеро братьев в одной горнице» — горох.

Самое же замечательное событие, связанное с этим числом: у нас в 1921 году возникла общеобразовательная средняя школа — семилетка!

В 1959 году был принят семилетний план развития народного хозяйства СССР — «семилетка», которая в этом году завершится.

И наконец, трудящиеся всего мира празднуют годовщину Великой Октябрьской социалистической революции 7 ноября, и она свершилась в 1917 году!

Мне кажется, что еще нигде не были собраны в одном месте все эти совпадения, связанные с числом семь! А ведь это интересно.

«Алтайская правда», 11 сентября 1965 г.

Можно ли коллекционировать слова?

В номере 29 нашей газеты была помещена статья Д. Каца «Это не чудачество», в которой автор рассказывает о клубах филателистов, бонистов, нумизматов и даже филуменистов — собирающих этикетки спичечных коробок...

А вот в московской школе-интернате №16 давно уже открыт клуб «любителей русского языка и литературы». Члены клуба тоже «коллекционируют», но не марки или монеты, а слова.

Охраняя родной язык, они стараются говорить без ошибок, правильно ставить ударения, выразительно читать, следить за своей речью и учить этому других.

Для того чтобы каждый школьник хорошо знал родной язык, полезно во всех классах вывесить списки слов, ударения в которых чаще всего ставятся неправильно. А таких слов наберется больше сотни! Постоянно видя их перед глазами, ребята невольно запомнят эти слова и как правильно их произносить.

В младших классах, где дети уже научились писать, следовало бы вывесить крупно напечатанные фамилии русских и иностранных писателей, тоже с обозначением ударений.

Очень нужная и полезная эта идея — клубы русского языка. Пусть в этих клубах висят плакаты со словами Константина Паус-

товского: «По отношению каждого человека к своему языку можно совершенно точно судить не только о его культурном уровне, но и о его гражданской ценности. Истинная любовь к своей стране немыслима без любви к своему языку».

Русский язык — язык прогресса и научной мысли — звучит сейчас во всех странах мира, и в космосе послышалась впервые в истории тоже русская речь!

Занятия клуба могут быть очень увлекательными. Пусть каждый член клуба заведет особую тетрадь для записи непонятных или новых для него слов, найденных в прочитанных книгах. На семинарах клубов можно разбирать эти слова.

Какое удовольствие доставляет коллективное чтение В. Маяковского! Вот у кого океан новых слов и словообразований!

Вот что писал о московском клубе Борис Тимофеев: «У нас огромное количество школ. А во многих ли школах есть кружки любителей русского языка — друзей родной речи? Я рад воспользоваться случаем, чтобы поставить в пример всем школам великолепный начин школы-интерната №16 в Москве: там организован и действует не просто кружок, а «Клуб любителей русского языка и литературы» со своим уставом и членскими билетами. Мне радостно узнать из устава, что клуб объединяет школьников, «желающих говорить на своем родном языке ясно, четко, плавно, выразительно», что член клуба «следит за своей речью», а также указывает на ошибки произношения, борется с употреблением грубых слов, слов-сорняков, штампованных фраз и выражений».

Почему бы примеру московской школы не последовать нашим алтайским школам?

Пусть об этом серьезно подумают отделы народного образования.

«Алтайская правда», 19 февраля 1966 г.

Удивительная буква

Речь идет о букве П. Посмотрите четырехтомный словарь Даля: весь третий том посвящен этой букве. И не только в рус-

ском языке — во французском, немецком, английском и древнегреческом языках тоже большинство слов начинается на П.

Прогуляемся по нашей квартире. Прежде всего напомним, что в старину жилое помещение — дворец, большая квартира — называлось палатами. Это осталось в названии больничных палат, существуют судебные палаты. От палат и слово «палатка».

В квартиру мы входим через прихожую или переднюю, мы переступаем порог или приступку. В передней висит пальто, плащ, пелерина, папах, плед; подзеркальник у зеркала, на полу половичок. Раньше к притолоке прибавляли «на счастье» подковы...

Из прихожей мы попадаем в комнату, которая раньше называлась покоем. Посмотрите, сколько вещей начинается на П: пол, потолок, плафон... Панели и плинтусы, в них пазы, пол паркетный или из пластика, покрыт полосатым или пестрым паласом. Вдоль стен полки, на них книги в переплетах. Стоит печка, а в печке поленья. На письменном столе перья, промокашка и письма, пачка папирос, пепельница, папки, портфель, пакеты, палитра, портсигар или папиросница. Над столом — портреты писателей и пейзажи. В квартире — пылесос, а раньше вместо магнитофона был патефон, а телевизор заменял проекционный фонарь. Из этой комнаты перейдем в спальню, которая раньше называлась опочивальней или просто почивальней, от «почивать», «отдыхать», «спать». В почивальне: постель, простыни, подушки, покрывало, пододеяльник.

Перейдем на кухню (Помните у Крылова: «Какой-то повар-грамотей с поварни убежал своей...»).

В поварне — плита, примус или плитка, провода. На полках — посуда, поднос.

Продукты питания — петрушка, перец, повидло, пышки, пирожки, пирожные, простокваша, похлебка.

А сколько слов начинается на эту букву в военной области: пехота, полковник, поручик, полк, пика, палица, пушка, пулемет, пистолет, парабеллум, порох, пистон, пуля, патрон, планшет, португез, палаш, пицаль, приказ, пальба, прямое попадание, подрывник...

Вот сколько слов на эту букву П! А читатель может прибавить к ним еще не одну сотню!

«Алтайская правда», 14 декабря 1968 г.

Познавательная мифология

Миф значит «сказание». Кроме вымысла, в мифологии так же, как и в наших былинах, упоминаются исторические события, изобретения, мечты людей о полетах. В древних сказаниях можно также найти объяснения многих имен, выражений и слов, не отмеченных в словарях.

Думаю, что наш разговор о мифах будет интересен читателям.

В парижском Лувре монументальная лестница внутри музея ведет на второй этаж, и на верхней площадке стоит мраморная статуя Самофракийской победы — Ники, что значит «победа». От имени Победы-Ники у нас образовались имена: сказочный Аника-воин, Николай, Аникей, Никанор, Никандр, Никита, Никифор, Никодим, Никон — все они означают «победу».

Имя бога солнца Аполлона носили у нас два поэта — Майков и Григорьев. Аполлон был и богом поэзии.

Жену поэта С.М. Городецкого звали Музой. Муза была божеством вдохновения. В Древней Греции ей был посвящен храм «Мусейон» — отсюда название музеев. И музыка, и мозаика — тоже от музыки.

Мнемозина — Мнемона — богиня памяти. Отсюда термин «мнемоника», т.е. правила запоминания. Кстати, Термин — это имя римского бога границ. Пограничные знаки — камни и столбы — были в Риме священными, им поклонялись и приносили жертвы. Сейчас понятие слова «термин» расширилось.

В современных словарях фосфор отмечен как химический элемент (с греческого «фосфор» — несущий свет). Но происхождение слова гораздо интереснее: Фосфор или Люцифер — имя бога, хозяина звезд и всех небесных светил. Позднее имя Люцифера Светоносца стало синонимом Вельзевула, дьявола, сатаны.

Слово «люцифер», или «луцифер», слышал я в своем детстве, нашел я его у Пушкина:

*Открылась тайн священных дверь!..
Из бездн исходит Луцифер,*

Смиренный, но челоперунный...
«Тень Фонвизина»

Обратите внимание на замечательное прилагательное «чело-перунный» — с челом, мечущим перуны, т.е. молнии. Слово это взято Пушкиным у Державина.

В Элладе (Древней Греции) Асклепий, сын Аполлона, был богом врачевания. Более известно его латинское имя Эскулап. У Пушкина:

Я ускользнул от Эскулапа
Худой, обритый — но живой...

У Эскулапа были две дочери — Гигия, что в переводе на русский означает здоровье, и Панция — всеисцеляющая. От этих имен и образовались понятия — гигиена и панацея.

Римскую богиню верности и клятвы звали Фидея. А сейчас встречается имя Фидель, что значит «верный, преданный».

Биа — богиня силы и могущества. И кто знает, может быть, название нашей алтайской бурной и мощной реки Бии происходит от этого имени.

Так же, как и фосфор, «теллур» отмечен в словарях как химический элемент. Но известно, что Теллура была богиней Земли, матерью Земли и богиней землетрясений. От ее имени, кроме «теллура», образованы понятия «теллургические линии и токи» и прибор теллурий, наглядно показывающий годовое движение Земли вокруг Солнца.

Наш бурный океан называется Великим или Тихим. Великий — это понятно, но почему Тихий? В мифологии встречается греческая богиня Тихе (и Тиха) — дочь Океана и Зевса. Она изображалась в виде молодой женщины, стоящей на шаре с корабельным рулем и веслом в руках. Вполне возможно, что от ее имени и назван океан Тихим.

Сам же Океан (прародитель всех древних богов) известен нам под именем Посейдона (морского царя) или Нептуна. Это двойное имя объясняется тем, что в Древней Греции и в Древнем Риме одни и те же боги назывались по-разному. Например: греческая

Афродита, богиня любви, в Риме звалась Венерой, бог Солнца Аполлон в Греции был Фебом, Геркулес — Гераклом (между прочим, от Геракла — грузинское имя Ираклий), Диана — Артемидой, бог огня Гефест в Риме был Вулканом, от него и название огнедышащих гор.

Римская богиня Луна в Древней Греции была Селеной. Ее именем назван химический элемент селен, замечательный тем, что при свете увеличивается его электропроводимость. А Г. Уэллс в романе «Первые люди на Луне» придумал название жителей Луны — селениты.

Греческое имя бога Гермеса в Риме стало Меркурием. Меркурий считался гонцом, глашатаем. Он иногда изображался с крыльшками на голове и сандалиях.

По-французски ртуть называется «меркюр». И в русском языке во времена Пушкина тоже называлась меркурием, например, в «Путешествии в Арзрум» Пушкин писал: «здесь горячки ужасны, их лечат меркурием, коего употребление безвредно по причине жаров».

Главный греческий бог Зевс в Древнем Риме назывался Юпитером. Богиня правосудия Фемида изображалась с повязкой на глазах, весами в одной руке и рогом изобилия в другой. На позднейших изображениях рог заменялся мечом. В Риме Фемида называлась Юстицией — Справедливостью.

Греческая Ника — победа — в Риме была Викторией. Замечательная семья упоминается в мифологии: мать Никта — богиня ночи, отец Эреб — бог вечного мрака, их дети: Танатос — бог смерти, Гипнос и Морфей — боги сна; сын Гипноса — Фантазий...

Здесь можно отметить омонимы: помпа — насос (французское или итальянское происхождение) и помпа — помпезность, торжественность. Древнее это слово означало торжественное приношение даров богам. Может быть, это не случайное совпадение: иностранное слово «помпа» (насос) могло образоваться от греческого «помпа» (отправлять, посылать) и «помпа, поматос» (вода или чем накачивают воду).

Наука помология — теория плодоводства. Название ее идет от богини садов и плодов — Помоны. Ее называли еще и Флорой. Вспомните «Послание» А.С. Пушкина:

*Могу сойти в весёлый сад,
Где вместе Флора и Помона
Цветы с плодами мне дарят.*

Интересны судьбы некоторых древнегреческих и римских имен. Например, Фелица — древнеримская богиня успеха и счастья, имя которой еще было известно во времена Екатерины II, которую воспел в своей оде «Фелица» Г.Р. Державин. А ко времени А.С. Пушкина слово было забыто.

Можно отметить, что если русское «поздравлять» значит желать здоровья, то французское поздравление «фелисте» (и «фелистансион») — производное от латинского слова «фелица» — пожелание успеха и счастья. То же самое и с другим римским божеством удачи, случая и счастья — Фортуной. В русском языке слово осталось символом счастливой случайности, удачи, судьбы. Например, в «Записках Моро де Бразе» Пушкина: «Он принужден был оставить полк и искать фортуны в чужих государствах».

В романе «Лена» В.М. Саянова написано: «Счастье в таежной округе называлось «фартом». Так исстари было переделано на русский лад чужестранное слово «фортуна». У Саянова есть и книжка стихов под названием «Фартовые годы»...

И прилагательное образовалось «фартовый», «подфартило», что значит подвезло. А фарт — удача, но в то же время и риск, как отметил Д.Н. Ушаков.

От души советуем читать книги о мифологии. Вы обогатите свои знания, узнаете много неожиданного и интересного.

«Алтайская правда», 20 июля 1973 г.

Дневник Д.Ю. Кобякова
за 1962 год

25 февраля 1962 года, 1ч. 25 мин. дня

Новая игрушка: печатать дневник! Посмотрим, надолго ли хватит интереса. Во всяком случае, может быть, станет стимулятором: начал печатать и смогу печатать уже статьи.

Сегодня прямо испугался: нет писем! Изю всех сил борюсь с психозом: «блокада», заговор и т. д.

Но правда странно, что так долго молчит Нина! Сегодня пошлю письмо с обратной распиской, если и в три часа не получу. Кроме Нины, ведь не отвечают «Детгиз», Хавкин, «Простор», Красноярск. Некоторым послал по два письма!

Придумал писать статью для «Юности», там редактором Катаев.

5 ч. 10 мин.

Успокоился, отправил заказное с обратным уведомлением. Если Нина не писала мне, то о других нечего и говорить!

Олег был, конечно, как я и предполагал, вчера редактора «не застал»! Врет все, просто лень было ехать.

Начал статью и бросил. Да, трудно — и деньги как летят... и ничего не хочется делать. Точно старый, износившийся мотор: по гладкой дороге тянет, но как только встречается препятствие или горка, он и останавливается! Трудная получилась статья для «Юности», устал и пока оставил. Потом кончу.

26, понедельник, 7.30 вечера

Хотел написать с обратным уведомлением. В «Детгиз» и Хавкину, но что-то удержало меня. Подожду до завтра. Вот, постирал простыни и рубашки! Довольно много работал над статьей. Это гораздо труднее стирки. Странное сейчас настроение: как будто выздоровел, но боль еще есть довольно чувствительная. И страшная утомляемость. Аппетита никакого. Но какое-то радостное чувство, точно предчувствие чего-то хорошего. Может быть, Нина вспомнила меня сейчас? Но она еще не успела получить письма. Что Олег «не застанет» и сегодня редактора — убежден. Вообще, нужно плюнуть на все и всех и работать, хоть понемногу, но работать, продолжать писать вторую книгу!

10.30 вечера

Интересно! Только что ушел Олег. Говорит: был и застал редактора. Он звонил Плотниковой и уговорил ее взять рукопись

на рецензию, хотя она и отказалась. Важно то, что как раз у меня радостное чувство было в то время, как он разговаривал с редактором... Правда, я очень восприимчив к «флюидам», но уж в это совпадение не очень-то верю! Во всяком случае, необходимо сейчас же пойти к ней и, во-первых, проверить, а во-вторых, очень попросить ее поторопиться с рецензией, рассказать о своем положении и т. д. А может быть, завтра получу какое-нибудь хорошее письмо? Посмотрим. Во всяком случае, если письма не будет — пишу Хавкину и в Алма-Ату!

А сейчас продолжаю работать над статьей. Господи, неужели выздоровел?! Пора, пора уже!

Вторник, 9 ч. утра

Немного хвастовства: писал вчера часов до 2-х, потом долго не мог заснуть. Встал сегодня в 8, в 8.30 убедился, что писем нету! Сейчас еду к Плотниковой. Ничему не верю, пока сам не удостоверюсь.

12.20 дня

Удивительнее всего, может быть, моя бесчувственность. Оупение? Привычка ко всему плохому?

Олег вчера уточнил, что Плотникова сказала: пошлет своего мужа, Баздырева, к редактору за рукописью, так как сама очень занята.

Я застал ее дома. Она очень удивилась. Когда я сказал, что редактор передал мне ее согласие рецензировать, она сказала, что он ей не говорил, и сейчас же позвонила в издательство. К сожалению, редактора не застала. Когда же сказал, что мне передали, что она просила мужа зайти за рукописью, она ответила, что он уже две недели как в командировке в Москве.

Зачем все это говорит мне Олег? Единственное логичное, хотя и фантастическое объяснение, что он должен как можно чаще видеть меня (следить?) и поэтому все выдумывает. Так как вчера он сказал, чтобы я поехал к ней дня через два-три, то если он придет вечером — не скажу, что видел ее, а попрошу повторить все снова, что он говорил вчера. В особенности слова о том, что она пошлет мужа за рукописью. А потом скажу, что мужа нет и редактор с ней не говорил.

Опустил сегодня письмо сам себе, для проверки. Если и в три часа не будет ответов, пишу с обратным уведомлением. Скучно очень: вся эта неизвестность, «таинственность», пошлая история с Олегом. Во всяком случае — сегодня откажусь писать статьи для него, пока не получу письменного подтверждения от редактора. Но зачем, зачем он все это выдумывает?

8.45 вечера

Послал в Москву Хавкину и в Алма-Ату. Олег был, говорит то, что я и предполагал, что он скажет: редактор, по его словам, очевидно, все сказал «авансом», предполагая передать ей рукопись и т. д. Я же думаю, что «вперед» сказал мне Олег. Он посоветовал написать редактору письмо, что я и сделал, и завтра отправлю.

28 февраля, 12 ч. дня

Сейчас отдыхаю: все-таки решил вымыть пол сам. Черт с ними! Если умру от разрыва сердца, то хоть чистоту застанут в квартире. Пока что не умер!

Утром проснулся в 8, это уже рефлекс — появился из-за ожидания писем. Но обозлился, что нет писем, и заснул снова. А в 9.30 разбудил сосед, говорит: есть письмо! Но и тогда я ЗНАЛ, что это письмо, которое я отправил сам себе вчера для проверки. Так и оказалось: быстро! Раньше три дня шли. Значит, сегодня получит и редактор мое письмо, которое опустил в ящик вчера вечером. Но — вот какая наша почта! Одновременно с письмом пришло и «извещение», которое должно было быть отправлено в Алма-Ату! Зря деньги заплатил, и глупо получилось: пишу об «уведомлении», а его нет.

Завтра март! Черт их всех передери! Если через несколько дней не получу ответа из «Детгиза», придется писать туда: ведь обещали, что в течение февраля все решат! Как все мне надоело! Теперь о редакторе: получив мое письмо, он должен написать мне о рукописи. Если же не напишет — это тоже ответ!

Нине отправил письмо с «уведомлением» 25-го, значит, скоро должен быть ответ. Между прочим, мало это помогает: ведь пришло «уведомление» из Красноярска, но письма ответного нет!

4 часа дня

Кончил! И ничего со мной не случилось! Только весь мокрый стал, так сильно вспотел, но это даже хорошо. Сейчас вымылся в ванне, выпил кофе, нужно выйти: еще кошки не ели и я тоже...

4.35

Вдруг пришла Галина, едет в Бийск на отдых на пять дней. Потом дня на два заедет в Новосибирск. И у меня мелькнула мысль дать ей рукопись и попросить зайти в издательство! Может быть, это глупо, но она обещала зайти! Итак, у меня остался один экземпляр: первый в Москве, второй в Барнаульском издательстве и третий дал ей. Посмотрим-посмотрим... Ведь таким же образом я попал в «Простор» (да, и пропала рукопись в Киеве). Сейчас выхожу за едой.

9.20 вечера

Одна из моих «шуточек»: пошел к Злывко и сказал, что получил договор из «Детгиза», и мы с ним высчитывали, сколько мне отчислится денег. Вышло 7200!!! Потом отправился к Райхлину. И тот и другой поверили. А мне это важно вот почему: как они ТЕПЕРЬ станут относиться ко мне, когда знают, что я «разбогатель»?!

1 МАРТА!!! Четверг, 2.40 дня

А все-таки больше всего меня тревожит молчание Нины! С 7 февраля ни слова! Плохо! 13 февраля послал ей «Простор» заказным пакетом, уж, наверное, сразу откликнулась бы! Но и на письмо от 25 тоже нет ответа. Плохо! Пожалуй, можно не ждать и написать главврачу. Но так как, может быть, все пустяки и ей будет неудобно, то подожду еще два дня и тогда пошлю в диспансер с просьбой ответить мне, что с ней случилось! Вот единственный дорогой и близкий мне человек! И так было наладилась переписка, не понимаю!

Теперь вот что: как вовремя передал рукопись Галке и в здешнее издательство! И как «вовремя» рассказал вчера о получении договора из «Детгиза»! Получил сегодня! Рукопись получил обратно! Ну, правду говоря, ведь я не был уверен, что ее издадут, в душе, скорее, был уверен, что не издадут, вероятно, поэтому так спокоен или, вернее, так равнодушно к этому отнесся. Но что теперь будет, не знаю. Куда там мебель и т. д.! ШТАНЫ!!! Купить нужно!

Сейчас же посылать рассказы во все журналы, да не отвечают. Письмо Лунина и Шуваловой очень хорошее. Сейчас же им отвечу, что писали... перерабатывать или нет. Рецензия, как и прошлые, противоречивая и злая. Но интересно, что некоторые слова, которые были мной исправлены на основании прошлых рецензий, оспаривает последний рецензент. Очевидно, был прав я... Эх, скучно!

4.40 дня

Вдруг так забеспокоился, что сразу написал письмо главврачу и отправил авиа-заказным. Скорей бы ответили мне! Эх, вот как не везет мне во всем!

11.25 вечера

Плохо это, что я такой бесчувственный, или хорошо? Пожалуй, хорошо! Но это и не легкомыслие. А ведь именно в таких положениях безвыходных люди и кончают с собой...

Но я далек от этого! Необходимо написать умное и обстоятельное письмо в «Детгиз». Вот только смогу ли написать умно? Ведь чепуха какая: они очень хотят издать! И еще нашел: рецензент ругает меня за «бир» — один, а я, однако, нашел сегодня, что именно в «Детгизе» в книге Вартаняна «бир» тоже производят с тюркского! Все чепуха!

Лишь бы силы только физической, а нравственной хватит! Да, с завтрашнего дня писать! Ведь февраль прожил, не просил ни у кого денег в долг, а ведь получил 80 гонорара, 50 пенсии и десять от Нины! А теперь только на пенсию жить! Ну и хорошо: месяц все-таки отдохнул от нищеты! Олег сегодня не пришел. Может быть, теперь, видя, что с редактором проделку я сам разоблачил, больше и не придет?

Вот что я придумал: пойду завтра к заведующему кафедрой русского языка и предложу найти для меня филолога, кандидата или доцента, и чтобы мы вдвоем проработали обе мои книги? Согласен: пусть два имени будет — и гонорар пополам. Дело в том, что ни один филолог книгу мою не пропустит. А если писать в соавторстве с филологом, тогда отпадет рецензирование. Тогда книга выйдет! А так две книги напишем. Хорошо?

2 марта, пятница, 17.30

Начал писать в «Детгиз», но не кончил. Отправил письмо заведующему кафедрой русского языка, чтобы написал мне, когда можно прийти к нему поговорить о книге, но потом приписал, что, может быть, зайду к нему в это воскресенье. Сегодня очень устал: возился с бутылками и банками, продал в аптеку и в магазин, получил 3 с полтиной, и еще молочные бутылки остались. Живем! Но что такое с Ниной?! Как хорошо, что вчера написал главврачу и приложил конверт с маркой на ответ заказным.

3 марта, суббота, 13.40

Начинает образовываться отрицательный рефлекс к письмам: теперь, просыпаясь утром, уже с отвращением думаю, что загляну в ящик и ничего там не найду. И не встаю рано, чтобы посмотреть!

Вечером вчера Олег на минуту зашел. Потом я отправился к Райхлину. Конечно, ни удостоверения, ни направления редакции для меня он не взял, но зато дал два хороших совета: сказал, что я могу обратиться к Девятьярову и попросить удостоверение постоянное. Райхлин говорил, и Девятьяров согласился, а Чиликин якобы был страшно поражен относительно сотрудничества с филологом: вовсе не надо, чтобы две фамилии стояли на обложке! Сейчас издательство поручает рецензирование на сторону. Я должен найти филолога, который согласится поработать над рукописью, я дам ему расписку, чтобы по выходе книги издательство заплатило бы ему какую-то сумму из моего гонорара (вот это здорово!) и в конце книги напечатают «под редакцией такого-то».

Вовремя я написал Матвиенко! Придется к нему завтра поехать. Работы у меня уйма:

1. письмо в «Детгиз»;
 2. письмо редактору «Крокодила» Б.А. Егорову;
 3. туда же статью (короткую) о переводе;
 4. письмо редактору «Литература и жизнь»;
 5. статью о переводе и историю с «Литературной газетой»;
 6. письмо В. Катаеву
- и
7. статью «Больше грамотности» ему же в «Юность».

Все-таки сильно устаю и не могу много работать. Вот почти за весь день написал только письмо в «Детгиз», правда на 4-х страницах. Ну и письмо! Послал заказным с уведомлением о вручении, и не авиа, а простое, потому что начались наконец февральские знаменитые бури, едва дошел до почты! Купил 6 килограммов картошки. Начинаю новую «картофельную» жизнь. Правда же, я во многом был виноват сам: в очереди не хотел стоять и покупал что попало, зачастую чересчур дорогое.

С тревогой жду ответа из Новокузнецка от Нины или из тубдиспансера, сердце сжимается, но верю, что все пустяки! Скоро должен быть ответ! Черт возьми, вечное невезенье! Подумал сейчас, что конверты к Нине авиа, потому что не было у меня других, а сейчас началась нелетная погода! А ведь у нас ума не хватает, чтобы отправить поездом, а ждут, пока не кончатся бураны! Вот и жди теперь!!!

Если завтра будет буран, в город не поеду. Еще придумал: отнесу редактору «Алтайской правды» свои рассказы; завтра перепечатаю их.

22 часа

Перечел старое Нинино письмо от 7 февраля. Правда, бывало, что она больше месяца мне не писала, и я не беспокоился, это когда Валя была. Но потом у нас наладилась переписка, письма Нины стали очень ласковыми и дружескими. И вдруг — это молчание! Очень тревожусь, с нетерпением жду ответа от главврача.

Мумка собирается родить. Трагедия! Но я в душе рад, обожаю котят! Отдам кому-нибудь, когда подрастут. Сделал картофельное пюре, невкусно! А коты, сукины дети, ни молока не хотят и пюре не едят, требуют мяса и так сердито кричат на меня.

Был Олег. Сказал, что завтра обязательно пойдет к редактору и зайдет ко мне часов в 12 дня, так что все равно нельзя ехать в институт. Все настраивает меня против Райхлина, я сам думал об этом, но очень тяжело, если все это правда: так притворяться... это ужасно! Но ведь история с «Молодежью Алтая», потом с радио, да и теперь не печатают меня — все это он виноват.

Воскресенье, 4 марта, 11 ч. утра

Прямо сердце сжимается: послезавтра месяц, как не пишет Нина! Слава богу, сейчас летная погода, так что авиа должно скоро прийти! Жду с большим нетерпением, чем даже ждал из «Детгиза» и Алма-Аты. А утром письмо от редактора! Пишет, что даст рукопись на рецензию Матвиенко: значит, не врет Олег?! В понедельник разыскиваю Матвиенко (жаль, что сегодня не смог поехать) и договариваюсь с ним о совместной переработке. Может быть, сегодня зайдет Галка, она уже должна вернуться. Странно, 25 февраля послал Нине письмо с уведомлением, а до сих пор оно не вернулось. Сегодня спрошу на почте. Нашел старый рассказ о боях с немцами в Париже. Пошлю все три рассказа Лунину, дам в «Алтайскую правду» и на радио. Что-нибудь да выйдет?

16 часов

Устал! Перепечатал о Маяковском, осталась еще одна страница о Куприне. Сегодня не успею послать, отправлю завтра авиа. Нужно еще письмо объяснительное Лунину. Что-то не идет Олег! Завтра масса дел! В редакцию к Матвиенко, на радио...

19 часов

Думал, что Галка придет сегодня, не хватает, чтоб еще и эта рукопись пропала!

Сейчас ушел Олег. Очевидно, правда был у редактора, потому что сказал, что он передаст рукопись Матвиенко. Значит, иду к нему с письмом от редактора. Тем лучше.

А письма от Нины не было и в 3 часа!

5 марта, понедельник, 16 часов

Слава Богу! Утром получил письмо от Нины! Безобразие! Извиняется, пишет, что много работы, не поспевает справляться. Ну, рад??? Очень хвалит статью в «Просторе», но ни слова не говорит о Маяковском. Не получила? Завтра отвечу, сейчас не в состоянии: встал в 8, минута в минуту, как приказал себе с вечера. В 10 был в издательстве. Черт его знает, какая-то чепуха, после об этом. Потом пешком пошел в редакцию. Немножко поговорил с Чиликиным о Райхлине, не называя имени. Плохо с ним! Во-первых, убедился, что Чиликин по-прежнему хорошо относится ко мне, а не плохо, как уверяет Райхлин, во-вторых, он мои статьи

не браковывал, в-третьих, совсем не говорил с ним обо мне про удостоверение для меня. Черт знает что такое! Ну и дьявол с ним, важно, что Чиликин статью о Маяковском взял и обещал ее напечатать до 15 марта!!! Кстати, когда я показал эту статью Райхлину, он замаха л руками: не сходите с ума! И не вздумайте показывать ее в редакции!

Потом поехал в общежитие пединститута, но Матвиенко не застал. Пошел пешком в институт, это недалеко, но мокро и скользко идти, и я уже устал. Познакомился. Отказывается писать. Но тут представили меня молодой преподавательнице, и она сказала, что придет ко мне завтра ознакомиться с материалами второй книги.

А из Алма-Аты от Хавкина и из других мест писем нет. Если бы не отвечал только «Простор», я правда подумал бы на Райхлина, но и из других мест не пишут! Поел рыбные консервы — ничего больше не продают. Сейчас пишу в «Детгиз» и посылаю два рассказа. О... устал очень!

6 марта, 20.30

Отправил письмо Нине, занес записку Галке, чтобы зашла сегодня и вернула рукопись, но не зашла!

Написал Чиликину, напомнил про обещание напечатать статью и просил удостоверение. Получил пенсию (с будущего месяца станут платить 9-го, тоже плохо), заплатил за квартиру и электричество, словом, мотался почти весь день.

Эта кандидат наук пришла с одной девушкой, был убежден, что не придет! Сидели они два часа. Она боится взять эту работу, уговаривал как умею, вернее, как не умею! Взяла с собой сто страниц рукописи, обещала дать ответ на будущей неделе, не раньше. Увидел, что уговаривать — только портить дело, согласился. Посмотрим, что скажет Олег. Очевидно, на нее мало надежды!

7 марта, среда, 23.35

Весь день дремал. Только к вечеру встал. Это и от волнения, и от усталости. Ел сегодня только картошку, оставшееся мясо дал кошкам. Мумка-то беременна, ей нужно хорошо питаться. Вспоминаю вчерашнюю «даму-филолога»: она не знала, что такое

«сифон», уверяла меня, что от «таран» образовалось слово «тарандыра», объясняя, что в военной терминологии прорыв войска — это «дыра-таран» и т. д.! Не согласилась со мной, что на этикетках слово конфитюр нужно заменить русским варенье! И т. д. Скучно! Олег пришел вечером. Все обещает...

Вот иллюстрация, почему я так плохо живу: сегодня я не имею права истратить ни копейки собственно на еду, я так и сделал. А купил новую книгу Маршака «Воспитание Словом». Ну как было не купить?! Заплатил 1 рубль 7 копеек.

8 марта, четверг, 24 часа

Стучите и отвернется вам... Заставил себя перепечатывать отдельные главы из книги. Ох и надоели они мне!!! А главное — никто не отвечает, что за подлый народ! Решил печатать в трех экземплярах сразу и рассылать в три журнала, сами виноваты, что молчат...

Был в городе, пытался в нотариальной конторе засвидетельствовать копию рецензии Бельского. Какая бы она ни была скверной, все же лучше присланной из «Детгиза». Но засвидетельствовать отказались.

Сегодня сделал еще большее преступление, чем вчера с покупкой Маршака: увидел бренди и... купил! 5 рублей с копейками. Думал, что придет Олег, может быть, разоткровенничается. Но он не пришел.

Коньяк пью с большой горечью именно потому, что не имею права. Все надоело, надоело, надоело!!!

Почему не пишут из «Простора», зачем не отвечает Хавкин? Интересно, что Злышко перестал сразу ходить ко мне, как я сказал ему, что получил договор из «Детгиза». Олег говорит — страдает!

9 марта, пятница, 19.30

Я — потенциальный пьяница: выпил всю бутылку вчера и сегодня, не дождавшись Олега, и чувствую себя превосходно! Получил сегодня открытку и уведомление из «Детгиза», но писем нет!

Завтра пишу Нине и прилагаю конверт, чтобы сразу послала мне «Простор» и «Огни Кузбасса». Отправлю туда «Русский Париж». А все-таки перепечатал сегодня 17 страниц в 3-х экземпля-

рах! Еще нужно написать в Алма-Ату, просто подло, что не отвечают и не шлют журнал!

Хорош и Хавкин! Не могу думать, что это работа Райхлина! Это была бы такая подлость, что только в плохих романах можно найти. Воронежский журнал «Подъем» вряд ли «оценит» мои вещи. Но все-таки пошлю: что «Простор», что «Подъем» — почти одинаково...

Сегодня весь день не выходил и ни копейки не истратил: единственный способ не тратить деньги!

10 марта, 14.20

Вчера вечером пришел Олег, и мне очень не понравилось, что он стал заглядывать в торчащий в машинке листок. А когда я закрыл материей машинку, он улучил момент, когда я отошел, открыл материю и пытался прочесть напечатанное. Может быть, это мелочь важнее всех его разговоров со мной? Сogleдaтaй?..

Рассказывал мне, что Злышко считает, что я вполне достаточно получаю и мне должно хватать, да и сам Олег со своей женой тоже так считают. Знаю, что виноват я сам, но что значит «хватать»? На хлеб и воду?

Нина, которая тоже не умеет жить, как и я, писала мне, что «очевидно, с детства нужно было приучить себя к нищенству, чтобы сейчас уметь сводить концы с концами». Но подлость Злышко в том, что он, по словам Олега, зарабатывает с женой около 400 рублей в месяц. Какая наглость, имея такие деньги, говорить, что можно жить на 50 рублей!!!

Интересно: будет завтра моя статья в «Алтайской правде»? Убежден, что не будет, а если и напечатают, что еще хуже испортят мне настроение... Но важна Москва! Если в «Детгизе» НАСТОЯЩИЕ люди, не могут не откликнуться они на мое письмо! Ответ должен быть числа 15-16. Посмотрим...

Утром пришло письмо от этого кандидата наук — Зеваковой: пишет, что уже прочла взятые у меня 100 страниц и что общее впечатление пока хорошее. Зайдет в этот понедельник к 7 часам.

Ну что ж, тем лучше. Отнес записку Олегу, чтоб обязательно зашел ко мне вечером поговорить о предложении редактору написать Зевакиной.

Послал Нине письмо с просьбой скорее отправить мне журналы, ответил Зевакиной, что жду ее, и еще раз написал Галке: мне вообще так не везет, что, может быть, она и потеряла рукопись, поэтому и глаз не кажет.

А сейчас с громадной энергией выправляю рукопись, чтобы больше не было придинок!

Воскресенье, 11 марта, 10.30 утра

Получил письмо от главврача тубдиспансера, ответ на мой запрос о Нине: письмо «авиа», датировано 5-м числом!

Мумка родила двух котят — рыженький и серенький. Нет у нее ассоциаций: две недели уже, как приготовил ей корзинку для родов, где она рожала прошлый раз, так нет — начала у меня на кровати под одеялом! Интересно, что котенок, только что родившись, когда мать еще отгрызает у него пуповину — уже начинает сосать ее грудь!

Статьи моей, конечно, нет! Не знаю: нужно позвонить или поехать в редакцию? Лучше попытаюсь завтра позвонить, спрошу Чиликина, получил ли он мое письмо и когда будет статья? Вот беда будет, если не напечатают до 15 числа!!! Вечером шлю телеграмму в Алма-Ату, если в три часа не будет еще ответа.

17 часов

Стервоза потом родила еще третьего котенка, вот катастрофа! Если у меня не хватило духу утопить их сразу как родились, то теперь, когда они, вылизанные и чистенькие, сосут мать, конечно, убить их не могу.

Послал телеграмму-письмо в Алма-Ату и заказное в Красноярск начальнику отдела культуры с просьбой «посоветовать директору издательства мне ответить». Безобразие! Посмотрим, что еще скажет вечером Олег: он обещал пойти сегодня к редактору.

Весь день исправлял и дополнял рукопись к завтрашнему дню и иногда думал: на что все это я делаю?!

Понедельник, 12 марта, 11.40 утра

Звонил Чиликину. Говорит: «пленум!», но все-таки статья моя идет. Достал немного мяса, Мумку кормить надо! Почему-то хорошее настроение.

14.40

Писем нет, но получил перевод от Нины, очередные десять рублей в счет долга. Пишет: «Скоро отвечу, все наши читают “Простор”». Сегодня «Простор» получил телеграмму мою, если через три-четыре дня не откликнутся, значит, правда — «работа» Райхлина, но не могу, не могу верить! Во всяком случае, уже можно будет попросить Чиликина позвонить туда.

Все время работаю над книгой. Господи, неужели и теперь ничего не выйдет?! Уже и на коленях штаны порвались, и башмаки разваливаются, а сейчас мокреть, прихожу с совершенно мокрыми ногами!

21.30

Филолог эта пришла вовремя. Сразу увидел, что не то! Оказывается, она кому-то показала эти сто страниц в институте — и, конечно, те разругали меня. Вот она какая! И испугалась, отказалась!

24.20

Олег пришел через две минуты, когда ушла филологичка. Говорит: и черт с ней, обойдемся рецензией Бельского. Посоветовал завтра поехать в издательство. Поеду и в редакцию, кстати, зайду. Но очень трудно быть без друзей и никому не верить! Иногда создается впечатление: что-то вроде заговора, чтобы известить меня, и я сам бы отказался от мысли издать эту книгу! Чепуха, конечно. А узнаю об этом точно и верно, когда получу ответ из «Детгиза». Ведь, как я написал им, может быть, это просто «отписка». Что они все равно не хотят издавать? Люди, настоящие советские люди не смогут оставить такое мое письмо без ответа! Посмотрим. А отчего не отвечает Хавкин? А почему молчит Алма-Ата, хоть и деньги три раза послал им на высылку журнала, и хвалили меня, и просили прислать еще. Ничего не могу понять. Но странно все это, очень странно! И наконец, почему не идет и не отвечает мне Галина? Может быть, она тоже должна была забрать мою рукопись? Вот совпадения все дурацкие!!

13 марта, 9 утра

Кто-то разбудил меня по ошибке в половине девятого и хорошо сделал, а то бы проспал. Сейчас же посмотрел: письма — нету.

Одеваюсь, выпил кофе, еду. Котят сосут день и ночь и наливаются молочком. Хотя это приятно, хотя что потом будет — не знаю...

13.40

Мороз, замерз! Не везет мне, уехал редактор в командировку! Пешком пошел в «Алтайскую правду», говорил с Чиликиным: опять сегодня все четыре полосы — пленум. Обещает 17 в субботу. Просил и об удостоверении. Оставил карточку для удостоверения и уехал.

Как жить, вот больше двух рублей потратил, правда, купил масло и молоко.

К черту все и всех. Решил ежедневно печатать 5 страниц: три — чисто механическая работа, перепечатывать книгу по главам и рассылать по журналам; одну страницу, творческую, делать для книги и одну страницу — для нашей газеты. Так решил, что из этого выйдет — не знаю.

23.40

Выбрали в какой-то комитет в книжном магазине, был там на собрании... три человека... Просили в другом месте заниматься с ребятами электротехникой. Вспоминаю, как в прошлом и даже позапрошлом году выбрали меня редактором стенгазеты.... И так с ней ничего и не вышло.... Устал. Все-таки поработал сегодня. Это хорошо: Царь-Голод подгоняет все-таки меня! Сделал план работы, посмотрим, что из этого выйдет. А Галка не идет и не пишет! Вот и еще рукопись пропала?

14 марта, среда, 21.10

Работаю! Послал статью и рукопись книги (главу «Русский Париж») в Кишинёв. Авось в «городе Пушкина» народ окажется культурным и ответит мне! Вечером зашла на минутку Фаина, принесла привет от Нины Д. из Семипалатинска. Я попросил Фаину зайти к Галине и узнать о моей рукописи. Обещала. Продолжаю работать, пока есть силы. У меня что-то с ногами: трудно ходить, в особенности подниматься по лестнице. Пройдет! А писем нет и нет!

15 марта, 1.30 дня

Письмо из Алма-Аты! Слава Богу, хотя рукопись «Русский Париж» возвратили... Письмо очень хорошее. Пишет Щеголихин, что

был в командировке, поэтому не мог сразу ответить. Сообщает адрес «Сибирских огней», советует туда сразу отправить о Париже. Передает привет от Кнорринга! Жив старик! Нужно написать ему и Софиеву! Просит о Маяковском и Бунине – шлю сейчас же о Маяковском! Желает полного выздоровления и успехов творческих. Ну хорошо! Все утро сегодня перепечатывал рассказы. Шлю в Минск в журнал «Неман», затем печатаю для «Сибирских огней». Скоро жду ответ из «Детгиза»: не могут же они не ответить на такое письмо! Ой как много работы на сегодня, и это очень хорошо!

Привет от Рогового и фраза: «Думаю, что автор вы у нас прочный, пишите и присылайте, пожалуйста». Здорово!

18.30

Чересчур медленно работаю! Написал только: письмо Нине, письмо Кноррингу, большое письмо-ответ Щеголихину и письмо редактору, а творческого ничего не написал! Теперь стану перепечатывать «Русский Париж» для «Сибирских огней». Дай Бог, чтобы скорей письмо из «Детгиза» пришло. Ведь только этой надеждой и живу, что как-то поможет мне...

24.40

Я работал, когда около 11 часов пришел Эдик с девушкой. Конечно, новая и, конечно, очень красивая! Принес немного вина и торт маленький, пахнувший сладким одеколоном. Давно не видел его и очень обрадовался. Но, старый сатир, девушка мне очень понравилась! Зовут ее Белла, учится в музыкальном училище, потом поедет в консерваторию...

Пятница, 16 марта, 14.15

Сегодняшний день и этот час нужно «записать кончиком иглы в уголку глаза!» Получил сейчас письмо из «Детгиза»! Подействовало мое послание. Вот оно: «Ваше письмо получили, прониклись всем, что вы рассказали о своем положении. Оформляем на небольшую книжку из наших экспериментальных средств с выплатой вам небольшого аванса порядка 150 рублей. Все подробности и вообще все дальнейшие к делу относящиеся вещи сообщит вам Людмила Петровна»!!!

Ну слава Богу! И не только из-за денег, а потому что поверил, что есть еще хорошие люди!

Все утро перепечатывал рассказ для «Сибирских огней», начал было писать о книжном магазине, но бросил. Если завтра появится мой рассказ в «Алтайской правде», то материальное положение сильно улучшится, и надо будет немедленно и серьезно взяться за исправление рукописи. Это не меньше месяца, а там видно будет! Сейчас же пишу ответ Лунину!

Суббота, 17 марта, 10.35

Было почувствовал себя плохо, когда встал, но вспомнил о вчерашнем письме — и сразу хорошо стало! Сейчас кончу для «Сибирских огней», пошлю туда, и надо сегодня же написать о магазине книжном для «Алтайской правды». Так как сосед газету мне не принес, как обещал, значит моей статьи там нету. В понедельник поеду в редакцию ругаться, потребую удостоверение и сдам статью. Обязательно пиши!

12.30 дня

Вот как долго не пошлют денег — и сяду, то есть пропаду... Не знаю, любовь это к книгам или страсть к коллекционированию? Но ведь покупаю только хорошие книги! Пошел сегодня в книжный магазин, просили меня составить им надпись покупателям, чтобы ставили книги на место, увидел новые книги и купил на три рубля! Вот!

Ночь. Ложусь спать. Никто не приходил сегодня. Почему не иду узнавать о рукописи к Галине? Лень — нет! Неудобно идти в общежитие? Глупость, хотя немножко есть. Просто даже не страх, неловкость за Галину, если она что-нибудь сделала плохое, потеряла или еще что-нибудь? Завтра выборы. Зайду к Райхлину и, может быть, к Галине. Смотрел новый магазин, прямо дворец! Однако статью начал и бросил, зато много занимался переделкой книги. Как только получу письмо и деньги, сразу наброшусь на книгу и кончу в 2 недели! Тот-то! Ох, скорей бы написали мне! Письмо в «Сибирские огни» и статью о Париже послал.

Воскресенье, 18 марта

Проголосовал. А интуиция все-таки существует! Вот почему я не пошел к Галке: чувствовал, что не надо идти и все хорошо, только не мог понять. Сейчас она была у меня, это по своей глу-

пости не понял: она поехала в отпуск не на четыре дня, а на двенадцать!!! И только вчера ночью вернулась и сегодня сразу пришла. Мне это очень приятно не из-за рукописи, а что не пришлось разочароваться в Галке. В издательстве была, рукопись оставила. 14 марта. Ну, буду ждать, напишу туда через недели две.

Утром разбудили в 8 часов. Агитаторы, чтоб шел голосовать! Через 5 минут снова звонок — почта, прислал Щеголихин два экземпляра «Простора».

Вечером заказное письмо от Хавкина!!! Вот — замечательный день! Это я такой нетерпеливый.

Сейчас же ответил ему и послал в Ташкент в «Звезду Востока» «Метаморфозы слов».

Хавкина поблагодарил и попросил поторопить с высылкой договора и денег. А работать (то есть для газеты) — не работал. Но читал детские книги для рецензии. Пришла мысль узнать мнение самих детей. Это никто, кажется, еще не делал.

Понедельник, 19 марта, 22.50

От чего это зависит? Очень плохо себя чувствую: все болит, а теперь еще новое — боль в тазу слева. Но черт с ней! Может быть, потому что много ходил сегодня и по лестницам лазил?

А Галка даже еще лучше! Получил сегодня открытку, которую она отправила еще 14 марта из Новосибирска мне, где пишет, что сдала рукопись и вернется 18-го обратно. Вот чертова почта: 5 дней шло письмо!

Был в школьных библиотеках: ничего они не знают и учета (нравится книга или нет) не ведут. Придется раздавать ребятам и у каждого спрашивать отдельно, что я и начал сам еще до библиотек, только долго это!

Звонил в редакцию. Чиликин твердо обещал дать статью на эту субботу. Посмотрим!

Павел Алекс. Никольский сказал, что удостоверение мне готово, с корочкой. Если снова дадут, как прошлый раз, что «окончил школу рабкоров», пойду ругаться к самому редактору.

Теперь особенно остро нетерпение: когда ответят из Москвы и пошлют деньги.

Понемножку копаюсь в рукописи, да что толку, если не знаю, как это делать и сколько страниц машинописи возьмут они.

Вторник, 20 марта, 16.40

Утром отправил Нине письмо, а в два часа получил от нее несколько строчек. Пишет наспех, «Простор» читают все в диспансере, всем нравится. Говорит: нет денег и «Огни Кузбасса» выйдет после 1-го. Написал ей еще письмо и вложил рубль (авось не пропадет) на посылку «Огней». Вечно загадки! Пишет: «не пиши никогда на Metallургов». Я и не пишу, но зачем это подчеркивание? И это «денег ни копейки». Значит, не работает Сергей! Эх Нина, почему не написать мне об этом? Отправил письмо с исправлениями рукописи в Новосибирск. Ну, кто в конце концов ответит?! И неужели все такое хамье?! Не может это быть!!!

Погулял, подышал воздухом. Не могу работать! Хоть тресни! То есть копаюсь, но это не работа!

Среда, 21 марта, 17.20

Так день и прошел! Черт знает что такое, встал поздно, пошел искать жратву, увидел мясо и без очереди, купил, увидел на лотке книги — схватил Бунина, его не найдешь! И Чехова: Сахалин и записные книжки, что мне необходимо для моей второй книги. Истратил 8 рублей, безобразия! Что будет, если не напечатают в субботу или не скоро получу деньги из «Детгиза»?! Сам виноват. Еще погожу немного, и придется писать Шуваловой: не на много хватило у них «доброты»! Немного поспал, сейчас буду работать. Вчера написал несколько страниц о Бунине.

23.20

Заглядевшись на книги в магазине, забыл про сахар. Спихватился уже дома. Пришлось снова выходить. По дороге встретил начальника БСУ-2 Сойхера, который шел на соседнюю стройку крупноблочных домов. Обрадовался, потому что уже сколько времени должен был пойти туда, а все никак не мог собраться, хотя это против моего дома. Пока ходил там, вымок до колен.

Переодеть дома, конечно, нечего. Сидел босой. Все время пишу. 4 страницы кончил. Пока мне нравится, много надо будет переделать, но, пожалуй, кончу! Скучно, в общем, когда не знаешь,

талантлив ты или нет, и не печатают тебя по глупости или потому что ты заслужил это! Заранее с горечью думаю, во что превратят мой рассказ о Маяковском! Кажется, завтра поеду в редакцию, пусть Чиликин подтвердит, что в субботу будет, и удостоверение возьму. А писем нету. Ну и черт с ними, когда пишу, все это забываю. Но редко так бывает...

Четверг, 22 марта, 13.30

Ну вот, все утро возился с Буниным, куда не выходил. В первого принесли два заказных пакета: один от Нины — «Простор» и «Огни Кузбасса», значит, не успела получить мое письмо. Второй пакет — из «Детгиза», моя самая первая рукопись. Интересно, во-первых, что это вроде ответа на мое письмо, где я прошу использовать рукопись для их журналов. Во-вторых: там нет письма от Шуваловой. Не знаю: ждать ли до завтра или уже сегодня написать ей? Что же это такое?! Но интересно, что эту рукопись тоже читали и там очень много замечаний, есть дельные, которые использую. Важно, что громадное большинство замечаний благоприятные: это очень интересно! Это хорошо!

Очевидно, заметы редактора, Лунина или Шуваловой. Тем более обидно! Нет, пожалуй, сегодня напишу ей!

Пятница, 23 марта, 14.15

Ко вчерашнему: заметки на рукописи делал сам Л.С. Соболев! Вот интересно. Нашел в одном месте подписанную им характеристику, очень благоприятную, и потом разобрался в почерке — все заметы его. Вчера отправил авиа Шуваловой. Сегодня письмо от Нины. Не нравятся ей мои стихи, это она уже писала мне, но то, что не понравилось о Маяковском, хуже! Но зато очень хвалит о словах. Звонил сейчас в редакцию. Чиликин уже получил мое письмо, говорит, что завтра рассказ идет непременно. Это хорошо! О Бунине уже восемь страниц. Осталось самое трудное: о его смерти. Постараюсь двинуться сегодня, чтобы скорей кончить. А других писем нет. Послал Нине обратно «Простор», пусть остается на память.

21.35

Здорово! После Злышко вечером зашел к Райхлину. Он торжественно передал мне настоящее удостоверение газеты! С «ко-

рочкой», с карточкой — и вовсе не какой-нибудь «внештатный сотрудник отдела», а настоящий корреспондент газеты! Спасибо Чиликину! Райхлин говорит, что статью мою видел напечатанной, завтра будет. Посмотрим, что от нее осталось!

Головиной о Бунине больше понравилось, чем Злышко, но, может быть, он просто более честный? Осталось самое трудное: конец статьи — смерть Бунина...

Суббота, 24 марта, 9 утра

Встал в 8.20, это из-за газеты! Сейчас выхожу смотреть. Думал, раз все так хорошо было вчера: и письмо от Нины, и Бунина почти кончил, и получил удостоверение, и узнал, что статья будет, то непременно утром найду в ящике письмо! Но... не нашел...

9.30

Взял у соседа газету. Напечатали, черт их раздери! Всю поэзию выкинули! Осталась статья о коровах или свиньях. Их газетное???

13.45

Ездил в город, но неудачно. Ходил на Потоке по делам, тоже зря — и, в общем, напрочь устал. Сейчас спокойно перечитал написанное и могу гордиться: НИ ОДНОГО НЕ ИЗМЕНИЛИ И НЕ ПЕРЕДЕЛАЛИ, но выкинули самое поэтическое описание сада и сочельника в Париже. Выхлостили статью!

20.20

Была Галка со своим женихом, принесли немного вина и конфет. Дала мне адрес своей подруги, которая живет в Новосибирске, учится в школе журналистики и пишет в «Вечернем Новосибирске». Это очень важно для меня: пошлю письмо, чтоб зашла в издательство и редакцию журнала, узнала о моих рукописях, и пошлю ей рассказ о Маяковском. До них заходил Олег, говорит, был у редактора, но у него были гости. Обещал пойти завтра.

Воскресенье, 25 марта, 10.15

Проснулся рано, но чувствовал, что писем нет, и заснул снова. Встал в половине десятого: правда, не было писем, ну черт с ними! Вчера пришла в голову великолепная мысль: предложить нашему издательству выпустить мою новую книжку в серии «Библиотечка одного рассказа», кажется, они хотели делать что-то

вроде этого. Назвать книжку «Парижские рассказы», что очень привлечет покупателей! Ведь у меня уже есть «Русский Париж», рассказы о Маяковском, Куприне и Бунине, глава из романа о состоянии в Париже, переделаю еще несколько глав из «Представление продолжается» — выйдет листа три!

Я купил малюсенькую книжку Ю. Германа «Здравствуй, доктор!», всего сто страниц, формат 13 x 10 сантиметров, в переплете. Если мне позволят самому оформить, получится прелестная книжечка! Получу я мало, но все-таки рублей с тысячу, если издают в большом тираже!

18 ч.

Быстро устаю! Написал и послал Галкиной подруге в Новосибирск письмо и рассказ. Хотел исправить еще для «Огней Кузбасса», но уже не мог. Писем не было и в три часа. Весна, кажется, пришла по-настоящему: солнце, ручьи, снег почти стаял, невероятные лужи и грязь всюду. Хорошо, тепло. А штаны придется купить из гонорара за Маяковского, я, выколачивающий из строчек штаны!

21 час

Устал и захотел есть. А есть-то нечего: все мясо отдал кошкам, а суп съел днем. Вот будет беда, если мало получу гонорара: штаны необходимо купить, а до пенсии, конечно, денег не хватит! Все время перепечатывал о Бунине, уже готовлю рукопись, чтобы дать редактору для сборника. Что-то не идет Олег. Плохо, когда не веришь никому! Предложу ему заняться этим делом, но только пусть недорого возьмет: гонорар-то выйдет маленький.

Злость, смешанная с равнодушием. Отчего так долго не пишут из Москвы, не отвечает «Простор»?

22.45

Кончил Бунина! Это вторая редакция, но это уже можно показывать. Еще разика три переделать — и будет хорошо. Эх, мне бы молодость, здоровье — вот бы писал! Хотя бы здоровье только! То есть в наше время — деньги!

Понедельник, 26 марта, 19.25

Еще отправил рукопись. Это уже последняя! Больше не стану, пока не получу хоть от кого-нибудь ответ. Послал в «Огни Кузбасса» о пропаганде, агитации и т. д.

Очень устаю и задыхаюсь. Хотя Нина пишет мне, что это от кофе и табака, но может быть, и еще от чего-нибудь? Сейчас стану перепечатывать Бунина начисто и дам все, что есть, Олегу для редактора.

24.15

Кончил Бунина! Не знаю, кажется, не очень плохо вышло. Олег не пришел — и лучше, успел поработать над рукописью и кончить. В таком виде уже можно дать. Неужели и завтра не будет писем?!

Вторник, 27 марта

Утро. Рано разбудили меня по ошибке, но я уже не лег спать снова. Все время работаю над переделкой книги о словах. Интересно вот что: кажется, у Чехова есть рассказ, как какой-то важный чиновник к старости вдруг обнаружил у себя талант художника. И очень порадовался, что не видел этого раньше, то есть не стал художником, с его бедностью и т. д.

Вот почему проверяю рукопись. Начал внимательно читать одну из немногих книг по лексикологии, имеющихся у меня — Будагова. И тут обнаружил, что очень многое, что я уже знал в детстве, что приходило мне в голову в Париже, что я написал в книге здесь, уже имеется у Будагова! Но это не огорчило меня, а порадовало: значит, не зря тянулся все время к своей книге, значит, действительно какие-то склонности к языку есть у меня. Впрочем, об этом упоминают все мои рецензенты... А писем нет!

1.20 дня

Плохо почувствовал и лег вздремнуть, но разбудила почта: письмо из «Детгиза» и из Алма-Аты! Прямо боюсь открыты! Сейчас судьба ведь решается!

Прочел! С «Детгизом» — катастрофически: Шувалова прислала договор на 4 печатных листа по 150 рублей за лист! Правда, издавать хотят в количестве 50.000, значит, рублей по 25 получу, но... где мои 3.000 рублей?! И главное: очевидно, обещанный аванс получу не скоро! «Простор» пишет, но не Щеголев и Роговой, а другой редактор — Плащевский! Щеголев в отпуску. Хоть эти слова в утешение мне: «Путешествие в гетто» прекрасно сделано и всем очень понравилось. Будет напечатано непременно — но только в 6 номере».

«Скорее давайте о Бунине. Чем скорее пришлете, тем раньше пойдет... Никуда «Гетто» больше не посылайте, мы этот отрывок берем безусловно» и т. д. И очень хвалит на всю страницу!!!

И еще: «Обязательно напишите, о чем могли бы еще написать, чтобы я мог планировать заранее». Хорошо! Сейчас же шлю Бунина, и нужно ответ Шуваловой относительно денег!

19 часов 15 минут

Только сейчас вышел отправить заказное письмо-авиа в Алма-Ату! И купил себе печенье, противно есть что-нибудь другое.

Потом был Олег. Конечно, редактора не застал в воскресенье, говорит, просил передать ему, что придет послезавтра. Я Олегу передал рукопись и письмо.

Потом нужно будет думать много над ответом Шуваловой.

Среда, 28 марта, утро

Очевидно, реакция. Вялость, ничего не хочу и не могу делать. Но не писал Шуваловой, нужно обязательно написать! Нашел в договоре параграф, где упоминается про аванс. Значит, можно получить?

19.15

Отправил подписанный договор и достаточно глупое письмо Шуваловой, и то едва-едва заставил себя написать. Очевидно, до сих пор не оправился после болезни, вот по утрам уже не в состоянии делать гимнастику, и даже дыхательную гимнастику забросил, и с уборкой так же, и все.

Четверг, 29 марта, 9.45

Вчера шел снег, сейчас опять солнце и тепло. Как встал — барабаню на машинке, как следует нужно переработать рукопись! Писем нет, ну и черт с ними со всеми! Только на себя, на одного себя надеюсь! Если бы можно было работать хоть только три часа в сутки! Но работать по-настоящему! То есть что-то новое писать на 100 страницах. Но все мне мешает и не дает работать, а от этого «всего» так устаю, что уже не в состоянии писать!

20.40

Весь день подготовлялся, смотрел рукописные материалы, а когда вечером захотел перепечатывать, морально затосковал

и не смог! Правда, деньги уже кончились. Может быть, от этого? Вообще, все стало противно, ведь и как трудно всю эту работу переиначивать!

Пятница, 30 марта, 11.45

Днем был в городе, должен поехать и завтра. Гонорар только 7-го! Но НАЧАЛ перерабатывать рукопись! Это самое главное. Лишь бы начать. Кажется, нашел как!

Вечером был Олег. Чепуха все! Редактор предлагает снова послать рукопись в Москву на рецензию!

Суббота, 31 марта, без 15-ти час дня

Вот и апрель! Нет аппетита, противно есть, кошкам отдаю лучшие куски. Мишка ест почти все, а Мумка хитрая, не ест и смотрит на меня, пока я не дам хороший кусок, а сам не ест!

Работаю с утра. Сейчас собираюсь в город в издательство и денег искать. В издательстве возьму рукописи: если посылать снова в Москву, так проверить нужно! А «Парижские рассказы» заберу тоже, чтобы перепечатать их. Может быть, о Бунине дам в «Алтайскую правду». Эх, черт возьми! Как медленно все у нас делается!

Воскресенье, 1 апреля, 11 утра

С утра работаю. Обязательно напишу сегодня Шуваловой и приложу 7 переделанных страниц. Может быть, совсем не так пишу, как нужно им! Котята уже играют друг с другом, пока из корзины не вылазят. Настроение бодрое. Сейчас уберу всю квартиру, потом писать.

Понедельник, 2 апреля, 19.45

Вот как зря проходит время! Встал в 8. В 10 уже был в издательстве, конечно, не застал! Пошел пешком в ушную мастерскую, но не мог оставить в починку, починка стоит 11 рублей. Тогда пошел к Юдалевичу домой. Довольно долго разговаривал и оставил им заявление, которое приготовил вчера: прошу из Союза 100 рублей до получения гонорара за книгу...

Юдалевич позвонил в издательство, сказали, что редактор вернется в три. Два часа гулял, потом пришел и застал редактора.

Взял свои рукописи: больше нужно проверить по рецензии, «Парижские рассказы» перепечатать. Когда я все это успею? А перепечатать 200 страниц для «Детгиза»?!

Нашел в киоске на улице «Дон», конечно, купил. Интересно, что один из редакторов там... М. Шолохов!!!

Вторник, 3 апреля, 12.40 дня

Что за нелепая жизнь! Поиски молока, еды, сейчас что-то нужно стряпать. А ведь мне необходимо несколько сот страниц перепечатать! Встал в 8 утра и еще не принялся за работу!

Среда, 4 апреля, 11.40

Встал в 8. Выпил кофе — и сразу за работу. Только плохо у меня получается! Страшная работа! Решил так: в «Детгизе» книга принята, значит, в первую очередь ее и нужно кончать! Но к 7-му апреля, когда пойду за гонораром в редакцию, необходимо переделать для «Детгиза», тогда начну работать над большой книгой для здешнего издательства. И еще успеть перепечатать «Парижские рассказы». Если бы все вовремя отвечали мне! А то так работаешь — не зная для чего!!! И деньги скорей бы прислали!

Вчера вечером на минутку зашла Фаина, дал ей номер «Алтайской правды» с Маяковским и «Простор», но просил «Простор» вернуть как можно скорее. Пусть знают в общежитии, что я работаю!!!

Без 20 час ночи

Все время работал. Теперь, когда решил сначала кончить для «Детгиза», легче стало — и не разбрасываюсь. Сделал уже 10 страниц. Начерно прикинул: получается, значит, 150 страниц выйдет.

Был Олег. Заглядывает, чтобы узнать, не делаю я что-нибудь самостоятельно, без него! Не верю ему...

Что-то Нина снова замолчала...

Четверг, 5 апреля, 10.30 утра

Встал рано, все время работал. Что-то мало написано, всего 1 ½ странички! Сейчас — одеваться, бриться, идти что-то искать поесть кошкам и мне. Беспокоюсь сильно: так ли переделываю? Неужели Шувалова не напишет? Тогда буду знать, правильно ли

взял линию. О деньгах уже не думаю! Необходимо как можно скорее кончить переделку и отослать рукопись, затем исправление большой рукописи! Эх, сколько времени уходит на пустяки! Пишем утром не было, почему-то жду в 2.

16.45

Около двух часов посмотрел в ящик, но письма не было. Потом, как это стал делать в последнее время, лег и заснул, потому что быстро устаю, но утром встаю рано и работаю. А сейчас разбудил сосед, сказал, есть письмо! Пишет Шувалова! Это очень хорошо: сразу мне ответила! Но, горе мне, говорит, что шлют аванс 100 рублей! Вот те на! А я-то распинался в письме, говорил, чтобы прислали 200, 300... Да, плохо платят они! Идиот Олег, который вечно спорит, сам не зная, а уверяет, что знает! Шувалова ответила на все мои вопросы. О рассказе про Маяковского говорит, что Борис Владимирович советует дать его в журнал «Вопросы литературы». О главе «Париж» — можно, но только иначе. Читатель — 12-14 лет, это важно! «И не превышайте особенно договорный объем», значит, можно довести до 6 листов! Прекрасно. Теперь работать и ждать денег. Надеюсь, что ответит на второе письмо, где послал 7 страниц.

Четверг, 6 апреля, 12.30 дня

Встал в полвосьмого и сразу начал работать. Потом вымыл пол, пошел за едой, но нашел только сметану.

Сейчас перепечатаваю «Последнее свидание», завтра отнесу в редакцию и постараюсь получить гонорар: то, что сказали «седьмого платят», конечно, ничего не значит! Перепечатка эта в четырех экземплярах: одна в газету, другая для книги и одна мне.

Что-то Нина молчит! Сейчас весь собрался, сжался как пружина. Скорей все перепечатать.

18.50

Много чего! Главное — Чиликин очень хорошо отнесся к рассказу, будет печатать, конечно, с сокращениями, еще бы — 12 страниц! Был смущен, сказал, в наборе сняли часть рассказа о Маяковском, так я и думал! Свой гонорар — 33 руб. 60 коп. Мало. Чиликин посоветовал сейчас же пойти и купить штаны, что и сделал — и очень рад!! Просил Чиликина позвонить Юдалевичу при

мне, но он сказал, что позвонит без меня и серьезно поговорит с ним! Это хорошо.

Получил письмо от Кнорринга. Хорошее, большое письмо. Ладинский умер. Но книга его вышла при жизни. Юрий работает в Академии наук, пригодилась его страсть рисовать жуков! Сейчас он в какой-то экспедиции. Завтра пишу им обоим.

Воскресенье, 8 апреля, 22.50

Что-то плохо весь день, да и сейчас тоже. Задыхаюсь, весь мокрый сижу. Работать, конечно, совсем не мог. Плохо! Весь день лежал. Читал Ильфа «Одноэтажная Америка», а писать не мог.

Понедельник, 9 апреля, утро

Встал в 8. Все время работаю. Еще не умывался и не брился. А чувствую себя так же плохо! Сейчас надо выйти что-нибудь купить. Да, несколько сот страниц необходимо сделать! И как можно скорее! Письма еще писать!

Половина второго дня

Была Галка. Написала при мне письмо подруге, которой я послал рукопись, и она до сих пор не ответила мне. Пенсию не получил на почте и до сих пор не несут на дом!

Половина восьмого вечера

Поел, немного поспал, стало как будто лучше. Получил письмо от Шуваловой. Ругается. Не понравилась моя переделка! Тем лучше! Спасибо, что сразу ответила! Теперь легче и быстрее стану работать. А о деньгах ни гу-гу!

1 час ночи

А все-таки перепечатал все, что у меня было из «Парижских рассказов»! Теперь осталось немного переделать и перепечатать рассказ «Восстание» — и это уже можно будет дать в издательство. Сказал, что остальные два рассказа напишу, если понравятся эти.

Завтра необходимо ответить Кноррингу и Шуваловой. Завтра подготовлю план, как перепечатывать для «Детгиза», иначе никогда не кончу. Подлю, что ничего не пишут о гонораре и не шлют денег!

Вторник, 10 апреля

Утром очень хорошее, милое и ласковое письмо от Нины. Весь день мотался, ничего не сделал, только послал письмо Шуваловой. Звонил Чиликину, не говорил еще с Юдалевичем, но обещал позвонить сегодня. Бунин, очевидно, не пойдет. Тогда решил написать об одном передовом бригадире, часа два с лишком искал его улицу. Обещал зайти ко мне завтра утром. Я так устал, что писать уже не мог. Вечером был Олег, а потом зашел Злышко. Да, а писем из журналов нет! И нет времени еще писать им. Получил пенсию и уже истратил 20 рублей, а не могу вспомнить! Купил латинский словарь, заплатил за квартиру и электричество, купил мясо, починил туфли, что еще? Не помню, а половину пенсии истратил!!! Необходимо сегодня еще поработать, а уже сколько писем накопилось отвечать!

Четверг, 12 апреля, 18.10

Вчера не мог писать, так устал. Но переделывал для «Детгиза» до полвторого ночи. И сегодня весь день работал, а потом еще заставил себя написать Кноррингу и Юрию. Завтра нужно будет ответить Нине и написать в «Простор» — безобразие, две недели не отвечают! Звонил Чиликину. Он до сих пор не связался с Юдалевичем. Снова не будет денег? А писать для газеты не в состоянии — «Детгиз» и рассказы!!!

Пятница, 13 апреля, 10.45 утра

Что делать? Утром разбирал материал для переделки «Детгизу». Потом стал убирать квартиру. Вечером пришла Фаина с подругой, а у меня была страшная грязь! А как уберешь, так устаю, что не могу писать! А вымыть пол сегодня не смогу...

Надо Нине написать и в «Простор». Господи! Как все это трудно, а сейчас нужно идти поискать поесть кошкам и мне. Чертовы кошки! Всюду какают и писают — и ничего не могу с ними поделать! И эта шерсть их всюду! Необходим пылесос!

13 часов

Выпил еще раз кофе с пирожными, достал молока, мясо, книжку, ленту для машинки и т. д. — в итоге почти пять рублей вместо одного! Настроение хорошее, пользуюсь этим, начинаю писать для «Детгиза».

Да, единственное утешение, кроме писем Нины, это мои котята! Уже играют, бегают, прячутся, я с ума схожу, ищу их... Ну, приступаем!

Суббота, 14 апреля, 10 часов утра

Встал в полдевятого. Внизу — пакет из Алма-Аты! Сразу огорчился: в таких конвертах возвращают рукописи... Но — оказалось как раз наоборот. Вот что пишет Плашевский: «Последнее свидание» берем. Приложу все старания, чтоб оно пошло вместе с зарисовками о Маяковском и Куприне в шестом номере. Переделывать и сокращать ничего не будем. В Казгослитиздате предложу Вашу книжку. Возможно, и выйдет что-нибудь. Тогда напишу...» и т. д.

Вот!!! Сейчас еду в редакцию и в издательство. Конверт был большой, и там находился журнал «Шмель», который я просил.

22 часа

Был Злышко. Продать Пастернака отказался. Жаль! В издательстве передал рассказы. Чиликин при мне дозвонился Юдаlevичу, тот, конечно, сваливает на Дворцова. Чиликин позвонил ему, долго разговаривал. В общем, в понедельник иду к Дворцову — рублей 30 получу!

А в магазин все-таки пошел, к счастью, словарь Ушакова еще не продали! Заплатил «кровные» 8 рублей за четыре тома и счастлив! Еще бы! Сколько ошибок исправлю в своей рукописи!

Ответил Нине и написал в Алма-Ату, завтра пошлю. А работать, конечно, уже не мог, устал. Но все-таки сейчас стану печатать для «Детгиза».

Воскресенье, 15 апреля, 22 часа

Топчусь на месте: кончил всего 32 страницы, а хочу напечатать 200!! Правда, теперь с помощью нового латинского словаря и словаря Ушакова все время проверяю, это очень тормозит работу...

Опустил сегодня письмо Нине и в Алма-Ату. Послал им исправления о Бунине.

Была сегодня Галка с Михаилом: пришла за котенком, взяла двух. Сказали, что дадут в хорошие руки. Жалко, но я очень рад, потому что они уже стали требовать еды. Остался самый красивый, пушистый, серенький, самый умный, первый начал мыться и т. д.

Понедельник, 16 апреля, 20.35

Днем был в городе с утра. В общем, получу 40 рублей — и то спасибо! Но в среду надо позвонить. Зайду в издательство, оттуда и протелефонирую. А вечером письмо из Москвы от Хавкина. Хорошее письмо! Подбодрило меня. Обещает прислать свою книгу с надписью, пишет, что разговаривал с Борисом Владимировичем в «Детгизе», и тот сказал, что мне перевели аванс, «кажется», 200 рублей. Только плохо, что кажется! И говорил он «на днях», а денег нет и нет! Но вот что очень важно: книгу непременно издадут, но за полноценный объем ее надо бороться, и он борется! Здорово! Теперь стану переделывать более широко. Значит, нужно страниц 250. Ой-ой!

Вторник, 7 апреля, полночь

Был Олег, пишу, чтобы не забыть, а то всегда забываю. Говорит, что видел редактора... Завтра поговорю о книге с редактором.

Убрал квартиру и, главное, кухню, но зато так устал, что почти не писал весь день. Получил письмо из Минска из журнала «Неман». Спасибо, что ответили, но рукопись вернули. Не печатают.

Среда, 18 апреля, 16.45

Дождь, град, гроза, буря, и весь этот скандал специально, чтобы вымочить меня и мои новые штаны! Выскочил за сахаром, а когда шел обратно, все это и началось — и кончилось, как только я дошел до дому!

Видел редактора, не читал он рукопись. Зашел по дороге в радио, тоже еще не читали. Выругал их. Ну, 40 рублей получил, больше 10 уже истратил! Правда, купил наконец стило за 2.40, еду и книги...

Четверг, 19 апреля, 21.45

Весь день просидел дома! А сделал очень мало. Собственно, выходит, что я заново пишу книгу, нужно оставить это и начать просто перепечатывать, иначе никогда не кончу! В 6 часов был Олег. Уверял, что «Парижские рассказы» выйдут. Посмотрим. Получил копию договора из «Детгиза», конверт надписан рукой Шуваловой, но письма в нем не нашел. Плохо, обиделись на мое

письмо? Значит так: договор поступил в бухгалтерию только 9 апреля, теперь можно ждать высылки гонорара...

Пятница, 20 апреля, 11 часов утра

Встал в 8 и сейчас начал работать. Но зря, по-моему: составил план старой книги. Правда, так я никогда не кончу! Начну перепечатывать сегодня. А вот уже очень устал, а надо бриться, умываться, выйти что-нибудь купить, а уже плохо чувствую себя. А завтра в город, значит, усталость и ничего не напишу. Плохо все это. Но уже как ни отлынивать, а сегодня ОБЯЗАН начать перепечатывать!!! Вот и все!

Без 20-ти 12 ночи

Немножко пьян: пришел Эдик с очередной девушкой. И принес «Столичную». Выпили. А все-таки напечатал до 51 страницы!

Суббота, 21 апреля, 11.30 вечера

Только одна страница! Это потому что был в городе. Но не из-за усталости сегодня, а потому что один из сотрудников «Алтайской правды» художник Урюпин, вот спасибо ему, дал мне на время словарь издания 1780!!! Это единственное у меня настоящее пособие, и я весь день перепечатывал из него нужные слова. Так что напечатал 4 страницы и боюсь, из-за этого задержка будет: в словаре больше тысячи страниц!

Понедельник, 23 апреля, 15 часов

Черт знает что! Только сейчас начинаю работать! Если бы мне кто-нибудь помогал, насколько плодотворнее был бы мой труд. Вчера вечером вышел немного погулять, а в это время ко мне зашел Эдик со своей подругой. Это мне сосед сказал, только он и мог быть. Вот досада! Так редко выхожу и дышал воздухом всего-то минут 10, а пропустил их! Сейчас же послал ему письмо, где пишу о Новосибирске. Отправил телеграмму Лунину, поздравляю и прошу ускорить высылку аванса!

Вчера весь день готовил материал, сегодня начинаю работать.
23.10

Кое-что сделал, уже до 60-й страницы дошел! Труднее всего «узлы» связывать, разные главы. Теперь дело легче пойдет.

Но устаю, устаю. В особенности с таким питанием. Был Олег, говорит, что видел редактора, торопит меня с рассказами. В течение трех месяцев (до августа) необходимо кончить переделку для «Детгиза», исправление большой книги, написать 50 нехватящих страниц для «Парижских рассказов» — и все это нужно успеть.

Среда, 25, полночь

Вечером зашел Злышко. Олега не было. Работа постепенно движется: уже 66 страниц, но вряд ли хватит терпения, пусть хоть 150-160 страниц кончу! Писем нет. В квартире отчаянная грязь, потому что не могу и работать, и убирать, а сейчас важнее кончить рукопись, чем уборка. Чувствую себя лучше, отчего это? От витаминов, от левзеи или от липосеребрина? Может быть, потому что стал раньше ложиться и высыпаться? Во всяком случае, это не от питания моего! Утешение — котенок обожает меня, все время на коленях.

Четверг, 26 апреля, 3 часа дня

Утром было два письма: одно от Эдика, пишет, что отправил письмо в Новосибирск по моему поручению, второе из книжного магазина, есть две книги для меня. А сейчас пришел перевод из «Детгиза», правда только на 144 рубля, но и то спасибо. Зря послал телеграмму, сейчас нужно написать Лунину. А денег-то у меня как раз в обрез осталось!

Все время работаю. Уже 71 страница готова — половина. Теперь стану еще быстрее писать. Жалко, что от Нины нет писем.

Пятница, 27 апреля, 11 часов вечера

Странно, чем это объяснить? Сегодня снова задыхаюсь и за весь день не написал ни строчки. Может быть, это город так действует, то есть усталость от путешествий в город? Встал рано и в 11 уже был в ушной мастерской, но никого не застал. Пошел походил по городу, вернулся — опять никого! Тогда пошел пешком в издательство. Застал редактора. Он как раз получил рецензию на мои «Парижские рассказы». Нужно запомнить фамилию этого рецензента — Волжанин, вероятно, псевдоним. Много читал глупых рецензий, но такой еще не встречал. Боже! Где же наши умные советские литераторы?

Редактор сказал мне, чтобы я не обращал внимания на рецензию и продолжал писать эту книгу. А этому «рецензенту» просто на пробу дали мою рукопись, и после ее прочтения редактор мне сказал, что издательство ее не возьмет! Вот!

Редактор дал мне рукопись В. Сидорова для рецензии. Сидоров — мой первый редактор в Барнауле, когда я начал писать в «Строителе». Начал читать, вовсе не так плохо! Есть неграмотные выражения, но меньше, чем у критика и редактора Ореговского...

Вот что интересно: вчера, когда получил эти деньги, не купил вина, ничего! Даже пирожных не купил. А сегодня потратил 13 рублей! Правда купил за 3 рубля ночные туфли, это мне необходимо. Купил конверты, марки, что еще? Мелочь, кнопки... Да, стило купил! А главное — книги! И хорошие книги купил и Лермонтова полное собрание...

Послал письмо Нине и Лунину. Ответил Эдику. Написал той девушке в Новосибирск, которая не изволила ответить. Ехидно написал и приложил конверт и вопросник. Все, кажется...

Суббота, 28 апреля, 8 часов вечера

Чего-то тоска страшная! Весь день бьюсь на одной странице! И противно чего-то стало писать. Испачкал около десяти страниц для одной, но все-таки ничего не написал!

Вот и деньги есть, и беспокоиться о завтра не нужно, а удовлетворения нету. Конечно, если бы получил не 140 рублей, а 1500, вероятно, лучше было бы... но не знаю, не от денег, кажется, это зависит. Одиночество заедает... Скорей бы письмо от Нины получить, наверное, все-таки к празднику! Вот еще почему у меня не хватает денег — полное неумение вести хозяйство: стоял около часа в очереди — продавали печенку. Очень обрадовался, потому что печенку любят кошки, да и я ем ее с удовольствием. И дешево — рубль килограмм. Решил взять на несколько дней и купил 2 ½ килограмма. И выходит, что выкинул два с половиной рубля зря совершенно: начал печенку варить, чтобы не протухла, сейчас уже тепло стало, а она, чем больше варю, тем тверже становится! Ну сегодня хоть сыты, дал им сырой печенки, а я не могу, раскусить не могу... Вот так все и проходит!

11.30 вечера

Купил полбутылки «Московской», думая, что вечером придет Олег. Выпили, поговорили по-хорошему. Сказал, что на праздники непременно зайдет к редактору поговорить.

Дал его дочке, двенадцати-тринадцатилетней девочке, прочесть рукопись: ведь книга для детей, и мне это важнее, чем мнение Райхлина или Злышко. Пусть будущая читательница оценит книгу!

Воскресенье, 29 апреля, без 15 два часа дня

Возмущался все время: когда девушки ко мне приходят, что говорили обо мне и как ругали! Старик, мол, теперь, когда задыхаюсь в тисках, сам убираю и т. д. Никто мне не помогает, значит, не старик?! Сволочи! Сегодня с утра начал генеральную приборку. Черт-те что сейчас в квартире, а оставить так невозможно! А время идет, а над рукописью не работаю! Сейчас получил пакет «Сибирских огней» — возвратили «Русский Париж». Предлагают написать что-нибудь более современное на алтайские темы... Вот, вот именно! Ну меня предупреждали, что хороших вещей они не печатают, тем лучше, значит, для меня, значит, хорошая моя вещь!

11 часов вечера

Отчаянно задыхаюсь, дышу, как загнанная лошадь. Правда, поработал сегодня: стол, который у стены, придвинул вплотную к письменному столу, потому что нет места, часами ищу листки рукописи и т. д. Ликвидировал свою тахту, вместо нее поставил туда диван, а из досок тахты сделаю еще одну, четвертую секцию полка для книг. Заплатил двум мальчикам соседским полтора рубля, чтобы мне помыли пол в комнате и на кухне: вымыли прескверно, но я и не мог бы сегодня сделать.

Неужели завтра не будет письма от Нины, даже не поздравит с Первомаем? Очень плохо себя чувствую, ложусь спать. День в смысле писания пропал...

Понедельник, 30 апреля, час ночи

Доплелся до 78 страницы, сказал себе, что не лягу спать, пока не напечатаю 80 страниц, но не смог. А от Нины не получил письма! Зато есть ответ из «Простора»: мои рассказы уже набраны.

Просит прислать еще. А в издательстве печатать не могут, впрочем, редактор прибавляет: «с большей надеждой на удачу можно начать разговор после того, как зарисовки ваши пройдут в журнал». Это я знаю. Весь день сидел дома...

Четверг, 3 мая, ночью

Вчера заходила Галина с Михаилом. Спрашивала, ответила ли ее подруга из Новосибирска.

Вечером был Злышко. Скучный человек...

День сегодня хороший, сейчас объясню, а писал мало: снова дошел до «зла», никак не распутаю. Уже 90 страниц готово!

Утром письмо от Хавкина, он сейчас в Гаграх в Доме творчества. В 2 часа письмо от Нины и из журнала «Звезда Востока»...

Больше всего обрадовался Нининому письму, но и огорчился: может быть, писала пьяная по поводу Первомае, оно так напомнило мне ужасное время в Париже, Монпарнас и т. д.

«Звезда Востока» — Ташкент предлагает использовать часть материалов в разделе «Смесь»! Хотя и пишет в первых строках: ряд примеров и доказательств бесспорно интересен. А я напишу секретарю Союза писателей туда. Вот — дурачье!!!

Хавкин поздравляет с Первомаем и пишет много очень приятных и лестных вещей, ну и так далее, спать хочу!!!

Суббота, 5 мая

Вчера забыл о дневнике. Что написал о «зле»? Или ошибка? Не помню! Сегодня отправил заказное в Ташкент и написал в Алма-Ату. Застрел на 76 странице. В общем, я не перепечатаваю, а пишу книгу заново, черт возьми! Необходимо пересилить себя и просто перепечатывать, а я не могу просто перепечатывать! Очень устаю, а дело не движется...

90% времени и труда уходит на поиски нужной бумажки с записями или книги, которые тонут на письменном столе. Беспорядочный человек!

Воскресенье, 6 мая, ночью

Два раза выходил «дышать». Был у Райхлина, заходила Галка с Михаилом: говорит, получила письмо от подруги, обещает зайти

по моим делам в Новосибирске, но, очевидно, это еще до моего ругательного письма...

Кто-то приходил, пока я гулял. Весь день хорошо работал: кончил 101 страницу! Ух! Теперь дело пойдет легче: только механически перепечатаваю большую рукопись. Две или три главы написаны заново, и их можно послать в журналы...

Да, купил утюг! Это страшно важно, стираю я сам, а гладить нечем было. Настроение бодрое. Все оставил сейчас и ничего не стану делать, пока не кончу эту окаянную рукопись. Осталось, собственно, 40-50 страниц. Если не стану мудрить — можно кончить в 2-3 дня! Тогда за большую рукопись — и скорее кончать «Парижские рассказы». Хорошо!

Понедельник, 7 мая, без 10 минут 6 вечера

Вчера заснул после 3 часов, встал сегодня в 8. Может быть, потому что не выспался или вчера истратил всю мозговую энергию, но весь день сегодня не писал. Потом спал. Сейчас выпил кофе, хочу выйти подышать и куплю немного портвейна: посмотрю — поможет это или нет.

7 часов 15 минут

Ну как — интересно! Купил $\frac{1}{2}$ бутылки портвейна, начну осторожно пить. Жара страшная, духота, в этом отношении моя квартира очень неудачная: окна на запад, зимой солнца мало, а летом с 5 часов утра накаляет комнаты, а открыть их не могу, только форточки!

Вымыл сейчас пиджак, Бог ты мой, пять раз менял воду, и все черная!

Среда, 9 мая, 10.45, вечер

Вот что значит иметь хоть немного денег: совсем забыл про пенсию и очень удивился, когда утром принесли ее! А раньше за три дня скакал, и мучился, и пытался занять хоть рубль на жизнь! Черт возьми!

Дошел уже до 110 страницы. Теперь легче станет, только перепечатывать надо с большой рукописи. Решил никуда не ходить, на письма не отвечать, ничего не делать, пока не кончу эту окайную рукопись! Олег что-то давно не был, я не верю ему и не страдаю,

но я дал ему рукопись, чтобы прочитала его дочка, а он не несет ее обратно, это плохо. Если придет, скажу ему так: ничего сам не буду делать для здешнего издательства. Если он хочет заработать, пусть старается! Дал ему срок с неделю, чтобы за это время редактор прислал мне договор, такой как из «Детгиза». Тогда получу у них аванс, стану писать продолжение «Парижских рассказов». А если Олег это не сделает, буду искать другое издательство. Вот, по крайней мере, узнаю, врет ли он все и в состоянии ли что-нибудь сделать. Ведь я ему ни в чем не верю!

Четверг, 10 мая, 11 часов вечера

Вчера вечером очень устал, решил все-таки продолжать работу и выпил 2 чашки крепкого кофе. И не спал всю ночь! Видел восход солнца. Светает уже около 4 часов, а в 5 — полный день и светит солнце.

Из-за этого встал сегодня в 10 часов, все-таки работал, но не продолжал дальше, а решил заниматься добавлениями и пропусками. И увидел, что это еще более кропотливая работа. Что делать? Решил помочь себе шампанским, потому что прочел в медицинской книжке, что оно хорошо действует на мозг. Только я не знаю, сколько нужно было его выпить, чтобы хорошо подействовало на мозг! И правда — работа сначала пошла очень хорошо, но когда прикончил бутылку, уже хуже пошла работа. Но, в общем, сделал довольно много и сейчас ложусь спать. Черт возьми! Когда я кончу эту чертовку-рукопись, как она мне надоела!

Пятница, 11 мая, 12 с половиной ночи

Кончил 122 страницы! Это хорошо, это очень хорошо! Но плохо, что и сегодня купил шампанское — соблазнился, что нашел! Был Олег, кажется, что-то сделает. По крайней мере, говорит, что «заработал» и купил себе мотоцикл за 700 рублей. Тем лучше. Девочке его моя рукопись очень понравилась. Получил письмо из «Уральского следопыта», куда рукописей не посылал. Все как-то получается наоборот: не отвечают те, кому послал, и пишут, кому я ничего не послал!

Воскресенье, 13 мая, 4 дня

Вот как работают люди! Только сейчас поел свой суп! А встал и все время работал. Сейчас выйду погулять, уже 131 страница, но дошел до главного узла: как перейти к окончанию книги. Чтоб не терять времени, просмотрел всю рукопись, еще нужно впечатать пропусков.

8.15 вечера

Кончил! Теперь только впечатывать пропуски! Чисто физическая работа, без напряжения мозга. Хотел выйти купить «выпить», но сдержался: оказывается, за это время я незаметно «пропил» довольно много. Хватит!

Понедельник, 14 мая, 1.30 ночи

В это время я уже обычно лежу и читаю перед сном, но сегодня засиделся над вставками (оказалось, больше, чем я предполагал) и не успел все кончить. Завтра уже хочу отправить рукопись, и нужно будет заняться письмами, много накопилось. Понимаю, когда мне долго не отвечают, вот я всегда аккуратно пишу, а теперь просто не смог!

Вторник, 15 мая, 1.30 ночи

Кропотливая работа! До сих пор не закончил добавки и исправления! Очевидно, придется оставить все то, что хотел еще прибавить. Но, в общем, 160 страниц есть. Завтра отошлю, сколько бы ни сделал еще. Нине писать нужно, ведь беспокоится, наверно, и другим тоже, да и отдохнуть хоть один день!

Среда, 16, 11.40 утра

Встал в 7 часов, в общем — кончил. Теперь не знаю — прибавлять еще или так оставить? Проклятая жизнь! В квартире снова грязь невероятная, где мне убирать?! Ах, нужно выходить, искать еду, кормить чертовых кошек, которые не хотят есть то, что я ем! Скучно...

4 часа 10 минут дня

Ну, слава Богу, отправил рукопись! Увидел, если стану прибавлять, то никогда и не кончу. Еще ничего не ел, вышел, но все оказалось закрытым, и ничего не нашел. Придется пойти еще раз, это

мне и полезно — погулять. Вечером напишу Нине и Хавкину, если успею, и в Алма-Ату...

Четверг, 17 мая, двенадцатый час вечера

Получил письмо из Алма-Аты от Юры! Замечательно! Не поделись мы 6 лет, сейчас надо ответить ему. Со стариком Кноррингом он, очевидно, не встречается. Да и сам Кнорринг мне не ответил.

Отправил и второй экземпляр. Был в городе, конечно, неудачно: в командировке мастер очков слуха. Все-таки и сегодня не делал. Сейчас грею воду для ванной. Да, это большое неудобство, отсутствие летом горячей воды... Завтра пишу всем письма, в первую очередь Нине и Юре. Олег был, уверяет, что все хорошо, но советует к редактору зайти самому.

Суббота, 19 мая

Идет дождь, и холодно. Вчера так увлекся работой, что забыл дневник и не написал писем. А может быть, плохо себя чувствовал?

Сегодня написал Нине, Хавкину и в Семипалатинск. Из писем еще осталось: в «Простор» и в «Уральский следопыт». Дело с рукописью подвигается. Может быть, даже хорошо получится. Может быть, правы все, что говорили: путаница у меня? Сейчас привожу к одному знаменателю от а до я.

Понедельник, 21 мая, двенадцатый час вечера

Вчера опять заработался, ничего не писал. Ездил сегодня в город «с ушами» — не застал, но зато видел редактора. Говорит, что передал рассказы о Париже новому редактору по литературе.

Конотопа! Воображаю! Днем приходил Злышко и ничего мне не рассказал о главном редакторе! А вечером был Олег и рассказывал... Снимают редактора! В пятницу сдает дела. Плохо! А я уже успел потратить деньги. Ну ничего! Тем скорей нужно кончать большую рукопись! Книга совсем другая получается. Во всяком случае, исправлены все ошибки, рукопись сильно увеличена — и в угоду издателям сделал ее более «логично», то есть пишу все по порядку.

А денег реально только за рецензию рукописи Сидорова, которую я еще даже не начал читать, и за рассказы в «Просторе». Нужно написать туда, почему не отвечают? И послать еще рассказ или статью. И в «Уральский следопыт» тоже, раз просят... А в «Детгизе» не знаю, когда получу. Надеюсь, конечно, что моя переделка их удовлетворит...

Вторник, 22 мая, 7.45 вечера

Еще не выходил и пил только кофе, а есть не хочется. Кончил читать повесть Сидорова. Вовсе не плохо! Много ошибок и неграмотностей, но все это пустяки. А плохой рецензии я не напишу! Все это лавочка! Олег хочет, чтобы издали Злышко, и за это он получит от него деньги, а Сидорова чтобы провалить. Сволочи все! Впрочем, если главный редактор уходит, то все меняется. А как со мной будет?

Да, утром получил письмо из Горького от В. Даже карточку приложила! Какая ужасная карточка! Хитрющее лицо, злое. Мещанское. Ну, черт с ней! Главное — написала «на ты» и просит заплатить здесь за нее штраф в библиотеку за увезенные ею книги. Отвечу, чтоб вернула книги или прислала взамен другие. Я ей дарил.

Среда, 23 мая, 14 часов

Это просто мука — ездить в город! На обратный путь понадобилось почти 2 часа! Очки не могли исправить при мне, нужно снова ехать послезавтра, снова терять день. В издательстве был, познакомился с этим редактором, парень молодой, ничего себе.

Но когда прочел его рецензию о «Парижских рассказах», убедился, что не ошибся в своем предположении о «редакторе из Конотопа»! Он не знает, что такое полосатые маркизы, поставил вопросительный знак! Не знает слова «тонный» и переправил его на «томный»! Ну что делать с этими неграмотными дураками! Фамилия его для потомства — Э. Хохлович. Конечно, не меньше чем Эдуард или Эдгард! В рассказах ясно ничего не понял.

Вчера ни копейки не потратил на еду, сегодня — 2 копейки. Но... купил Панову! И, увидев на улице три тома Ильина 62 года издания, не мог не купить! В общем — 4 рубля.

Русский Юридический факультетъ
въ Прагѣ.

Фотографический снимокъ.

Полное имя студента Д.Ю. Кобякова

ПРЕДМЕТНАЯ КНИЖКА

Seznam přednášek
do kterých byl zapsán jako řádný posluchač.

Index lectionum
quas se frequententurum rite professus est.

Фамилия: Кобяковъ
Имя и отчество: Димитрій Григорьевичъ

Русká právnická fakulta v Praze.

№. 568
Бердичевъ — дн. 1923 года.

Зачетная книжка студента Д.Ю. Кобякова

Дѣйствительн. до Марта 1924
Plati do Вѣрна 1924

Г. Кобяковъ
Ран. Кобяковъ

въ 1923 учебномъ году состоятъ студентомъ Русскаго Юридическаго
Факультета въ Прагѣ

jest roku stud. 1923 řádným posluchačem ruské právnické
fakulty v Praze

дн. 10 октября 1923
дн. 10 января 1923

Подпись слушателя. Д.Ю. Кобяковъ
Podpis posluchačův

Мѣсто жительства
Bydlí Лазаревъ, И.

Деканъ Шовинъ
Děkan Шовинъ

Секретарь Петръ Савицкий
Sekretář Петръ Савицкий

Замѣтникъ Петръ Савицкий
Zeměník Петръ Савицкий

СВѣДѢНІЯ О ПОСЛУШАТЕЛЯХЪ
РУССКАГО ЮРИДИЧЕСКАГО
ФАКУЛЬТЕТА
ВЪ ПРАГѣ

Студенческий билет Д.Ю. Кобякова

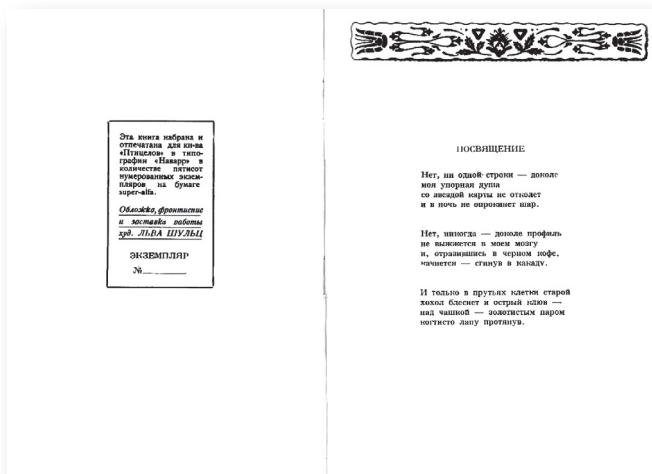
Обложка поэтического сборника

Д.Ю. Кобяков. Начало 1930-х гг.

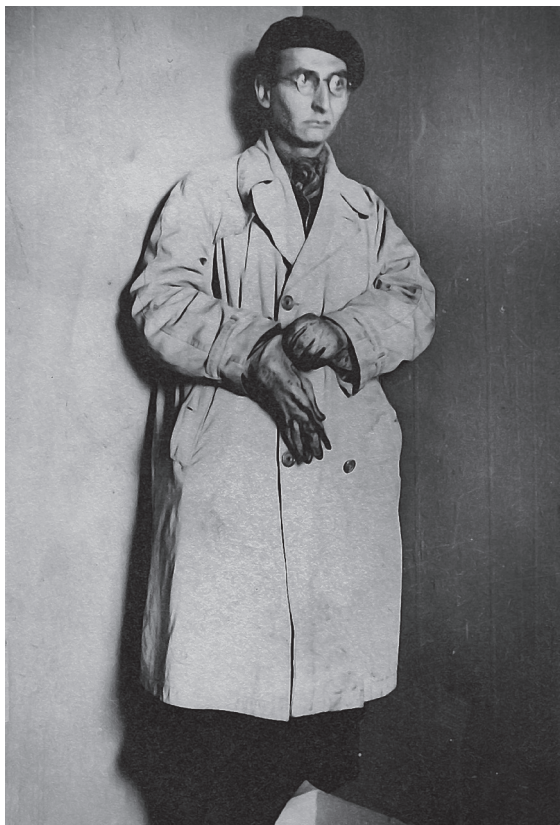
Народный университет. Париж, 1930-е гг.

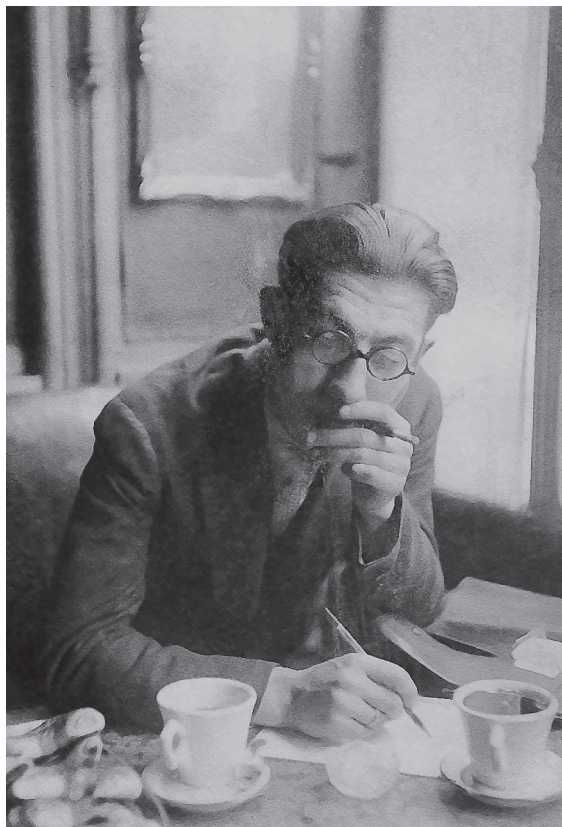
Копия титула и авантитула книги стихов Д.Ю. Кобякова

Д.Ю. Кобяков. 1930-е гг.

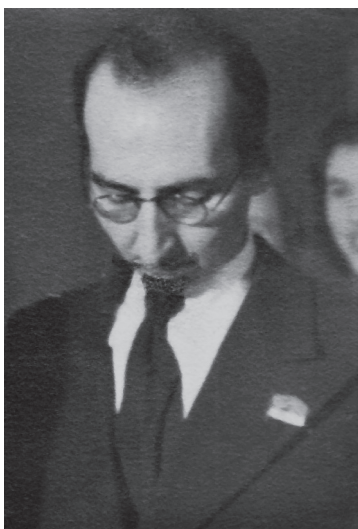
Франция. Конец 1930-х гг.

Франция. 1930-е гг.

*Дружеский шарж,
автор неизвестен*

Д.Ю. Кобяков. Начало 1940-х гг.

Д.Ю. Кобяков в СССР. 1950-е гг.

Трудовая книжка

Фамилия Кобелев

Имя Евгений

Отчество Александрович

Год рождения 1908

Образование: начальное, среднее, высшее
(подчеркнуто)

Профессия Инженер-электрик

Подпись владельца Трудовой книжки
Е. Кобелев

Дата заполнения Трудовой книжки
5.12.58 1958 г.

Возвращение в СССР

Завтрак Мумки. Барнаул

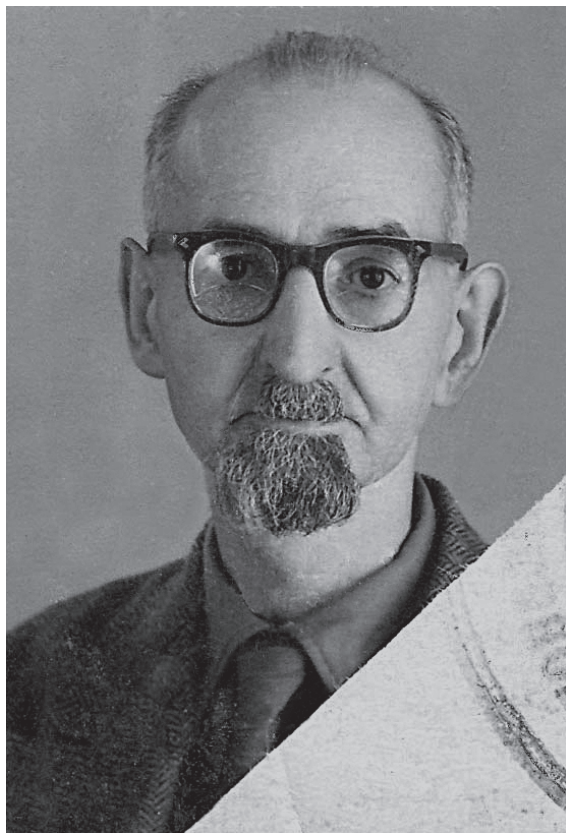

Фото на документ. 1950-е гг.

879061 Кобяков, Дмитрий Юрьевич.
 879062 Бессмертный дар. Повесть о словах. [Барнаул],
 Алт. кн. изд., 1965.
 188 с. с портр. 21 см. 30.000 экз. 51 к. В пер. 40р.
 В-14081

— 1. Русский язык — Лексика.

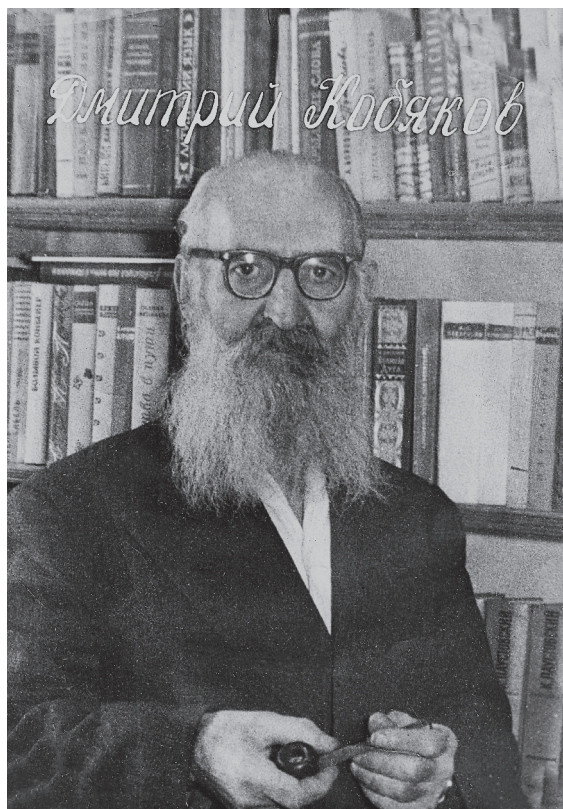
№ 911 [65-103862] п 25
 XXXIII № 29; № 327
 Вс. кн. пал. 11 1 66 К559

491.71-31
 ДР

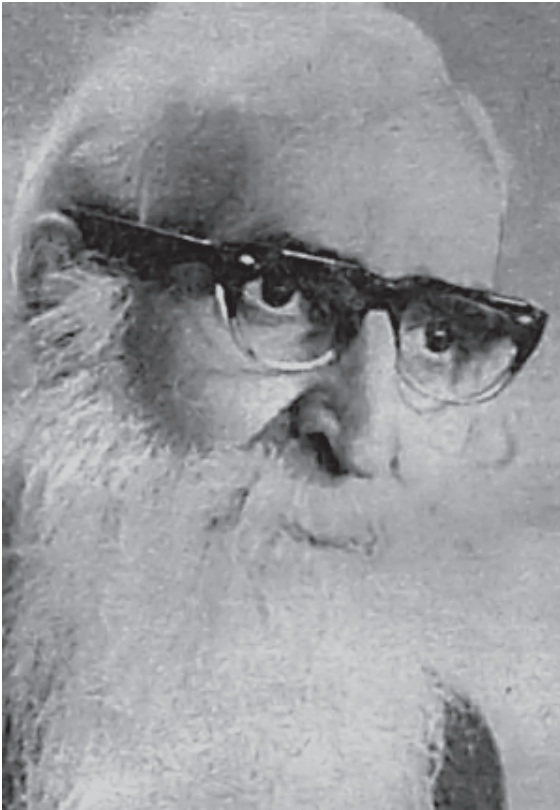
Карточка библиотечного каталога

Титул и авантитул книги Д.Ю. Кобякова

Библиотека писателя

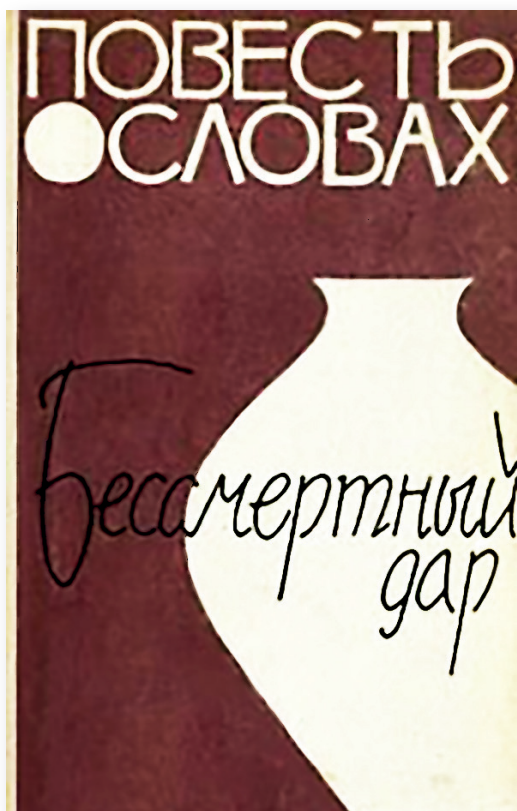
1970-е годы

ДМИТРИЙ
КОБЯКОВ

БЕССМЕРТНЫЙ
ПОВЕСТЬ О СЛОВАХ
ДАР

Обложка книги

Обложка книги

Избранная переписка

2 ноября 1962 (М.И. Роговому, редактору журнала «Простор»)

Уважаемый Михаил Исаакович!

Поздравляю Вас и весь коллектив «Простора» с 45-летием Великого Октября!

Пишу Вам, потому что вчера отправил письмо Ю.П. Плашевскому, а сегодня узнал, что он уехал в отпуск. Буду Вам бесконечно признателен, если Вы ответите мне на это письмо! Дело в том, что Юрий Павлович говорил мне в Алма-Ате и потом подтвердил это письмом, что мой рассказ о весталках, голове и яблоке идет в 12-ом номере вместо 9-го. Мне необходимо знать, попал ли этот рассказ в этот номер, который, вероятно, уже набран. Кроме того, у Вас имеется еще мой большой рассказ «Резистанс», о судьбе которого я ничего не знаю.

Как жаль, что Вы были в отпуску, когда я приезжал в Алма-Ату, и нам не удалось познакомиться!

Слышал о чрезвычайном происшествии с Н.С. Ровенским, трудно поверить, что это еще может случиться в Советском Союзе!!!

В Париже такие вещи бывали довольно часто.

Кстати, если ответите мне, сообщите заодно, что значит фраза редактора Золотовой: «Ваша книга «Бессмертный дар» включена в перспективный план издания литературы на 1964 год и будет издана в том случае, если книготорг даст на нее безубыточный тираж». Сколько мне ни приходилось иметь дел с издательствами, но о вмешательстве книготорга еще не слыхал...

Еще раз очень, очень прошу ответить мне!

С дружеским приветом,

Дмитрий Юрьевич Кобяков

(Барнаул — 23, улица 40-летия Октября, 28, кв. 28)

29 января 1962 года

Уважаемый товарищ Роговой!

Спасибо за хорошие вести! Очень рад, что о Куприне понравилось Вам и Ивану Павловичу, у меня сохранилось старое письмо Паустовского, где он писал: «"Вечер в Париже" — превосходен!»

К несчастью, я снова болен, даже, как говорят доктора, сильно болен, межреберная невралгия, очень мучительная. Отделять рассказы о Маяковском и Бунине сейчас не в состоянии. Может быть, Вы найдете возможность напечатать из того материала, который у Вас еще имеется, статью «Русский Париж»? Там и о русских названиях улиц, много сказано о наших писателях, в том числе о Маяковском, Бунине и Куприне. Вообще, о русском Париже у нас мало знают. У меня все это разбросано в двух-трех местах, нужно соединить, сюда же можно прибавить и «Вечер в Париже»... Впрочем, Вам, конечно, виднее.

Как я уже писал Ивану Павловичу, живу исключительно своей пишущей машинкой, и сейчас из-за болезни дела мои литературные довольно плохи. Весть о гонораре меня обрадовала. Очень прошу, если это возможно, пусть бухгалтерия пошлет деньги за мой счет по телеграфу. Также прошу, с вычетом из гонорара, отправить мне пять номеров «Простора», кроме двух, за которые я вложил деньги в письмо Ивану Павловичу (26 января). В частности, хочу спросить Вас (как редактора отдела критики): у меня есть уже написанная статья о наших современных переводчиках. Могли бы Вы напечатать такую статью? Нельзя оставлять безнаказанным такие выражение переводчиков, как «научный пророк Моисей», «травленный французский дуэлянт» (вовсе не в смысле «отравленный»), или слова, которые лень переводчику найти в словаре и он так и пишет: «кохиноры», «безант», «казарки» (не птицы!), «дементный старик» (вместо сумасшедший) и очень много такого... Передайте мой искренний привет Ивану Павловичу! Напишите, пожалуйста, как Ваше имя-отчество.

*С искренним приветом,
Ваш Дмитрий Юрьевич Кобяков
(Барнаул — 23, улица 40-летия Октября, 28, кв. 28)*

9 февраля 1962 года

Уважаемые Иван Павлович и товарищ Роговой!

Не знаю теперь, кому из вас писать!

Сегодня получил гонорар из Алма-Аты, но не написано в переводе, удержали ли из гонорара деньги за просимые мной экземпляры журналу, которых я до сих пор не получил. Может быть, не дошло мое письмо с деньгами, прилагаю здесь снова один рубль и прошу выслать мне экземпляры «Простора».

Посылаю Вам «Русский Париж», тогда пришлю Вам и «Парижские рассказы»: 1. «Прогулка с Маяковским», 2. «Вечер в Париже», который у Вас есть, и 3. «Последнее свидание» — о Бунине.

Я понимаю, как Вам трудно найти время, чтобы сразу ответить, но все-таки очень прошу Вас написать мне.

*С дружеским приветом,
Дмитрий Юрьевич Кобяков*
(Барнаул — 23, улица 40-летия Октября, 28, кв. 28)

23 октября 1961 года

Уважаемый товарищ Щеголихин!

Как Ваше имя-отчество?

Прежде всего, должен Вам сказать, что отредактировал рукопись человек, очень знающий и культурный, чего, к сожалению, нельзя сказать о наших «местных» редакторах...

Единственно, о чем прошу: вычеркните слова «выбрали наиболее интересные главы».

Пришлите, пожалуйста, мне номер «Простора», здесь я нешел.

Очень прошу Вас, печатайте возможно скорее, так как уже появляются в журналах весьма похожие вещи! Дело в том, что книгу писал я в Париже, кончил ее здесь в прошлом году. И в прошлом году рукопись моя «пропала» в одном из издательств в Киеве!..

Если этот отрывок по напечатании вызовет одобрительные отклики среди читателей, то Вы могли бы поместить еще отрыв-

ки о жизни В.И. Ленина и Маяковского в Париже, о русских названиях улиц там и т. п.?

Большое Вам спасибо на добром слове! Кстати, кто Вам передал мою рукопись? Можно ли узнать его адрес?

*С дружеским приветом,
Дмитрий Юрьевич Кобяков
(Барнаул — 23, улица 40-летия Октября, 28, кв. 28)*

13 февраля 1962 года

Уважаемый Иван Павлович!

По правде сказать, я с некоторой тревогой ждал Ваш журнал, так как совершенно не имел понятия и не мог приблизительно судить по здешнему альманаху «Алтай». Сейчас я получил два экземпляра журнала, очень благодарю Вас и хочу написать Вам о нем несколько слов: журнал хорошо издан, интересен и произвел на меня самое лучшее впечатление. В таком журнале приятно печататься! К сожалению, на обложке не отмечено: когда он выходит. Ежемесячно или два раза в месяц? Если один раз в месяц, то искренне сожалею, что следующую мою вещь Вы сможете поместить только через 5 месяцев! А может быть, найдете возможность напечатать раньше? Приятно, что в журнале могут появляться и большие произведения, как повесть Ивана Абрамова «Пробный стык»... Досадно, что в «Содержании» допущена опечатка: вместо Д. напечатано К. Кобяков!

Большое спасибо за поздравление! Только прошу сообщить: каким образом так быстро проявилась реакция читателей? Ведь журнал только что вышел? Пересылаете ли Вы письма и отзывы читателей, адресованные автору?

Очень прошу Вас: ни в коем случае не печатайте о Куприне отдельно! Я уже кончил рассказ о Маяковском и пишу о Бунине. Напечатайте все три рассказа вместе. Но до этого прошу сообщить, берете ли вы рассказ «Русский Париж»? Мне кажется: он тоже должен понравиться читателям.

Прошу передать мой привет Михаилу Роговому, мне очень понравился его рассказ «Один-единственный человек», прочел

его с громадным удовольствием. К сожалению, пропал эффект неожиданности: стихи эти я знаю и они приведены во второй моей книге, в главе «Автоматизация творчества». А рассказ его просто замечательный! Мне кажется, что он бывал в Берлине.

И еще — последняя просьба к Вам, Иван Павлович: у меня ментально утащили оба экземпляра «Простора»! Так что прошу очень: вышлите мне еще четыре номера! Еще рубль здесь прилагаю и марки за пересылку заказным. Я хочу послать в Москву Леониду Сергеевичу Соболеву и Паустовскому.

Еще раз хочу сказать: приятно печататься в таком журнале! Ведь я сам четверть века был редактором...

*С искренним дружеским приветом,
Дмитрий Юрьевич Кобяков
(Барнаул — 23, улица 40-летия Октября, 28, кв. 28)*

P.S. Был бы Вам чрезвычайно признателен, если бы Вы сообщили мне хоть один адрес какого-нибудь областного журнала, но не менее культурного, чем Ваш!

15 марта 1962 года

Уважаемый Иван Павлович!

Получил сейчас Ваше теплое письмо и очень рад, а то уже стал недоумевать, не зная, что произошло в редакции... Очень обрадовался, узнав о Н.Н. Кнорринге, сколько же ему лет сейчас?! Он же прадед, а теперь, может быть, и прапрадед! Может быть, у вас сотрудничает и один из моих немногих парижских друзей — поэт Юрий Борисович Софиев, он был женат на дочери Кнорринга. В течение двух лет разыскивал его, но так и не нашел. Так как адреса Кнорринга я не знаю, то прошу Вас передать ему или переслать прилагаемое письмо.

Посылал Вам о Маяковском. Простите, что не перепечатал статью, но не в силах, так как все еще не прошла невралгия и каждый удар клавиши пишмашинки больно отдается в боку! Но Иван Павлович, мне необходимо знать Ваше решение теперь же: ведь живу я только литературным трудом. А взять хотя бы Ваш журнал: хотели напечатать не раньше пятого номера, теперь откла-

дываете на «не раньше шестого», так что мне нужно знать, если не возьмете «Путешествие в гетто» — постараюсь отправить в какой-нибудь журнал.

За адрес «Сибирских огней» спасибо, но мне говорили, что там печатают только рассказы о Сибири, но все равно пошлю им. Я рассылаю свои вещи по разным провинциальным журналам, но адресов не знаю, так что, может быть, все это и пропадает на почтах.

Ничего не сказал Вам, когда напечатали мою первую вещь в «Просторе», а теперь хочу спросить: предполагал, что если редакция присылает рукопись для визирования, то в таком виде она и будет напечатана. Для меня было тяжелым ударом, когда вместо 32 страниц я увидел только шесть! Ударом не только по самолюбию автора, но еще больше, кажется, по бюджету!

Рассказом о Маяковском очень дорожу, все это написано так, как было в действительности. Слегка сказочный элемент показывает восприятие всего глазами поэтов. Буду сильно жалеть, если Вам придется сокращать или изменять рассказ. О Бунине продолжаю писать, но я снова болен, работаю с трудом и медленно. Сильно сожалею: прекрасный «Простор» издается в таком малом количестве, а здешний «Алтай» вам даром дадут в любом магазине... Не думайте, пожалуйста, что я на них в обиде, они очень хотели, чтобы я печатался у них.

Еще один вопрос к Вам: можно ли попросить Вас сообщить адрес «Шмеля» или чтобы они прислали мне все равно какой номер журнала. Я спрашивал Рогового о том, можно ли у Вас напечатать статью о переводчиках. Так как Роговой не ответил, то хочу послать ее в «Шмель», но мне нужно знать, что это за журнал.

Повторяю, что писал раньше: о Куприне, Маяковском и Бунине лучше напечатать в одном номере, как «Парижские рассказы», боюсь только, пока я пришлю о Бунине, вы перенесете печатание еще на более отдаленный номер! Неловко просить, но неужели никак невозможно поместить раньше? Я даже согласен на то, чтобы, скажем, в третьем-четвертом номере пойдет отдельно о Куприне (это же коротенькое эссе) и будет указано, что продолжение «Рассказов о Париже» — в следующем номере.

Простите за мое пожелание, но для меня это «ту би ор нот ту би»!

Должен сказать, что мне будет чрезвычайно приятно, если «Путешествие в гетто» понравится Вам и Михаилу Исааковичу. Может быть, нужно предпослать редакционную аннотацию в таком роде:

«Писатель Д.Ю. (и т. д.) жил в Париже, когда туда во второй раз приехал В.В. Маяковский. Средневековое гетто, позор «цивилизованного» Парижа, было уничтожено только незадолго до Второй мировой войны. Гитлер восстановил гетто в 1941 году, когда немцы заняли Париж. Все обитатели гетто были вывезены в пригород Парижа Дранси и там уничтожены».

Передайте мой привет Михаилу Исааковичу. Вероятно, это он ответит мне о Маяковском? То, что он не был в Берлине, еще больше подчеркивает его талант: сделано так, как будто автор списал все это с натуры.

*С искренним приветом,
Ваш Дмитрий Юрьевич Кобяков
(Барнаул — 23, улица 40-летия Октября, 28, кв. 28)*

*9 августа 1962 года
(Д.Ф. Снегину, редактору литературно-художественного журнала «Простор»)*

Дорогой Дмитрий Фёдорович!

Большое спасибо Вам за хорошее отношение ко мне, за книгу Вашу, за помощь, которую оказали мне!

Прилагаю здесь замечания к Вашей книге. Почему-то в Барнауле она еще не продается, вероятно, еще не дошла сюда?

В Алма-Ате я так устал, что по приезде домой проспал почти сутки.

Чудесный город Алма-Ата! Прекрасные люди живут в нем! Никогда не нравился мне Барнаул, а теперь просто смотреть на него противно...

Необходимо здесь написать Вам несколько деловых строк: очень прошу редакцию подтвердить, что моя статья о весталках, яблоке и табаке пойдет в десятом или одиннадцатом номере (вместо обещанного девятого)... Мне это необходимо знать.

Ваша милая художница, художественный редактор Н. Яровая, хотела даже поручить В. Логинову проиллюстрировать эту вещь. Это было бы очень приятно!

К сожалению, мне не удалось повидать тов. Скворцова, которому Вы хотели передать мои стихи! Очень плохо, когда изменяют прозу, но совершенно нельзя трогать стихи!

Самая главная просьба к Вам, конечно, в рукописи. Очень прошу, дорогой Дмитрий Фёдорович, простить меня за навязчивость, знаю, что надоел Вам еще в Алма-Ате, но уверен, что после моего отъезда все забыли обо мне и Ровинский читать рукопись не станет, пока Вы ему не напомните! А мне необходимо знать срочно: выйдет ли книга в Казахском издательстве?

Буду искренне рад, если ответите мне!

*Привет всем в редакции,
Дмитрий Юрьевич Кобяков
(Барнаул — 23, улица 40-летия Октября, 28, кв. 28)*

25 августа 1962 года

Дорогой Дмитрий Фёдорович!

Перебирая свои бумаги, нашел эти заметки о Вашей книге и прилагаю их к своему письму. Были ли рецензии в Алма-Ате? Я хочу послать в какую-нибудь из алма-атинских газет статью о книге, но нужно знать: где еще не была рецензия. Здесь вряд ли напечатают.

Книгу Вашу сейчас продают и у нас, я спрашивал, покупают ее довольно охотно.

Пишу Вам, потому что вчера получил очень большое письмо от моего друга Софиева из Алма-Аты и вспомнил, что от вас ответа еще нет. Знаю, что Вы очень заняты, но, может быть, найдете минутку мне ответить? Дроздов мне ответил и вернул стихи. Жаль, потому что они ВАМ понравились. Подчеркиваю: не потому что Вы главный редактор, а потому что Вы сами поэт и мне было чрезвычайно приятно, что они понравились именно Вам! А стихи этого Дроздова мне показывал Софиев...

Окончательно решил переезжать в Алма-Ату. В особенности на этом настаивает Софиев. Для этого необходимо издать книгу,

а Ровенский, КОНЕЧНО, ничего мне не пишет! И я очень прошу Вас по-хорошему, по-советскому помочь мне и позвонить ему — попросить, чтобы он наконец написал мне!

Еще раз очень благодарю Вас за все и надеюсь, что снизойдете до меня и напишете несколько слов!

Кстати сказать, и из редакции мне не ответили, и я не знаю о судьбе моих рукописей! Неужто так сильно надоел Вам всем тогда?!

*С космическим приветом,
Ваш Дмитрий Юрьевич Кобяков
(Барнаул — 23, улица 40-летия Октября, 28, кв. 28)*

*27 марта 1962 года (Юрию Павловичу,
сотруднику журнала «Простор»)*

Уважаемый товарищ Плашевский!

Круг моих знакомых в «Просторе» расширяется! Пожалуйста, напишите Ваше имя-отчество, не могу привыкнуть обращаться по фамилии!

А ведь Иван Павлович обещал напечатать в пятом номере, ну, ничего. Шлю Вам о Бунине и примечания к нему. Остальные персонажи — хоть и существуют, но фамилии их заменил, кроме шофера Дунаева, который прыгнул с Эйфелевой башни (Конечно! Жив не остался!).

Очень рад, что понравилось о Маяковском. Там был налет поэтический. О Бунине-прозаике писал более реалистично, стараясь передать дух Парижа, которым он дышал столько лет.

Маяковский во второй раз приехал в Париж в ноябре 1924 года и уехал 20 декабря, когда французы начинают праздновать свое Рождество. В ноябре во Франции еще тепло. Кстати, нужно исправить опечатку у меня на 3 странице: я читал в «Красной нови», а не «Ниве»!

Снова пишу, о чем упоминал уже Ивану Павловичу: прошу напечатать все три вещи вместе, как «Парижские рассказы». Мне это очень важно! И еще прошу: если станете переделывать или сокращать — поставьте в известность меня, я так много работал над этими вещами, что малейшая переделка будет наждаком по

открытой ране! Можете оставлять место в каждом номере, пишу много, стиль мой Вам знаком. О переводчиках пришлю, статью нужно расширить.

Буду благодарен, если письмо мое перешлете Кноррингу, да и мне укажете его адрес.

А теперь прошу извинить меня: не могу до сих пор привыкнуть к тому, что у нас так долго не отвечают на письма или не отвечают вовсе! Очень прошу Вас не задерживать ответ и написать: берете ли о Бунине? Ведь пока Вы не ответите, я лишен возможности предложить рассказ в другой журнал, а живу я исключительно литературным трудом и живу, должен признаться, очень скверно.

Могу ли я затруднить Вас двумя просьбами?

Первая: нормально ли, что из девяти журналов в провинции, куда я разослал свои очерки и рассказы, не ответил ни один! Правда, посылал без указания адреса, только город и название журнала, посылал заказными. Так как мои вещи нравятся «Простору», так не печатают меня в Барнауле, а взяли мою книгу в «Детгизе» — очевидно, молчание не из-за недоброкачества посланного материала...

Вторая просьба: не можете ли Вы мне сказать, сможет ли Алма-Атинское издательство издать мою книжку, небольшую, форматом 10 X 13, как книжка Германа «Здравствуйте, доктор!» в «Советском писателе». Я работал в Париже в издательствах и смогу сам оформить эту книжку очень красиво, с обложкой картонной, с форзацем и т. д. Это мои «Парижские рассказы», три из которых Вы знаете. Дополню их другими, которые тоже, может быть, будут напечатаны у Вас. Буду Вам чрезвычайно благодарен, если ответите на эти вопросы. Книжка маленькая, ее можно издать немедленно СВЕРХ ПЛАНА. Я мог бы обратиться в Алтайское книжное издательство, но уж больно симпатичные там люди...

Мне совершенно необходимо для продолжения моего «творчества», как выражаются у нас, иметь физическую возможность работать. А у меня ее нет. Вот — одновременно с Вашим письмом получил сегодня договор на издание моей книги о словах из «Детгиза», но увидел, что деньги получу не раньше августа. А мне будет очень трудно прожить до августа!

Пусть Вас не удивляет это письмо: если уж с первого раза так обращаюсь (я хотел написать все это Ивану Павловичу), значит, не очень хорошо пришлось человеку и т. д.

Вот – буду очень признателен Вам, если сразу ответите мне.

Издать Алма-Ата книжку может, успех по своей «экзотичности» она иметь будет. В книжке всего сто страничек – маленького формата.

Шлю привет Михаилу Исааковичу Роговому.

*С искренним приветом,
Дмитрий Юрьевич Кобяков
(Барнаул – 23, улица 40-летия Октября, 28, кв. 28)*

26 мая 1962 года

Уважаемый Юрий Павлович!

Получил сегодня Вашу открытку и сейчас же отвечаю.

Новая глава из книги «Парижские рассказы» очень велика и еще не окончена. Там про Марину Цветаеву и похищение генерала Кутепова. Назвал главу «Украденный генерал». Пришлю, когда будет готова.

Здесь прилагаю главу из «Книги о словах», которая выходит в «Детгизе». Не посылал раньше, ожидал ответа от Вас.

Так как мне очень важно знать, годна эта вещь для Вас или нет, для быстроты прилагаю конверт, чтобы Вы сразу могли написать мне!

Получили ли Вы деньги на пересылку 8-9 экземпляров «Простора» с моими рассказами? Мне это очень важно.

Очень прошу известить меня, в каком номере поместите этот рассказ о весталке и куполах. Все слова там правильны: процежены и проверены детгизовскими филологами!

Жду ответа и экземпляров «Простора».

Прошу передать мой привет Ивану Павловичу и Роговому!

*С искренним приветом,
Дмитрий Юрьевич Кобяков
(Барнаул – 23, улица 40-летия Октября, 28, кв. 28)*

14 июня 1962 года

Уважаемый Юрий Павлович!

Спасибо за письмо! Не мог сразу ответить Вам: кончал новую книгу «Бессмертный дар». К великому моему сожалению, ее запланировали только на 1964 год. Меня это не удовлетворяет, буду стараться устроить рукопись в другое издательство.

В Алма-Атинском книгоиздательстве некоторые перемены? Я читал об этом в «Литературной газете». Может быть, теперь там можно будет поговорить и о «Парижских рассказах»? Напоминаю Ваше обещание спросить об этом, когда будут напечатаны рассказы в «Просторе». Я еще не получил эти экземпляры. Номер, вероятно, уже вышел?

Когда думаете напечатать о весталках?

Для рассказа о похищенном генерале и о Цветаевой мне необходимо вышедший недавно сборник стихов Бориса Пастернака. Здесь его найти не удалось. Писал в Москву в «Книги почтой», но до сих пор книгу не получил. Может быть, ее можно найти в Алма-Ате? Был бы вам бесконечно признателен, если бы Вы позвонили из редакции в алма-атинский книжный магазин и попросили бы их послать мне Пастернака наложенным платежом!

Очень прошу сообщить мне, в каком номере «Простора» Вы думаете поместить рассказ о Цветаевой?

Когда начинается Ваш отпуск?

*Привет всем в редакции!
С дружеским приветом*

21 июня 1961 года

Уважаемый Юрий Павлович!

Буду Вам очень признателен, если удастся достать Пастернака!

Экземпляры «Простора» жду с нетерпением: я просто вырежу мои рассказы и вклею их в рукопись книги «Парижских рассказов».

Отчего с таким запозданием выходят наши толстые журналы?

Спасибо, что взяли весталок на 9 номер! Только очень маленькая эта статья. Если хотите, пришлю продолжение — о табаке и о яблоке, написанное в таком же духе. Там у меня страниц 10 машинописи. Тогда оставьте место, получится по объему, как в первом и в шестом номерах.

Может быть, я скоро приеду на несколько дней в Алма-Ату и буду очень рад познакомиться с вами и с другими вашими редакторами. Кстати, и с вашим издательством познакомите меня.

Объясню Вам, почему не очень хочу, чтобы меня издали здесь: вот что писал в своем заключении редактор литературы в Алтайском книжном издательстве (ни одного слова не выдумываю, его рецензия и пометы у меня сохранились). Он не знает, что такое «квадрига» (я писал о клодовской квадриге на дворце в Париже). Не знает, что полотняные навесы над кафе и магазинами называются «маркизами». У нас это есть и теперь в литературе, например, у А. Толстого. Редактор отчеркнул двумя КРАСНЫМИ чертами фразу: «крылья музея Трокадеро», а когда я спросил его, он ответил, что крылья бывают только у птиц! Переправил слово «тонный» на «томный», сказав, что слово «тонный» в русском языке не существует. Написал, что «очень жаль, что автор так мало написал о своих встречах с Лениным в Париже в 1895 году»!!! В рассказе о Куприне предложил выкинуть все о кошках и о том, что нас связывала любовь к животным. Уже нечего говорить, что он настроен о Маяковском и Бунине! Человек абсолютно некультурный и малограмотный... Вот от таких «редакторов» зависят здешние писатели! Надеюсь, что в вашем издательстве редакторы такие же, как и Вы и ваши коллеги!

Да, чтобы не забыть: если не очень скоро смогу рассчитывать на получение гонорара, то смогу ли получить его по приезду? Это мне будет на обратный путь. Вообще, мечтаю переселиться в Алма-Ату, там живет мой лучший друг Юрий Софиев, хороший поэт и в настоящее время научный сотрудник Казахской Академии. И, судя по его письмам, люди у Вас хорошие и очень культурные: впрочем, я это и сам знаю по переписке с Вами, с Иваном Павловичем и Роговым!

Шлю всем привет и, может быть, — до скорого свидания!

Дружески

12 ноября 1962 года

Уважаемый Юрий Павлович!

Получил письмо, большое Вам спасибо! Ведь я так разделяю людей: на «ответственных», которые отвечают на письма, и «безответственных», которые не отвечают. Простите за дурной каламбур!

Письмо Ваше меня огорчило — и не потому, что рассказ откладывается на неопределенное время, а потому, что, к несчастью, еще существуют у нас такие люди, которые судят о писателе не по его произведениям, а по его характеру как человека. А по-моему — пусть человек и дурной, но раз он хорошо пишет, то он ценнее хорошего человека, но дрянного писателя! Это, конечно, я не о себе говорю! Ну, это так — между прочим...

Очевидно, я ошибся, спрашивая Вас о «Резистансе». Это и лучше, потому что рассказ по совету Софиева я исправил и переделал и в таком виде посылаю его Вам. Только очень прошу не задерживать с ответом, потому что вся книга уже отправлена в Москву.

Вероятно, я оставил у вас свой очерк «Русский Париж». Если так, напишите мне и о нем. И «Русский Париж», и «Резистанс» могут подойти к юбилейным датам: 50-летия пребывания В.И. Ленина в Париже и 150-летия первой Отечественной войны. Но это больше относится к «Русскому Парижу», там и о Ленине много написано.

Ваша фраза, что «если рассказ интересен, то он, может быть, проскочит даже раньше статьи о яблоке», доказывает, что статья эта не пойдет и в первом номере.

Пишите мне откровенно, я достаточно стар, чтобы не обижаться на откровенность!

Случайно купил здесь три тома словаря Срезневского. Характерная деталь: НИКТО в Барнауле не купил ее, а это величайшая драгоценность, ее и в библиотеках здешних нет!

Дружеский привет всем

Библиография

* — отмечены издания, отсутствующие в фондах Алтайской краевой библиотеки им. В.Я. Шишкова

Отдельные издания Д.Ю. Кобякова

1. *Осколки. — Париж, 1921.
2. *Керамика: тринадцать вещей двадцать четвертого года / обл., фронт. и заставка Льва Шульца. — Париж: Птицелов, 1925. — [16] с.
3. *Вешняк: ритмический цикл. — Париж: Птицелов, 1926. — 31 с.
4. *Горечь. Кн. 3: [стихи]. — Париж: Птицелов, 1927. — 15 с.
5. *Чаша. — Париж: Птицелов, 1936. — 56 с.
6. Бессмертный дар: повесть о словах. — Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1965. — 188 с.
7. Приключения слов: [для ст. шк. возраста] / [ил. И. Кузнецов]. — Москва: Дет. лит., 1966. — 144 с.: ил.
8. Бессмертный дар: повесть о словах. — 2-е изд., испр. и доп. — Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1971. — 192 с.
9. Бессмертный дар: повесть о словах / [общ. ред. Е.Я. Болговой]. — Изд. 3-е, испр. и доп. — Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1973. — 192 с.
10. Приключения слов: [для сред. и ст. шк. возраста]. — [Переизд.]. — Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1975. — 95 с.: ил.
11. Слова и люди. — Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1976. — 114 с.
12. Слова и люди / науч. ред. д-р филол. наук, проф. К.А. Тимофеев. — 2-е изд. — Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1977. — 112 с.

Публикации в сборниках и периодических изданиях

13. *«Стих мой волен и легка походка...» // История культуры Алтая. — Барнаул, 1995. — Вып. 1. — С. 46.

14. Творчество на фоне нужды: из фонда Дмитрия Юрьевича Кобякова — [писателя-языковеда] / авт. вступ. ст., подгот. материалов А. Колесникова // Судьбы: воспоминания, дневники, письма, стихи, путевые заметки, протоколы допросов. — Барнаул, 1996. — С. 44–50: портр.

Приводятся дневниковые записи Д.Ю. Кобякова.

15. Поэты пражского «Скита»: стихотворные произведения: [сборник / сост., вступ. ст., коммент. О.М. Малевича]; редкол.: Н.Н. Скатов (пред.) и др. — Санкт-Петербург: Росток, 2005. — 544 с.: ил. — (Неизвестный XX век). — Библиогр. в примеч.: с. 21–24 и в тексте послесл.

В т. ч. включены произведения Д.Ю. Кобякова.

16. Вечер в Париже: рассказ // Литературная газета. — 2006. — 11-17 окт. (№42). — Прил.: Алтай. — №14. — С. 3.

17. Вечер в Париже: рассказ // Литературный Алтай / [ред.-сост. С.В. Вторушин]. — Барнаул, 2007. — Т. 1: [Антология одного рассказа. Поэтическая тетрадь]. — С. 238-241: портр.

18. Три стихотворения из книги «Чаша»; Вечер в Париже; Последнее свидание; Из дневника (1962–1963 гг.) // Тобольск и вся Сибирь: альманах. — Тобольск, 2010. — Кн. 13: Барнаул. — С. 218–229: фот.

Литература о жизни и творчестве

19. Добродомов И.Г. [О книге Д.Ю. Кобякова «Бессмертный дар» (Барнаул, 1965)] // Русский язык в школе. — 1966. — №5. — С. 120–121.

20. Чертков Л. Сущность слова // Алтайская правда. — 1967. — 8 апр.

О книгах Д.Ю. Кобякова «Бессмертный дар» (Барнаул, 1965) и «Приключение слов» (М., 1966).

21. Колесников А.А. Дмитрий Кобяков: «И снова обретая жизнь свою...» // Молодежь Алтая. — 1989. — 1 дек. — С. 6, 19: портр.

22. Набоков В.В. Письма о русской поэзии / публ. Р.Д. Тименчика // Литературное обозрение. — 1989. — №3. — С. 99–100.

23. Колесников А.А. 90 лет со дня рождения писателя и журналиста Д.Ю. Кобякова (1902–1978) // Страницы истории Алтая: календарь знаменат. дат, 1992. — Барнаул, 1992. — С. 21–25. — Библиогр.: с. 25.

24. Колесников А.А. Дмитрий Кобяков. Год в Чехии // Алтайский сборник. — Барнаул, 1995. — Вып. 16. — С. 171–178. — Библиогр. в примеч.: с. 177–178 (19 назв.)

О пребывании ученого, литератора Д.Ю. Кобякова в эмиграции в Праге. 1923–1924 гг.

25.*Колесников А.А. Одиссея Дмитрия Кобякова // История культуры Алтая. — Барнаул, 1995. — Вып. 1. — С. 37–50. — Библиогр. в примеч.: с. 46–50 (57 назв.).

26. Колесников А.А. Кобяков Дмитрий Юрьевич // Энциклопедия Алтайского края. — Барнаул, 1996. — Т. 2. — С. 176–177: портр.

27. Словарь поэтов Русского Зарубежья / Рус. Христиан. гуманитар. ин-т ; под общ. ред. В. Крейда. — Санкт-Петербург: Изд-во Рус. Христиан. гуманитар. ин-та, 1999. — Из содерж.: Кобяков Дмитрий Юрьевич. — С.123.

28. Муравлев А. Он знал великих... // Свободный курс. — Барнаул, 1999. — 8 июля (№ 28). — С. 12: фот.

29. Колесников А. А. Кобяков Дмитрий Юрьевич // Барнаул: энциклопедия. — Барнаул, 2000. — С. 143–144.

30. Потапов А. Помню пляски половецкие // Барнаул. — 2006. — № 2. — С. 17–18: рис.

Воспоминания художника А. Потапова о знакомстве с писателем Д. Ю. Кобяковым.

31. Эхо подарка // Барнаул. — 2006. — №2. — С. 16–17: репрод. *О писателе, поэте, журналисте Д.Ю. Кобякове.*

32. Родионов А. Удостоен всесоюзного позора // Литературная газета. — 2006. — 11–17 окт. (№ 42). — Прил.: Алтай. — №14. — С. 3: портр.

33. Марьин Д. Три загадки Дмитрия Кобякова // Алтай. — 2008. — № 6. — С. 132–136.

34. Родионов А. Удостоен всесоюзного позора // Сибирские огни. — 2008. — № 9. — С. 157–160.

35. Марьин Д.В. Лексикографическое наследие Д.Ю. Кобякова // Язык и культура Алтая: материалы и исследования 2009. — Барнаул, 2009. — С. 61–71. — Библиогр. в конце ст. (23 назв.).

36. Марьин Д. В. Русская этимология и лексикография в исследованиях Д.Ю. Кобякова // Сибирский филологический журнал. — 2009. — № 2. — С. 128–135: табл. — Библиогр.: с. 134–135 (21 назв.).

37. Родионов А.М. Удостоен всесоюзного позора // Тобольск и вся Сибирь: альманах. — Тобольск, 2010. — Кн. 13: Барнаул. — С. 213–217.

38. Родионов А.М. Удостоен всесоюзного позора // Родионов А.М. Одинокое дело мое: мгновенья лет мимолетящих. — Барнаул, 2011. — С. 246–255: ил.

39. Марьин Д. «Белой акации цветы эмиграции...» // Культура Алтайского края. — Барнаул, 2011. — № 4. — С. 26–29: фот.
О писателе Д.Ю. Кобякове.

40. Марьин Д. Собрание сочинений: том пятый: затишье перед бурей / Д. Марьин; интервьюер Л. Хомайко // Свободный курс. — Барнаул, 2011. — 4 дек. (№ 50). — С. 18: ил.
Беседа с Д. Марьиным, кандидатом филологических наук, составителем пятого тома антологии «Алтай в русской литературе 19–20 веков».

41. Марьин Д. Д.Ю. Кобяков: четыре письма // Алтай. — 2013. — № 2. — С. 166–172.

42. Муравлев А. С. Он знал великих: о Д. Кобякове — писателе-эмигранте, жившем в Барнауле // Муравлев А.С. Неизвестный Алтай. Поверх барьеров: очерки. — Барнаул, 2014. — С. 315–319.

43. Муравлев А. Он знал великих... // Алтайская правда. — 2014. — 12 апр.: портр.

44. Муравлев А. С. Он знал великих // Автограф. — Барнаул, 2015. — № 10. — С. 32–33: фот.

45. Тростникова А. Машинка бывшего парижанина // Вечерний Барнаул. — 2015. — 27 февр. — С. 25: фот.

О жизни и творчестве писателя Д.Ю. Кобякова и об его пишущей машинке, хранящейся в Центральной городской библиотеке им. Н. М. Ядринцева (г. Барнаул; Алтайский край).

С О Д Е Р Ж А Н И Е

С.А. Мансков. Барнаульский эмигрант
стр. 5

Проза
стр. 11

Поэзия
стр. 97

Публицистика
стр. 125

Дневник Д.Ю. Кобякова за 1962 год
стр. 143

Избранная переписка
стр. 201

Библиография
стр. 217

Литературное
наследие
Алтая

Дмитрий Кобяков

Редактор-составитель: С.А. Мансков

Художественный оформитель: А.Н. Шелепов

Верстка: М.Р. Магомедова

Корректор: Ю.В. Иванов

Подписано в печать 00.10.18. Формат 84x108/32

Гарнитура Orbi. Бумага мелованная 90 г/м². Печать офсетная.

Тираж 1500 экз. Заказ №3358

Отпечатано в ООО Красногорский
полиграфический комбинат

115093, г. Москва, Партийный переулок, д. 1, корп. 58